

БОРИС НЕСТЕРЕНКО

НА СЛУЖБЕ У ДРУЖБЫ

стихи 2018-2020 г. г.

**Новосибирск
2020**

22-му выпуску 1970 года Свердловского
Суворовского военного училища посвящаю

На службе у дружбы

Поэма

*«Как не пыжься, как не тужься,
Но когда пуста душа,
Ни о службе, ни о дружбе
Не расскажешь ни шиша!*

*Только если боль чужая,
Как своя, кровавит рот,
Вдруг придёт строка такая,
Что, как пуля, обожжёт.*

*Напиши стихи без дрожи
Кровью из открытых жил,
Вот тогда сказать ты сможешь –
Я кадетству послужил...»*

Пролог

* * *

Случилось так, что я в сети
Блуждал в тиши бессонной ночью,
Пытаясь в Яндексе найти
Стихов достойных пару строчек.

О, сколько разного дерьма
Там изобилует весьма,
Народец пишет, не уймётся –
И всё поэзией зовётся.

Но тут попался бриллиант,
От текста мне не оторваться
И поспешил я разобраться,
Откуда взялся сей талант.

Он из Калининских кадет -
Маститый воин и поэт!

* * *

Я видел, он солдат бывалый
И по характеру не прост,
Когда талант его немалый
Мне открывался в полный рост.

Владимир Кошелев, братишка,
Он написал немало книжек
И славных песен про войну
Уже сложил он не одну.

Он не лишён, отнюдь, апломба,
Но есть достоинства и кроме -
Сумел вместить в солидном томе
Он зарифмованную бомбу.

Не зря ж Онегинской строфой
Поэт роман украсил свой! *

**(Речь идёт о романе Кошелева В. М.
«Петрович – супершпион из Одессы»)*

* * *

Роман кадета и поэта
Презентовал мне автор вдруг,
Благодарю судьбу за это –
Кадет всегда мне брат и друг.

Роман в стихах – не фунт изюма,
Такой приём поэт придумал,
И Пушкин из-за склепных плит
Ему арапником грозит.

Но поздно, задалась интрижка,
Раскрыв роман, читатель ахнет:
«Здесь русский дух и Русью пахнет!»
И просидит всю ночь над книжкой.

А что поэзия в загоне,
Напрасно критики долдонят.

* * *

Найдя по ссылке эту книжку,
Иных трудов его опричь,
Я открывал страницы «мышкой»,
Стремясь весь замысел постичь.

Да, мне с романом подфартило,
На удивленье всё в нём мило -
Лихой сюжет, язык живой
Со знаменитою строфой.

«Ура» издателю за это
И сочинителю «виват»!
«Господь с тобой, спасибо, брат!» -
Сказать мне хочется поэту.

Как многотомный «Капитал»,
Я ночь подряд роман читал.

* * *

Читал взахлёб и без отрыва,
Не отвлекаясь и на чай,
Чтоб обаянье перерывом
Мне не нарушить невзначай.

Какой там чай, какие кексы,
Когда подарок интересный?
Роман, написанный столь складно,
Я не читал уже изрядно.

Нет, жив курилка, слава Богу!
И русский жив ещё язык!
От рифм читатель не отвык,
Хоть и читает понемногу.

И про Петровича роман
Разоблачает сей обман.

* * *

Ах, Пушкин, Пушкин, наше диво -
И прорицатель, и поэт!
Мне подарил билет счастливый
Собрат, Калининский кадет.

Ничуть не меряясь талантом,
Я поклонюсь во след гиганту
И, уклоняясь от прикрас,
Начну неспешный свой рассказ.

Строфа Онегинская, братцы,

Не оскудела за века -
Схвачу удачу за бока,
Пора за дело приниматься.

Я посвящаю повесть эту
Тверскому брату и кадету.

* * *

Отсюда можно изловчиться
Повествование начать -
Свердловск, уральская столица,
Нам на три года стал, как мать.

Но, чур меня, строфа иного
Ждёт поэтического слова,
Здесь неприемлем стиль натужный,
Когда заходит речь о дружбе.

Не буду я слова искать,
Как мы здесь жили и учились -
Как мы в мужчин преобразились,
Куда важней мне описать!

И, кстати, город сей рабочий
Роднее мне столиц всех прочих.

Глава 1

* * *

Мы все учлись. Кто помногу,
Кто кое-как, напрягшись чуть,
По жизни верную дорогу
Стараясь выбрать как-нибудь.

Кто шёл в юристы, кто в артисты,
Кто за «баблом» в экономисты,
А кто-то выбрал эполеты,
С младых ногтей вступив в кадеты.

Чертила жизнь свои круги,
А эти юные герои
Любили с детства братство строя,
Шутить над ними не могли.

И не дерзите даже в шутку,

Медведю делая побудку.

* * *

Вот так и я, пострел изрядный,
Шагал по жизни босиком,
Кормился огурцами с грядок,
Их запивая молоком.

И, слава Богу и желудку,
Я не страдал расстройством жутким,
А рос здоровым молодцом
С нормальным телом и лицом.

Давно разъехалась деревня,
Где я впервые рот открыл,
Чтоб с молоком набраться сил
И слушать сказки и поверья,

Где я возрос в родном краю
И начал летопись свою.

* * *

Пора начать мне свой рассказ
О жизни грустной и весёлой,
Начну, пожалуй, в этот раз
С начальной деревенской школы.

Была она в деревне нашей
Других не хуже и не краше,
Ютилась в доме-пятистенке
С доскою в зале, с печкой в сенках.

И в этой самой светлой зале
Стояли парты в два ряда,
За ними, вследствие труда,
Азы наук мы постигали.

Два класса – первый и четвёртый
Учились грамоте и счёту.

* * *

Одновременно, не отдельно
Сидели возле разных стен
И занимались параллельно
Два класса, разные совсем.

Но всё же это была школа!
И помяну я добрым словом
Тот тёплый домик в три окна,
Откуда вся страна видна.

И пусть учила нас девчушка,
Как вспоминаю я теперь,
Но здесь нам в жизнь открылась дверь,
И в эту дверь пришёл к нам ... Пушкин!

Шагнул он весело и прямо,
В сонетах весь и эпиграммах.

* * *

О многом мог бы я поведать,
Полна картинок голова,
Как среди женщин за обедом

Летали разные слова.

Ах, эти тары – растабары,
В них, говорят, сильны татары,
А русский выпивший мужик
Молоть попусту не привык.

Вот и отец, бывало, крякнет:
«Уймитесь, бабы! Дам зело!» -
На женщин глянет тяжело
И кулаком по столу брякнет.

А жил он, в общем, по-простому
И верил слову золотому.

* * *

И вот однажды он решился,
Собрал нехитрые манатки
И, дом продав, где я родился,
Увёз нас в город без оглядки.

Забыты лес, река и поле,
Где не гулять с друзьями боле,
Прощайте, други боевые,
Теперь мы стали городские.

Отец работал в таксопарке,
А я пошёл в другую школу,
Но тосковал я по былому,
Не рад и маминым подаркам.

И долго снился мне Серёга,
Что жил от нас через дорогу.

* * *

Года учёбы промелькнули,
Пока ходил я в школу с ранцем,
Мы в космос с Юрою шагнули,
Опередив американцев.

Такое время наступило,
Что нужно было дать им в рыло,
Мы умудрялись бить всё злее
Их во Вьетнаме и в Корее.

А я ума набрать старался,
В числе последних не был в школе,
Отец увлёкся алкоголем
И где-то спьяну потерялся.

Жизнь обустроилась у нас,
А я восьмой закончил класс.

* * *

Ушла с учёбой маета
И школа за спиной осталась,
А тут так кстати и мечта
В моих мозгах образовалась.

Однажды я поведал другу
О своих с выбором потугах:
Как жить, кем быть, куда идти

В дальнейшем жизненном пути?

А друг и думал-то едва ли,
Сказав, мол, цель я назову –
Давай поедem в СВУ
В старинный город на Урале!

И через месяц мы рискнули -
В Свердловск на поезде рванули.

* * *

Всё это быстро на словах,
А в жизни долго и нутжно,
Примчались мы на всех парах,
А тут сдавать экзамен нужно!

Пока вертелась кутерьма
С проверкой нашего ума,
Мы на экзаменах пыхтели
И на суворовцев смотрели.

Мальчишки ходят в чёрных клёшах,
В фуражках стильных набекрень,
И чёрный кожаный ремень -
В ручном бою предмет хороший.

«Вот это стиль! Вот это шик!
Даёшь экзамены, старик»!

* * *

Конечно, упрекнуть нас можно,
Что мы – святая простота,
Что мы «купились» на одежду,
И где же наша здесь мечта?

Но так сказал я для проформы,
Конечно, роль играет форма,
Но значат больше формы здесь
Твой долг, достоинство и честь!

Дни проходили. Или – или...
И вот настал счастливый час -
На построенье нам Приказ
О зачисление объявили.

Мы поступили, всем привет!
Пишите письма, я – кадет!

Глава 2

* * *

Тогда большие планы были
В полуразрушенной стране,
По этим планам люди жили,
Осуществляя их вполне.

Год сорок третий, переломный,
Гудит пожар в стране огромной,
Идёт великая война,
А тут учиться – вот те на!

Солдаты рук не опускали,
Не допустив врага в Москву,
И вот Указ о СВУ
Издав в Кремле товарищ Сталин,

Чтоб из спасённых пацанов
Ковалась смена для отцов.

* * *

Набрали рвань и гопоту,
Голодных, грязных оборванцев,
И подарили им мечту,
И путь, чтоб им к мечте прорваться.

Конечно, были и иные,
У них награды боевые
Горели ярко на груди,
Как вехи славного пути.

Сыны полков и батальонов,
Отрядов, рот и батарей,
Они в страде военных дней
Уже привыкли жить в погонах.

А тут приказ Верховным дан,
Покинуть строй однополчан.

* * *

Страна ещё кровоточила,
Война не ведала конца,
Но власть мальчишек поселила
В покоях мирного дворца.

Такая власть тогда рулила,
Что о сиротах не забыла
И государственной рукой
Вернула мирный им покой.

Ещё гремела канонада

В полях далёких и горах,
Ещё в горящих городах
Взрывались бомбы и снаряды,

А этим сиротам войны
Уже учебники нужны!

* * *

Преобразились эти дети,
Пускай, не сразу и не вдруг,
Отмыты, сыты и одеты,
Суворовский усвоив дух.

Они на чёрные шинели
Погоны алые надели,
И форма чистого сукна
На каждом издали видна.

Перепоясаны ремнями,
В фуражках с красною звездой
Они нашли свой дом родной
Здесь, за парадными дверями.

Под зорким взглядом старшины
За парты сели пацаны.

* * *

Учёба! В ней заветный смысл
Идей Советского Союза,
И как по жизни не зовись,
Но если груздь – пожалуй в кузов!

А если ты к тому ж кадет,
Прими Суворова завет
Ты в биографию свою:
«Легко учёному в бою!»

А не ученье – это тьма,
Разлад, бессмысленные жертвы,
И как побить врага наверно,
Тебя научит жизнь сама.

И за Суворова держись –
Учись настойчиво всю жизнь!

* * *

Вот так неспешный мой рассказ
С военным пересёкся детством,
Но расскажу не в этот раз
Я про историю кадетства.

Энциклопедию иную
Я школярам рекомендую,

А для срифмованной строки
Трактат научный не с руки.

Ведь у меня задача проще –
Событий выделить абрис
И уловить судьбы каприз,
Не забывая фактов прочих.

А про державу с её прошлым
Пусть аспирант напишет дошлый.

* * *

Сей труд забавы ради начат
Для боевых моих друзей,
А если он кого подначит,
Того за ... пальцы – и в музей!

Коль ты угрюм и жмот известный,
То, значит, там тебе и место,
А если молод ты душой,
То от меня привет большой!

Не будь ты букой и изгоем
И не окрашивай газон
Перед приездом VIP-персон,
И не ходи до ветра строем.

Скажу я, Армию любя,
Что сей роман не для тебя.

* * *

Да, юмор – дело непростое,
Лихое, если ты не псих,
Всегда он схватит за живое,
Всегда ударит он под дых.

Есть юмор пошлый, есть площадный,
Есть чуть с душком и беспощадный,
Есть неприступный, как стена,
И есть жестокий, как война.

Но если ценишь ты на деле
Прикол и острое словцо,
Не отворачивай лицо
Тогда от юмора в шинели.

Когда я в Армии смеялся,
То помню – чуть не обос ... ся!

* * *

О чувстве юмора в погонах
Я сделал лёгкий экивок,
Но если ты силен в законах,
Тогда читай здесь между строк.

Я не навязываю мнений
В строках своих стихотворений,
Я с вами рядышком иду
И дую в старую дуду.

Признался сразу я в начале,

Что рос в команде молодцов,
Что на интриги подлецов
Всегда мы шуткой отвечали.

А шутка – это, брат, всегда
Для злопыхателя беда.

* * *

Отвлёкся я, душа блуждает
По перепутьям и мостам,
О чём-то странном вспоминаю,
Куда иду, не знаю сам.

Душа полна воспоминаний
И сердце жаждет оправданий,
Но, слава Богу, вижу я,
Что рядом верные друзья.

Для вас пишу роман я этот,
О дружбе музы мне поют,
Для вас я начал этот труд
И расскажу в нём о кадетах.

Простите, братцы, ради Бога,
Что наболтал здесь слишком много!

Глава 3

* * *

Почти забылись эти дни –
Свердловск, конец шестидесятых,
В строю товарищи мои,
Не дети, но и не солдаты.

Ещё не знают ноги – руки
Приёмов строевой науки,
Но мы пришли другим на смену
И их заменим равноценно.

Всё впереди – и шаг парадный,
И грудь четвёртого в ряду,
И повороты на ходу,
И медных труб сигнал отрадный.

«Отбой! Отбой!» - звучит в ушах.
С физподготовкой дело швах.

* * *

Конечно, были, кто ловчее,
Кто посильней, кто побыстрей,
И офицеры приглядели
Уже своих «богатырей».

Здесь – СВУ, здесь спорт в почёте
Хоть в мореманах, хоть в пехоте,
Хоть в ВДВ, хоть в пушкарях,
Хоть за штурвалом в «МиГ»арях.

И здесь видны уже намёки
Военной будущей судьбы
И спорта важные следы,
Когда учёбы выйдут сроки.

Но рано речь вести об этом –
Пока качайте пресс, кадеты!

* * *

Уносит память в даль годов,
Когда одев впервые форму,
Я был на подвиги готов,
Смерть на войне считая нормой.

Я преисполнен был фантазий,
Попав из грязи прямо в князи,
Ходил, как в трансе, по паркету,
Благодаря судьбу за это.

Как в сказке, в считанные дни

Судьба моя преобразилась,
Явила сказочную милость,
Как на фортуны не взгляни.

Я до сих пор не понимаю,
За что удача мне такая.

* * *

Вот так я с бухты и барахты,
По слову верного дружка
Встал под святой знамённый бархат,
Хотя и не был сын полка.

Конечно, знал я о героях,
В игре мальчишек мог построить
И о Суворове читал,
Но стать военным не мечтал.

Мне до сих пор не всё понятно
В переплетениях судьбы,
Её все «если» и «кабы»
Теперь осмысливать занято.

Бывает, сделаешь шажок -
И сразу вырос на вершок!

* * *

Мне возразит читатель рьяный,
Страницу комкая рукой,
Что нету сказки без обмана,
Несладок пряник дармовой.

Что как судьбу не называй,
Как на удачу не кивай,
В цене усидчивость и труд,
Они и камень перетрут.

Что роль играет здесь семья
И документы без изъяна,
Что случай мой какой-то странный,
Но возражать не буду я.

Ау, читатель, охолонь,
Ещё попашет старый конь.

* * *

Всё было так. Как на духу,
Я вспомню всё, что мне по силам,
А что припомнить не смогу,

Дополню выдумкой красивой.

Ведь эти строки – не отчёт,
Как жизнь кадетская течёт,
Не мемуарный фолиант,
Который пишет дилетант.

Довольно вздохов и сомнений -
Здесь направляет жизнь сама
Полёт свободного ума,
И нет ему ограничений.

А если верить тяжело,
Считай, тебе не повезло!

* * *

Ну, что ж, продолжу я, пока
Читатель опус мой читает,
Пока легко парит рука
И мысль свободная летает.

Конечно, многое ушло,
О многом вспомнить тяжело,
Но жизни лучшие мгновенья
Не поросли травой забвенья.

Пусть наберётся их немного,
Они правдивостью возьмут,
Но прежде, чем продолжить труд,
Присядь пред дальнею дорогой.

И «комп» включай, пиши скорей
И про себя, и про друзей.

* * *

Вступала жизнь в свои права
Под грузом новых впечатлений,
Слегка кружилась голова
От неожиданных сомнений.

Всё было слишком хорошо,
Я здесь изъянов не нашёл,
Жизнь изменилась даже слишком
У деревенского мальчишки.

И даже цепи дисциплины,
Сковав проказливость мою,
В столовой, в классе и в строю
Меня смущали, но не сильно.

На всё я радостно взирал
И, рот открыв, не закрывал.

* * *

Так и ходил с открытым ротом,
Вертя усердно головой,
Топтал асфальт в составе роты
На подготовке строевой.

Пришли подъём и физзарядка,
И наведение порядка
На территории двора,

И для разминки кросс с утра,

И туалет с водой холодной

Для гигиены и красоты.

А после глянешь на часы:

Всего лишь семь, а я - голодный!

И тут я вам признаюсь малость -

Не всё вначале получалось.

* * *

Я зубы чистил для блезира,

Я умывался кое-как

И белый подворотничок мундира

Пришить мог наперекосяк.

Был неумел я и неловок,

Кололся остриём иголок

И управлял с большим трудом

Я раскалённым утюгом.

Нос утирая кулаком

И ковыряя в зубе пальцем,

Спросонья схожий на китайца,

С утра смотрелся вахлаком.

Не знал я вилки и ножа,

Котлету ложкой в рот ложа.

Глава 4

* * *

А, впрочем, хватит про себя,
Довольно личного почёта,
Себя не очень-то любя,
Я перегнул здесь палку что-то.

Моя задача поскромней –
Писать историю друзей,
Их жизни яркие детали
В повествовании представить.

И мне не нужно оправдания,
Когда я чуть собьюсь с пути,
Мне важно линию найти
И не свернуть с неё случайно.

И за перо, едрёна вошь –
Меня так просто не собьёшь!

* * *

Пошёл отсчёт военной жизни
В пятнадцать лет у пацанов,
Но к описанию коллизий
Я, если честно, не готов.

Что проку каждый день и час
Для вас описывать сейчас?
Не всё я помню, если честно,
Да и читать неинтересно.

Свою задачу понимаю
Не как событий разных нить,
Её мне не изобразить,
Не по плечу мне цель такая.

Куда мне проще в эпизодах
Перу дать полную свободу.

* * *

Остановиться на деталях,
Уже ушедших навсегда,
И упреknёте вы едва ли
Меня в предвзятости тогда.

Припомнить прозвища и лица,
И чёрный юмор пригодится,
И характерные черты,
И полуночные мечты.

Всё это в общую копилку -

Гитару, пляски на полу
И за шинелями в углу
Портвейна сладкого бутылку.

Всё это было. Как не быть?
И как же это нам забыть?

* * *

Пришли сюда мы с грязных улиц
И под влияньем тёмных сил
Мы пели, как «главврач Маргулис
Нам телевизор запретил».

Конечно, были среди нас
И чады мамины подчас,
И пионэры-активисты,
И скупердяи-эгоисты.

Но долго мы не озирались,
Мы были разные сначала,

Но жизнь нас быстро подравняла,
Мы к другу быстро притирались,

И не одна учёба нас
Воодушевляла каждый час.

* * *

Здесь всё на правду так похоже,
И убедиться был я рад,
Что деревенский мальчик может
Встать с городскими в один ряд.

Мы были разными, конечно,
Но прямодушны и беспечны,
И не испорчены пока,
И свято верили ЦеКа.

А я найду приём удобный,
Как совершал уже не раз,
И изложу про вас рассказ
Рукою твёрдой и свободной.

Припомню то, припомню это –
Вот и сказанье о кадетах.

* * *

Вперёд, за рифмами, ура!
Рвану аллюром прямо с места –
Настала славная пора
Писать историю кадетства.

Да, были раньше щелкопёры,
Они пустые разговоры
О главной линии вели
И задурить народ смогли.

Но, как росточек, из-под глыб
К народу правда прорывалась,
И после Съезда доставалось
Нам править новый перегиб.

Бывало скажешь: «Будь готов!»
В ответ услышишь: «Кто таков?»

* * *

Пора уже остановиться,
Чтоб стала истина видна,
И вспоминать родные лица
И дорогие имена.

Довольно общих рассуждений
И малозначащих явлений,
Пустопорожней болтовни,
В которой мелочи одни.

Что ели-пили, как служили,
Чему учились, наконец,
И, унимая стук сердец,
С кем танцы бальные кружили?

Чем для «кадетского» народа
В судьбе остались эти годы?

* * *

Горит звезда воспоминаний
И дружбы светит маячок,
Она нас в жизни не обманет
И не предаст нас нипочём.

И в этом главное богатство —
Закон Суворовского братства
И вера крепкая в друзей
Из славной юности моей.

Что нам зачёты и оценки?
И что наград блестящих ряд?
Превыше всяческих наград
Кадетской дружбы дар бесценный.

И в этом видится итог
Всех наших бдений и тревог.

* * *

Всё остальное — это будни
И обученья суета,
Преувеличивать не будем,
Как жизнь суворовца проста.

Она идёт своим порядком
Повзводно в рамках распорядка,
Где от подъёма до отбоя
Передвижение только строим.

А если вечером прогулка,

То для зардевшихся девчат
И песня может прозвучать
По близлежащим переулкам:

«Алые погоны, чёрная рубашечка –
Соловей, соловей пташечка!»

* * *

Вот, вкратце, общие черты
Богоугодного чертога,
В который, вследствие мечты,
Вживаться стал я понемногу.

Вначале было всё непросто,
Слова команд звучали жёстко
И состояла дисциплина
Из тайных слёз наполовину.

Но, долго хныкать не умея,
Мы обретали смысл и средства,
Достойно встать в ряды кадетства
Для нас ближайшей стало целью.

И здесь мне память не соврёт –
Был самым трудным первый год.

Глава 5

* * *

Да, были люди в наше время,
Гранит наук упорно грызли,
В мечту мальчишескую веря,
Шли к ней уверенно по жизни.

Я знал таких. И мне, бывало,
Судьба загадки задавала,
И я ответы находил,
Стараясь из последних сил.

Вот и в училище Свердловском
Не сразу встал я в колею
И биографию свою
Продолжил замом при Лисовском.

Майор Лисовский был у нас

Отец родной и Божий глас.

* * *

Нас всех в казарме разместили
И разделили по взводам,
С какою меркой подходили,
Наверно, чёрт не знает сам.

Но был какой-то способ верный
У командиров-офицеров,
Они насквозь видали нас,
А глаз у них, как ватерпас.

Для нас осталось вечной тайной,
Как дата страшного Суда,
Что с другом в разные взвода
Внесли нас, в общем, не случайно.

Я вписан в первый, он в четвёртый,
Эй, писарчук, какого чёрта?

* * *

Мой старый друг Ткачёв Валерий –
О нём рассказ я поведу,
Как мне, не ведая сомнений,
Он подарил свою мечту.

Уж он-то знал, чего хотел,
Над математикой потел
И над немецким морщил лоб,
Учителей вгоняя в гроб.

Его усилиям тогда
С трудом наука поддавалась,
И тёмным лесом оставалось
Правописание навсегда.

Я помогал ему, как мог,
А он старался, видит Бог.

* * *

Его два дяди-офицера,
Один – моряк, другой – зенитчик,
Валере действенным примером
Служили в званиях приличных.

Вот он-то знал, о чём мечтать,
Куда поехать и кем стать,
В какие дальние края?
И звал в попутчики меня.

Он книжки нужные читал
И нотной грамотой владел,
А если отдыхал от дел,
То под гитару напевал

Мне о погонах золотых
И о наградах боевых.

* * *

И вот в учёбе перерыв
И за спиною восьмилетка,
Меня Валера не забыл

И звал в Свердловскую «кадетку».

В моей родне нет офицеров
Для благородного примера,
Но мой отец Войну прошёл
И там три ордена «нашёл».

И я сказал Валере: «Брат,
В вопросе этом правда ваша,
Вот моя белая рубашка -
С утра идём в военкомат!»

С тех пор у нас мечта одна
И нам двоим она видна.

* * *

Вот так попал я в СВУ,
Вот так с Сибирью я расстался,
Вот так я другу своему
В долгу пожизненном остался.

Теперь уже не отвертеться –
Погоны мне вручили в детстве,
А с ними новый автомат
И магазины для «маслят»,

Противогаз, штык-нож, лопатку,
Пакет с комплектом химзащиты
И, как дублёрку для элиты,
Шинель, завернутую в скатку,

И, для метанья хороши,
Гранат учебных муляжи.

* * *

Вот так ступил на путь военный
Я в СВУ довольно рано,
А рядом был товарищ верный -
Ткачёв Валерий, сын Иванов.

Он был в любом надёжен деле -
Мы подрезали с ним шинели,
И никогда не подводил -
Он в «самоход» со мной ходил.

Не знал сомнений и испуга,
И, голосистый с ранних пор,
Пел под гитару наш фольклор,
Всегда помочь готовый другу.

Пусть годы пулями летят –
Благодарю за дружбу, брат!

* * *

Я помню, как у нас в столовой
Оркестр играл с балкона в зале,
И в честь события большого
Нам к чаю булочки давали.

На всех столы накрыты были
И никого не обделили,
Но подошли не все кадеты
Из увольнения к обеду.

А тут Валерий объявился
И штук пятнадцать булок этих
Умяв легко минут за десять,
Размеру их чуть подивился.

Таков Сибирский наш едок,
До дней сегодняшних ходок!

* * *

Валерий был и франт, и фат,
За модою кадетской гнался,
Всегда он был обновке рад
И аккуратным оставался.

Он, как жених, был строг и важен,
Всегда начищен и наглажен,
Имел всегда опрятный вид,
Пострижен, вымыт и побрит.

Матросский клёш, шинель до бёдер,

И шапка «домиком» стоит -
Такой ценился внешний вид
Тогда в «суворовском» народе.

И мы кромсали наш наряд,
Как нам традиции велят.

* * *

Могли нас запросто отчислить,
Такая нас ждала беда -
Не допускала даже мысли
О «коллективке» власть тогда.

А мы, как съевши белены,
При свете мертвенном луны,
От глупой смелости балдея,
По ляжки резали шинели.

Вот так же мы балдели в ТВОКУ,
Надеясь всё закончить миром,
Но были «против» командиры -
И вышел тот балдёж нам боком.

Тогда «попал» мой друг в итоге
И из Ташпеха «сделал ноги» ...

Глава 6

* * *

Дела давно минувших дней
Ночами в памяти всплывают,
Картина юности моей
Встаёт, неясная такая.

За что мне в фактах ухватиться?
Что замолчать и чем гордиться?
И всем ли будет, ё моё,
По вкусу мнение моё?

Скажу о том, что сердце помнит,
Довольно здесь воды толчёной,
Оставлю я пока Ткачёва
С багром в Чарджоу на понтоне.

Я тему грустную оставлю
И здесь шагистику восславлю.

* * *

Есть одна важная наука
В ряду военных дисциплин,
Перед которой никнет скука
И мандражит английский сплин.

Её, по слухам, каждый знает,
Когда уверенно шагает
На службу, в баню, в магазин
С семьёй своей или один.

Ну, что здесь хитрого такого,
В такт барабану ставить ноги?
Но здесь искусство для немногих,
Могу я дать прилюдно слово -

Не каждый может, ать – два - ать,
В строю под Блантера шагать!

* * *

И строевая подготовка,
Как мать зелёному юнцу,
Из пацанов ещё неловких
Растит артистов на плацу.

А метод здесь вполне конкретный –
Передвигаться по разметке,
Что цвета белого видна
И на асфальт нанесена.

Всё по разметке на виду –

Шаг строевой и повороты
От одиночки и до роты,
«Отдание чести» на ходу.

И день за днём разметка эта
Врастает намертво в кадета.

* * *

Родимый плац, мерси боку,
Что я хожу, не спотыкаясь,
Что, даже лёжа на боку,
Я по четвёртому равняюсь.

Ведь строевая подготовка
Для нас не хитрая уловка,
Не наказание, не награда,
Она – фундамент для Парада.

Парад – итог большой работы,
Искусство, что не говори,
Она бурление крови,
Когда идёшь в составе роты.

И я возникшей теме рад –
Пришёл в мои стихи Парад!

* * *

Мне тяжесть алого погона
Была совсем не тяжела,
Когда меня сквозь город сонный
Судьба кадетская вела.

Идём туда без остановки,
Где ждёт ночная тренировка,
Туда, где выстроившись в ряд,
«Коробки» с техникой стоят.

Для нас такой поход впервые,
Запомнил я на много лет -
На марширующих кадет,
Казалось, смотрит вся Россия.

Сумели классно мы пройти,
Домой пришли часам к пяти.

* * *

Но это было лишь начало,
Потом ещё одна была,
И с тренировками начальство
На этом кончило дела.

Нас подготовили отменно
По всей методе современной,
Мы ждали, ревностью горя,
Парад Седьмого ноября.

Свершилось – этот день настал.
Всё было, как на тренировках,
Стоял я, словно на иголках,
Команду «Марш!» с трибуны ждал.

Вперёд за дело Ленина!
«Равнение на линейного!»

* * *

Пора! С Суворовской отвагой,
С задором давешних гусар
Рванули мы парадным шагом
Под пенье золотых фанфар.

В такт барабанам медь звенела,
От наших ног брусчатка пела,
Мы так, казалось бы, прошли
В строю до краешка земли!

Ура тебе, солдат советский,
Хвала тебе, отважный воин,
И ты признания достоин,
Наследник юности кадетской!

Смешались в кучу каски, шапки,
Цветов подмёрзшие охапки.

* * *

Обратно шли свободным шагом,
Нарушив весь парадный строй,
Считая высшею наградой
Дебют вполне успешный свой.

Мы были частью механизма
По сбережению Отчизны,
Пусть невысоко от горшка
Мы в званиях выросли пока.

Встречали смехом нас девчонки,
Недостижимы и легки,
И разливали мужики
От строя нашего в сторонке,

И угощали нас винцом,
Сумел глотнуть – и молодцом!

* * *

Вот так и шли мы по проспекту
Весёлых жителей в кругу,
Уже приблизился заметно
УПИ с лепниною в снегу.

Уже походная колонна
С толпой смешалась заведённой,
Я головой своей вертел,
Себе под ноги не смотрел.

И вдруг нырнул куда-то вниз,

Да так, что дух перехватило,
Вцепился я во что-то с силой,
На скобах на руках повис.

Так повелось у нас от века:
Шагнул – и нету человека!

* * *

Вот так в те праздничные дни
Парад мой первый завершился -
Я не заметил западни
И в люк отрытый провалился.

Из ямы вылез я потом,
Стряхнул прилипший сор с трудом,
Вокруг товарищи толкуются,
Над провалившимся смеются.

Был этот случай – вон из ряда,
Могло всё кончиться бедой,
И вывод здесь весьма простой -
Смотреть под ноги лучше надо!

Конечно, падать не грешно,
Но лишь бы кончилось смешно...

Глава 7

* * *

Вот так я свой оставил след
В колодце Горводоканала,
Когда компания кадет
Меня из западни спасала.

Я тем тогда избег беды,
Что в люке не было воды,
Мне руку подали друзья –
И вот уже на воле я!

Для обобщений много чести,
Пора забыть и наплевать,
Довольно слюни здесь жевать
И обсуждать «кабы» и «если».

Я тему новую открыжил
И поведу рассказ о лыжах.

* * *

Начну я здесь издавека,
Дотошно и высокопарно
И вам поведаю пока
Про нашу ротную казарму.

Она была под самой крышей,
Чернел чердак пролётом выше,
Мы на четвёртом этаже
Вполне освоились уже.

А в этот коллективный дом
Вела нас лестница крутая,
И привечала нас родная
Площадка перед чердаком.

Здесь, на площадке, в закуточке
Мы втихаря курили ночью.

* * *

О куреве рассказ отдельный,
Здесь не могу я промолчать -
За этот грех, почти смертельный,
Грозилась даже отчислаться.

Но здесь я чувствую уловку -
Могли изгнать за самоволку,
Ещё за пьянку, я согласен,
Могли отправить восвояси,

За неуспешную учёбу,

Ещё за ряд дурных поступков,
За воровство карали жутко,
К здоровью тоже спрос особый,

Но не припомню я никак,
Чтоб отчисляли за табак.

* * *

И мы курили помаленьку
И кое-где, и кое с кем,
Не все, конечно, но частенько
Сей грех бросали насовсем.

И я с дороги верной сбился –
На третьем курсе «раскурился»,
Теперь несу привычку эту,
Как наказание, по свету.

Я натворил немало сдуру -
Курил табак и пил винишко,
Что вас карали, но не слишком,
Меня простите, табакуры.

Но коль такой случался казус –
Пишите в комментариях мне сразу.

* * *

А, впрочем, я о лыжном спорте.
А лыжи где? Да здесь, в кладовой!
Был лыжный спорт у нас в почёте
За нрав весёлый и здоровый.

Ведь это целая наука -
Смоление лыж на пару с другом,
Паяльной лампы свист весёлый
И скипидара дух тяжёлый.

Майор Лисовский - сущий ас,
Спортсмен и опытный, и ловкий,
Начальной лыжной подготовки
Он посвящал в секреты нас.

Мы утром в первый раз идём
С ним на кадетский «лыжедром»!

* * *

А утром в шесть звучит: «Подъём!»,
В казарме ротное начальство,
Но вместо завтрака идём
Мы к Шарташу по Первомайской.

Извилист путь, уже забыл,
Какой я улицей ходил,
В каких маршировал местах
Я с лыжной парой в руках.

Мы стартовали на рассвете,
На первый раз бежим «пятёрку»,
Мне с удовольствием бесспорным
Запомнились пробежки эти.

Хотя бы тем, что все три года
Мы бегали скользящим ходом.

* * *

Вот так для нас у Шарташа
Премьера лыжная свершилась,
По снегу лыжами шурша,
Три года юность наша длилась.

«Пятёрку» вскоре отменили
И на «десятку» заменили,
Ведь на «пятёрке» результаты
Не шли в зачёт на «кандидатов».

И лишь Навильников Витёк,
Как лось, неудержим на трассе,
Был на дистанции ужасен
И пробежать на Первый смог.

За тридцать шесть минут заветных
Прошёл он десять километров.

* * *

Хорош собою лыжный кросс,
Он укрепляет дух и силу,
Считать в «кадетке» повелось,
Что лыжный спорт – предмет красивый.

Когда подходит выходной
И ты живёшь мечтой одной –
Как в воскресенье на Шарташ
Очередной рывок ты дашь!

Весёлый нравом, духом хваток

И остроумен, словно Даль,
Направив взор туманный вдаль,
Дойдёшь до Каменных палаток.

А там уже девчонки стайкой
Тебя на горке ждут случайно!

* * *

Какой там спорт, какие кроссы,
Когда в тебя вселился бес
И на девческие косы
Снежинки падают с небес?

Ах, этот смех под снежной елью
И беспричинное веселье,
И меж сугробов лыжный след,
И нежный взгляд тебе в ответ!

Летишь, вспотевший от волнения
И руку тёплую держа,

От вожделения дрожа
И онемев от восхищенья.

И ты такому спорту рад,
Ещё не зная результат...

* * *

Такие вот приходят мысли
О лыжном спорте мне порой,
Но ветви старые повисли
И след затоптан под горой.

Промчалась юность. Всё проходит
И чёрт меня по кругу водит,
И возвращает иногда
Меня в далёкие года.

Туда, где я ходил на лыжах,
Где с горок соколом слетал,
Где я ошибки совершал,
Где умирал и чудом выжил.

А не одеть ли лыжи снова —
И на Шарташ, как Казанова...

Глава 8

* * *

Азы физической культуры
Нас гормонально укрепляли,
Но мы не пахли потом дурно,
Тестостероном не воняли.

Здоровый дух – в здоровом теле!
И мы с гантелями потели,
И, извергая дух приятный,
Крутили «солнышко» ребята.

Здесь, во дворе, в кустах акций
И перекладины, и брусья,
И каждый, сообразно вкусу,
Здесь мог гимнастикой заняться.

А по периметру «кадетки»
Мы «нарезали» километры.

* * *

Но ведь не всё ж потеть и пахнуть,
Простите, дамы, за фриivolность!
Пора по досугу бабахнуть
И разбудить мужскую доблесть.

Не всё же гири с турниками
И зал спортивный с мужиками?
А где свиданья под луною?
Где сердце бьётся ретивое?

Не всё ж спортивные снаряды -
Пора с улыбкою влюблённой,
Облив себя одеколоном,
Готовить к празднику наряды.

Уже из гроба Штраус встал
И приглашает нас на бал.

* * *

Была традиция такая
Ещё с кадетских корпусов -
Кадет, учёбу завершая,
Жить в свете должен быть готов.

Чтоб выйдя в свет, смилив желанья,
Быть образцом для подражанья.
А что же значит для кадет
Тот пресловутый «высший свет»?

А это значит, приняв «дозу»,

Внимать спокойно дамский визг
И, в штосс проигрываясь вдрызг,
Быть не биндюжником с Привоза.

И, завершая пастораль,
Быть элегантным, как рояль!

* * *

Я дни запомнил чётко эти -
Мы первый курс перемололи,
Я был тогда в авторитете
И секретарил в комсомоле.

И понимал свою задачу -
Быть заводилой, не иначе,
Почти что каждый выходной
Готовил бал очередной.

Я посылал своих гонцов
Для максимального охвата
С посланьем выжиги и свата
В общаги швей и продавцов.

От них в ответ прийти на бал
Я обещанье получал.

* * *

Кадеты тоже не дремали,
Осточертело им кино.
Была весна, скворцы стучали
Своими клювами в окно.

Томясь душой, как птички эти,
Они чертили на паркете
Из вальса Штрауса круги,
Чуть оттянув носок ноги.

А репетиторша за тридцать
Внушала строгий пиетет,
Уча вальсировать кадет,
Едва могла не материться.

И, раз-два-три. И, раз-два-три.
Не можешь – сопли подотри!

* * *

Спортзал украшен был изрядно
Перед явлением гостей,
Он стал, отмытый и нарядный,
Похож, скорее, на музей.

На стенах яркие картинки,
Для танцев модные пластинки
И с «Песнярами», и с «Сябрами»,
И даже с «АББОЙ» и «Цветами»!

К пяти часам явились дамы
В китайском шёлке и кримплене,
На обнажённые колени
Ребята пялились упрямо.

А это, Господи прости,
В парнях проснулся зов плоти.

* * *

И начат бал! Девчонки робко
Разбились группками у стен,
Ребята с стрижкою короткой
Не замечали их совсем.

Но были те, кто не впервые
Пришли на танцы строевые,
Кадеты, курсами постарше,
Для них желаннее и краше.

И вот уже разбились пары
И твист наяривают рьяно,
И про поездку за туманом
Поёт для нас динамик старый.

И понеслось. Даёшь огня!
Держите, граждане, меня!!!

* * *

И три часа подряд стонал

Привыкший к прениям спортивным,
Видавший виды старый зал
В телодвижение непрерывном.

И не понять, кто старше, младше,
Кого легко послать подальше,
Здесь все свои и все равны,
«Гудят» защитники страны.

Горел в глазах кадет задор
И молодая кровь играла,
Неоднократно в игре зала
Возникнуть мог случайный спор,

Но не припомню я никак,
Чтоб доходил конфликт до драк.

* * *

Затихла музыка в спортзале,
Половозрелые кадеты
Отпели и оттанцевали,
И перетискали полсвета.

Окончен бал и ночь уходит,
Во сне кадеты хороводят,
А что им снится – угадай.
Девицы снятся - так и знай!

А мне досталось поздним часом,
Устав от праздничных тревог
И за ладошкой скрыв зевов,

Пройти с проверкою по классам –

Там находил, бывало, я
Предметы дамского белья.

* * *

Но замполит смотрел недолго
На мои пляски у огня –
Для нас сидел он выше Бога
И выше неба для меня.

Он, постучав мне пальцем по лбу,
Сказал: «С комсорга спрос особый!» -
И, как Отрепьева из царства,
Изгнал меня из секретарства.

На этом кончилась стезя
Моя по линии партийной,
И я признал оперативно,
Что так вести себя нельзя.

Поверьте на слово, друзья,
Не покривил душою я.

Глава 9

* * *

Вот так я двигаюсь упрямо
Через прошедшие года,
Идти стараюсь только прямо,
Да вот выходит не всегда.

Всё что-то в сторону уводит
И отвлекает, и заводит,
И появляются изъяны
У чёткой линии романа.

О, сколько здесь событий чудных
И славных дел для обсуждения,
При малой доле вдохновенья
Их описать совсем нетрудно!

Зудит рука, свербит плечо –
Какой вопрос поднять ещё?

* * *

Листаю старые тетради,
Их открывая на удачу,
На дорогие лица глядя,
Перебираю «фоток» пачку.

Ах, как наивны и смешны
На этих «фотках» пацаны,
И я, доживший до седин,
Похож на них один в один.

Обычный мальчик из глубинки,
Не из попов, не из дворян,
Простой советский мальчуган,
До невозможности наивный.

Как все, я верил в Ильича,
Над буржуином хохоча.

* * *

Как все. И в этом ключ к загадке
Однажды выбранной судьбы,
Мы не играли с долгом в прятки,
Не полагались на «кабы».

Куда бы нас не заносило -
Мы всюду были коллективом,
Среди житейской кутерьмы
Везде и всюду были - «мы»!

Мы были вместе, если «против»,

Мы были вместе, если «за»,
И если грянет вдруг гроза,
Нас выручало чувство локтя

И что поддержит, «если чё»,
Всегда товарища плечо.

* * *

Неисчерпаемую тему
Хочу освоить я отныне —
Кадетской дружбы груз бесценный
Воспеть до уровня святыни.

Не усомнюсь я ни на миг -
Не перечесть всех толстых книг,
В которых взяты за основу
Идеи дружества мужского.

Сколь неподъёмен этот груз,
Настолько тяжела задача,

Но я решил – а это значит,
От темы я не отступлюсь.

Пускай распухнет голова,
И станет длинною глава.

* * *

А мне в порядок заведённый
Не уложиться, несомненно,
И в тексте вследствие объёма
Грядёт большая перемена.

Писать я главы был готов
Из десяти недлинных строф,
Но что мне делать с текстом, если
Не уместится в цифре «десять»?

Да удлинить главу на чуть!
Пусть она будет подлиннее,
Пиши о всех друзьях смелее
И никого не позабудь.

Как у окопа нет крыльца,
Так у романа нет конца.

* * *

Вот так решаю я вопросы,
Когда за рамки выхожу,
Меняю правила я просто,
Вокруг проблемы не кружу.

Притормозив рассказ слегка,
Беру быка я за рога,
И вновь бегут, как ручейки,
Мои нехитрые стихи.

О том, о сём, про то и это,
О тех, кто нам идёт на смену,
И про любовь, и про измену,
И о моих друзьях-кадетах.

Но как сюжет вокруг не кружит,
Конечно, речь пойдёт о дружбе.

* * *

А дружба – значит коллектив,
Никто не дружит сам с собою,
Себя внезапно возомнив
И Донжуаном, и героем.

Я этот уточню момент –
Для дружбы нужен контрагент,
Надёжный, добрый и весёлый,
Желательно, мужского пола.

Чтоб жил по Гамбургскому счёту,
Был в коллективе не один.
И мне сообществом таким
Была моя родная рота.

Не о девятой роте речь –
Но о второй, моей сиречь.

* * *

Сперва была она шестой,
Мы в ней учёбу начинали,
Потом четвёртой, во второй
Уже «кадетку» мы кончали.

Про эти «шесть-четыре-два»
Теперь припомнил я едва,
Такой порядок номеров
У роты я назвать готов.

Четыре взвода были в ней,
Ещё был пятый взвод, Кавказский,
И больше сотни головастых
По списку было в ней парней.

На этом и закончим, братцы,
С составом личным разбираться.

* * *

И здесь не просто фактов ряд,
Не список ежедневных правил,
В народе верно говорят,
Что каждый дом жильцами славен.

А эти самые жильцы,
И огольцы, и молодцы,
В казарме жили дружной кучей,
Непостижимой и могучей.

Здесь невозможно было лгать,

Ловчить, химичить, притворяться,
А, чтоб вне стаи не остаться,
За друга душу полагать.

В «кадетке» во главе угла
Всегда традиция была.

* * *

Осанна Сыну и Отцу!
Поклон стране, привет народу!
Подходит экскурс мой к концу,
Устал я быть экскурсоводом.

Не ради красного словца
Я коридорами дворца
Провёл читателя под байки
И показал всё без утайки.

Теперь мне легче во сто крат
Писать истории свои
О дружбе, чести и любви
В сукно одевшихся ребят.

На сём закончу без опаски
Я «предварительные ласки».

Глава 10

* * *

Пора уже и поимённо
Мне перечислить этот строй,
С кем довелось начать в погонах
Военный путь недолгий свой.

Кто эти славные ребята,
Со мною рядышком когда-то
Воды делившие глоток
И хлеба чёрного кусок?

Худанин, Юдинцев, Рузанов,
Сычёв, Навильников, Цветков,
Первунинских, Лобовиков,
Тресницкий, Барышев, Ваганов,

Козлов, Землянников, Панасов
И Нестеренко, и Матасов.

* * *

Плюс Коля Летов, Вася Васькин
И Новосёлов с Половых.
Я всех ребят назвать согласен,
Я не забыл фамилий их.

Я помню всех наперечёт –
И это только первый взвод,
Про остальных пусть тот напишет,
Кто не забыл своих братишек.

А я про гвардию свою,
Собравшись с мыслями и чувством,
Смахнув слезу, с улыбкой грустной
Вам песню звонкую спою.

А вы подпойте мне, друзья,
Давно мечтал об этом я!

* * *

Теперь рассказ продолжить можно
Конкретный о моих друзьях.

Ну, кто ещё так складно сложит
Про них историю в стихах?

О каждом из друзей-кадет
Могу припомнить я сюжет
По содержанию наивный,
По существу, неповторимый.

О каждом можно что-то вспомнить,
Порывшись в памяти сполна,
Припомнить даты, имена,
Легенды фактами дополнить.

Достало б только мне бумаги
И в муках творческой отваги.

* * *

Но мемуарный начав путь,
Я не хочу, чтоб был он «склизок»,
И положительную суть
Хочу сберечь от «героизма».

Хочу, чтоб поняли потомки,
Где проходил разрыв тот тонкий
Между задорным нарушением
И уголовным преступленьем.

Мне поученья не по чину,
И я не буду петь бесстрашно
Про уголовные замашки
И нарушения дисциплины.

Не вижу пользы никакой
Я в том для смены молодой.

* * *

За положительным примером
Мне далеко идти не нужно,
Вот – Коля Летов, друг мой верный
И эталон кадетской дружбы.

Я первых два учебных года
Был образцовым замкомвзвода,
Вице – сержантские нашивки
Носил достойно, но не шибко.

Других не лучше и не хуже,
Учился, в общем-то, прилично,
Но, комсомолец и отличник,
Я сел однажды плотно в лужу.

Майор Лисовский строгим был -
Меня на Колю заменил.

* * *

Майор Лисовский – взводный наш
Всегда служил для нас примером,
Он воспитателя типаж
И светлый образ офицера.

Он фронтовик не по годам,
Он за отца всегда был нам,
Рукой железной с нами рядом

Он наводил всегда порядок.

Он называл меня «хохлою»,
Шутя, я «ляхом» его кликал
И в уважении великом
Считал его вторым отцом.

Такие дяди с орденами
Тогда командовали нами.

* * *

Ещё из Пушкина известен
Такой вот «дядька»-воспитатель,
Я про него сложил бы песню,
Да вот позволит ли читатель?

Я вновь, по прошлому кочуя,
Свернул в стихах на боковую,
Пока Лисовского я славил,
Я где-то Летова оставил.

Года летели незаметно,
Немало их уже прошло,
И мне однажды повезло —
Прислал письмо мне Коля Летов.

А в нём про скорый Юбилей
И приглашение для друзей.

* * *

И я за небольшие «башли»

На встречу с юностью своей
Решил рвануть в «кадетку» нашу
И там отметить Юбилей.

Я ещё долго сомневался,
То загорался, то сдувался,
Но «за» была моя жена,
В поездке той убеждена.

И её мнение простое
Все перевесило сомненья,
Я принял твёрдое решение
Поехать в СВУ родное.

В Свердловск явился я героем
И стал у Летова постоем.

* * *

Не описать, не приукрасить
Той встречи праздничные дни,
Был небосвод над нами ясен,
В очах мечтания одни.

С утра, с волнением заметным
Собрались мы в родной «кадетке»,
Из взвода первого орлы,
Мы на подъём не тяжелы.

Стоим, друг друга узнавая,
Заматерев и поседев,
В кругу друзей помолодев,

Их беспощадно обнимая.

Собрались мы ватагой всей
На встречу с юностью своей.

* * *

Мы в СВУ прошлись неспешно
По сердцу памятным местам,
Нам, как вино, был воздух здешний,
И стены были домом нам.

Конечно, стены значат много
Для нашей памяти в итоге,
Но крепче стен для нас стоит
Кадетской дружбы монолит.

Когда-то здесь по пуду соли
Схарчили мы без сожаленья,
А нынче наступило время
Кадетских дружеских застолий.

Себя в «кадетке» обозначив,
Рванули к Сычику на дачу.

Глава 11

* * *

Был мудрым Летов Николай,
Хотя на вид он прост и скромн,
Когда придумал невзначай
Собрать наш взвод в кадетском Доме.

Мы постояли перед ним
Всем выпуском двадцать вторым,
Ведь сорок пять минуло лет,
Как мы отсюда вышли в свет.

Для нас дороже нет подарка,
Чем эта встреча с СВУ,
И к Юбилейному столу
Теперь летим на иномарках.

Вперёд, вперёд, на Увильды,
Где много солнца и воды!

* * *

Ну, вот и пробил верный час
Восславить нового героя,
Который, в том числе, для нас
На Увильды коттедж построил.

Дом строг порядком, как музей,
Здесь принимает друг гостей
И здесь же в озере рыбачит,
Дом называя скромно дачей.

Потом бывал я здесь и летом,
Неоднократно был зимою,
От друга верного не скрою
Я благодарности за это.

Не угадать вам нипочём,
Что звать его кадет Сычёв.

* * *

Он оценил мой скромный дар
И, коль в карманах ветер свищет,
На закордонный мадопар
Мне высылал большие тыщи.

Ах, Толя, Толя, друг сердечный,
Я твой должник теперь навечно,
И пусть дивится злой недуг,
Что у меня такой есть друг.

Стоял ты, статный, как орёл,

Когда при всём честном народе
На грудь твою блестящий орден
Своей рукой я приколот.

Имей я десять орденов –
Я все вручить тебе готов!

* * *

Таков мой друг кадет Сычёв,
Для близких – Толя, Анатолий,
Ловил шпионов на крючок
И службой был вполне доволен.

Служил он здесь же, на Урале,
Но он расскажет вам едва ли
Под коньячок и чай с конфеткой
Про годы службы в контрразведке.

Он не вступал с начальством в споры,
Но понял фокус с перестройкой
И, новым курсом недовольный,
Ушёл на пенсию майором.

Он смысл тенденций уловил
И в бизнес вовремя свалил.

* * *

Теперь мой друг остепенился,
На завтрак булку мажет маслом,
Решать вопросы наловчился
Не с кондачка и неопасно.

Непросто бизнес начинался,
Но Толя за маржой не гнался
И говорил мне убеждённо,
Что жизнь дороже миллиона.

Он осторожным был, пока
В боях за собственность чужую,
Своими жизнями рискуя,
Бандиты бегали с АК.

И, не участвуя в войне,
Стал состоятельным вполне.

* * *

И вот приехали на дачу,
И Толя, затворив ворота,
Достал из джипа водки ящик
И пива литрами без счёта.

Привет тебе, озёрный край,
Отряд кадетский привечай!
Мы прикатали сюда строем
И праздник дружеский устроим.

Какой Таиланд, какие Альпы?
Здесь рай земной и синекура,
Сюда бездельничать культурно
Друзья старинные примчались

И с непечатными словами
Стоят и вертят головами.

* * *

Есть в русских странная привычка:
Утратив шик и блеск столичный,
Поведать словом неприличным
О настроении отличном.

От красоты шикарной жизни
Забыты Пушкин и Фонвизин
И от попойствовать задаром
Забыты Фет и Костомаров.

И только охи, только ахи,
По ляжкам звонкие шлепки,
И восклицают мужики:
«Ах, мать твою! Пошёл ты на ... фиг!»

Вот матюгнёшься – и уже
Заметно легче на душе.

* * *

Хозяин первым делом баньку
Топить дровишками затеял,

А мы налили по полбанки
Пивка впервые за неделю.

Ах, баня, русская причуда,
Она равна, по сути, чуду,
В ней тайна тайн, секрет большой,
Когда попаришься с душой.

Когда младенцем оголённым
Плеснёшь на камни сгоряча
И парой веников с плеча
Себя отхлещешь исступлённо.

Потом лежишь, псалмы поёшь
И Богу душу отдаёшь.

* * *

А после этих процедур,
В шезлонгах души оклемавши,
Начнём с салатов «от кутюр»
Мы пир, не солоно хлебавши.

Салаты – это красота,
В них воплощается мечта
О свежих устрицах французских
И огурцах солёных русских.

Я осмотрел со всех сторон,
Наивный кушатель окрошки,
Продукт фантазий невозможных,
А это – просто закусон!

В салфетке я такой смешной,
Не подавиться бы слюной.

* * *

А вечер сказочно хорош!
Здесь и полслова не совру я,
Ну, где ещё такой найдёшь
Кадетский рай для сабантуя?

Здесь внове всё, как в первый раз,
Как будто создано для нас –
Очаг горящий, вкус вина
И в берег бьющая волна.

Сидим, обнявшись, за столом,
Пенсионеры – ветераны,
Разбередив былые раны,
И песни старые поём.

Над нами звёздная стихия,
И мы, как прежде, молодые.

Глава 12

* * *

Пролетели годы мимо,
А куда – не знаю сам,
Вот и старость подступила
С белой краской к волосам.

Чуб мой редкий ворошит,
Перекрасить норовит,
Но пока что седина
У меня едва видна.

В меру сил держусь пока,
В передрягах крендель тёртый,
Посылаю старость к чёрту
И валяю дурака.

Поваляю – и опять
Буду умного играть.

* * *

Нынче умный не в чести,
Он не делает погоды,
С умным видом чушь нести -
Признак истинной свободы.

У начальства свой резон -
Умный в мысли погружён,
Привередлив он в быту
И не дремлет на посту.

Мне за умного обидно,
Я по жизни сам таков,
От засилья дураков
Мне одно спасенье видно:

«Кто тут умный? Шаг вперёд -
Дел в стране невпоровот!»

* * *

Мне болезнь была помехой,
Угнетал упадок сил,
Я бы в Ёбург не поехал,
Если б друг не пристыдил.

Позвонил он мне намеренно:
«Ты какого чёрта сбрендил
И решил не приезжать?
Как тебя мне понимать?

Ладно, если б на шабашку,

На рыбалку, на хоккей,
Но ведь это ж Юбилей
Нынче у «кадетки» нашей!

И её в семьдесят пять
Нужно лично поздравлять».

* * *

Возмущался из «моби́лы»
Колин голос: «Что за хрень?
Не хватает если силы,
Пей «виагру» и женьшень!

Что прибыть тебе мешает?
Может, денег не хватает?
Я «пятёрку», так и быть,
Постараюсь отключить.

Ты ещё здоров, как бык,
И дово́льно с умным видом
Притворяться инвалидом,
Собирайся в путь, старик!»

Прозвучал в «трубе» отбой,
Где доро́жный сидор мой?..

* * *

Коля, Коля, друг мой милый,
Ты мне ближе, чем родня,
Подкопив деньжат и силы,
Я приеду, жди меня!

Обняв верную супругу,
Я уеду в Ёбург к другу,
Знак кадетский прикрутив,
Книжки в сумку уложив.

Вот такой он Коля Летов,
Наш суворовский мудрец,
Друга верный образец,
Эталонный тип кадета!

Ростом мал он, как пацан,
А душою – великан!

* * *

Собирался я недолго,
Обещался – исполняй!
Я сидел, как на иголках,
Пока поезд мчался вдаль.

Хоть и ехать меньше суток,
Я сидел в волнение жутком
И смотрел через окно
Чёрно-белое кино.

Под казённым одеялом
Рядом бабушка спала,
В голове моей усталой
Лишь одна мечта была -

Вот примчусь в Екатеринбург,
А там встретит верный друг.

* * *

Коля мой вагон приметил
И с перрона мне махнул,
С ним приехали кадеты,
Как почётный караул.

Подошли к вагону строем,
Однокашники-герои,
Поднялись ко мне в купе,
Чтоб прижать к груди себе.

Я, слезу в ладонь роняя,
Растерялся тут на миг,
Уронив коробку книг,
Обнял этих «разгильдяев».

Коля Летов рад всех боле,
Обнимал меня до боли.

* * *

Я приехал, слава Богу!

Снова я в кругу друзей.
Пусть скопил я сил немного,
Хватит их на Юбилей.

Юбилей – прекрасный повод
Вспомнить дни, когда был молод,
И пройти путём известным
Вдоль по улице с оркестром.

На асфальт под Одинцовым
По ранжиру встав в строю,
Вспомнить выправку свою
И «Ура!» воскликнуть снова.

До сих пор смотрю влюблённо
Я на ротную колонну.

* * *

Здесь мне выпал случай редкий,
Повезло мне, мужики, -
Я прочёл в родной «кадетке»
Про друзей своих стихи.

Улетала в облака
Моя звонкая строка,
И гудящий плац притих
От нехитрых слов моих.

Дальше всё пошло по плану:
Как мы праздник отмечали,
Как мы здравицу кричали

И сдвигали в круг стаканы.

Это – счастье до сих пор
И отдельный разговор.

* * *

Да расскажешь всё тут, разве,
Не стряхнув слезу с лица?
Праздник, он на то и праздник,
Что не длится без конца!

В СВУ придёт покой,
Соберусь и я домой,
С грустью чуть заметною
Обниму я Летова.

Стиснем руки на перроне,
Без дежурных слов прощаясь,
Благодарно улыбаясь,
Каждый счастлив и доволен.

Коля, Коля, Николай,
Ко мне в гости приезжай!

Глава 13

* * *

Но есть ещё два кратких дня
Мне до прощанья у вагона,
Не сплю над рукописью я,
Пишу о юности в погонах.

Вот, написал я про Сычёва
И погружаюсь в память снова,
Поездка - только эпизод,
Других друзей придёт черёд.

Достойны все хоть пары слов,
Хотя б свидетельства простого,
Что не напрасно свёл нас снова
На Увильды кадет Сычёв.

А Толя, как всегда, не спит,

Посудой грязною гремит.

* * *

Он всё помоеет, приберётся
И по местам расставит вновь,
За ним давно уже ведётся
К порядку страстная любовь.

Здесь для меня загадка века –
В чём назначенье человека?
На ум приходит слово «служба»,
А службе вторит слово «дружба».

А дружба – что? Куда свои
Она усилья направляет?
Я так, читатель, понимаю,
Что дружба – вид мужской любви.

Но нет в ней гендерного смысла,
И пусть заткнутся феминистки!

* * *

И здесь оставляю я поездку
И распрощаюсь с Увильды,
Где было семерым не тесно
В уютном доме у воды.

Вращаясь мыслями по кругу,
Не надоели мы друг другу -
Что проку в споре упираться,
Когда за смыслом не угнаться?

Достало времени и водки
Для выяснения причин,
Зачем же семеро мужчин
На берег прибыли далёкий?

Ответить может в полной мере
Мой друг-танкист Козлов Валерий.

* * *

Он – свой до капельки, до нитки,
В нём нет чужого ничего,
Признал я с первой же попытки
В Козлове брата своего.

Не тучный и не долговязый,
В борьбе он стал бы первым сразу,
Но с пистолетною стрельбой
Решил связать он выбор свой.

Под сенью чёрного погона

Судьба Валерия бросала
До Южной группы от Урала,
От взвода и до батальона.

А он стрелял из пистолета,
Карьеру делая при этом.

* * *

И в этом был Валера весь –
Сосредоточенный и зоркий,
Он выше службы ставил честь,
Считал прислуживать позором.

Он был наставником суровым,
Не лез в карман за резким словом,
Но подчинённые его
Любили «батю» своего.

А я по глупости в «кадетке»,
От «трёх семёрок» прибалдев
И брюки скинуть повелев,
Валеру обеспечил меткой

И наколол, как можно краше,
Я «СВУ» ему на ляжке.

* * *

Опять я вспомнил нашу юность,
Проступок свой, пусть небольшой,
И снова прошлое вернулось
Ко мне историей смешной.

Жизнь, как тельняшка, полосата
И полосатей у солдата,
А у суворовца она
От полосатости смешна.

И мы три года просмеялись,
По факту, чаще над собой,
Шутить над собственной судьбой
У нас способности остались.

Но нынче, даже если хочешь,
Над жизнью так не похочешь.

* * *

Довольно в прошлом спотыкаться,
Вернусь к родному очагу,
Здесь в своих слабостях признаться
Перед друзьями я могу.

Нет тяжелей мне в жизни груза
Судьбы Советского Союза,
Который вражескою волей
Был из истории уволен

И усыплён, и обездвижен,
Рукой злодейской расчленён,
Почти смертельно поражён,
Но, слава Богу, всё же выжил,

Лежит и стонет, как больной,
А был великою страной...

* * *

Пора и мне остановиться,
Унять писательскую прыть,
Слегка хорошим погордиться
И о дурном почти забыть.

Не избегать вопросов сложных
И чувств касаться осторожно,
Когда задумал о друзьях
Я написать роман в стихах.

Вы рядом, спутники мои,
Со мною съев по пуду соли,
По духу близкие до боли,
Адепты дружбы и любви.

Пишу для вас стихи в надежде,
Что интересен вам, как прежде.

* * *

Друзья мои, я вижу вас,
Я слышу вас, я вам внимаю
И вам доказывал не раз,
Что вас люблю и понимаю.

Я не желаю и врагу
Поймать, как пулю, на бегу
От вас слова непониманья
Или предвзятого вниманья.

Для вас я начал эту повесть

И не грешил я здесь обманом,
Я прожил жизнь с пустым карманом,
Зато спокойна моя совесть.

Ещё немало добрых слов
Я для друзей найти готов.

* * *

Мы честно Родине служили,
Судьбой довольные вполне,
Нас горькой водкою поили
И убивали на войне.

Я нашей дружбой дорожу
И душу живу положу
За вас с улыбкою счастливой.
И пусть ослабли мои силы,

И со здоровьем дело швах,
Я так роман свой подытожу -
Не тяжела была мне ноша
Погонов алых на плечах.

А я, с кадетскою судьбой,
Остался здесь самым собой.

Глава 14

* * *

Ах, память, память – груз бывшего,
Он, если честно, не тяжёл,
Когда на ум приходит снова
Тот путь, что в юности прошёл.

И грудь тепло переполняет,
Когда тебя припомнить тянет
Судьбой дарованных друзей
Кадетской юности твоей.

И лица их, как на иконах,
Что по прошествии годов
Считать родными ты готов
И называть их поимённо,

Стихи про каждого сложить
И никого не пропустить.

* * *

Мне, совершая круг почётный,
Припомнить всех не тяжело –
По списку было нас под сотню,
Вполне обычное число.

По заведённому порядку
Четыре взвода в роте штатных,
Три отделения во взводе,
И в этом вся структура, вроде.

Был ротный нам превыше Бога,
Лицом суров, как Римский Цезарь,
А ниже, с выучкой железной,
Попроше взводные немного.

И в отделении отличник
Мог заслужить стараньем «лычки».

* * *

Такая вот ждала карьера
В кадетском взводе пацанов -
Быть для товарищей примером
И для начальников орлом.

Учиться строго на «отлично»
И призывать примером личным
К успехам в спорте и строю,
И быть в наряде, как в бою.

И лишь тогда, простив ошибки,
Комроты вдруг в тебя поверит
И отделение доверит,
Вручив сержантские нашивки.

В «кадетке» места выше нет,
Чем замком взвода из кадет.

* * *

Четыре взвода было в роте,
Потом их стало до пяти,
Во взводе было нас по счёту
Примерно возле двадцати.

Но я оставлю здесь подсчёты
Числа кадет в составе роты,
Я о количестве взводов
Здесь пару слов сказать готов.

Конечно, не было секретом,
Что мы сильны чрезвычайно,
Но в тишине военной тайны
Шло сокращение «кадеток».

Из всей Суворовской семьи
При нас их было до восьми!

* * *

Не наделён учёным чином

Я без медали золотой,
Не мне исследовать причины
Реформы этой непростой.

Но я читателю напомним
И список траурный пополню
Названием славных городов,
Где отнят Дом у пацанов.

Новочеркасск и Кутаиси,
Саратов, Горький и Тамбов -
Решением больших чинов
Здесь СВУ ушли из жизни.

И на Урал к нам по Приказу
Кадеты прибыли с Кавказа.

* * *

Сюда бы мог я приписать
И Краснодар с Орджоникидзе,

Ташкент с Воронежем назвать
И Тулу – арсенал Отчизны.

В них раньше были СВУ,
Отсюда ездили в Москву
Воспитанники на Парады
И в Кремль – прикручивать награды.

Вот так однажды в роту нашу
Кавказский прибыл взвод кадетский,
В своей небритости недетской
Он был таинственен и страшен.

Кавказ вдруг вспомнил про Урал
И к нам кадет своих прислал.

* * *

Предупреждали командиры
Нас о горячности ребят,
Учили нас общаться мирно,
Как нам традиции велят.

Внимать приехавшим в пол уха,
Не верить сплетням, байкам, слухам,
И даже пуговики на форме
Всегда застёгивать по норме.

Не заходить в кавказский класс
Без уважительной причины,
А коль зашёл, курс дисциплины

Всегда их взводный преподаст.

Майор же Дорохов у них
Не по-военному был тих.

* * *

Но застращали понапрасну
Нас командиры и отцы,
Их опасенья были сказкой,
А вот кавказцы - молодцы!

Они, кадеты-семилетки,
Держались с преданностью редкой
И за Суворовский девиз,
И за советский коммунизм.

Прошли года, и вижу я,
Что жив в кавказцах дух военный,
Что служат Родине отменно

Мои кавказские друзья.

И по заслугам у орлов
Иконостасы орденов.

* * *

Ребята были на подбор,
Любой с каким-нибудь талантом,
Певец здесь вырос и танцор,
И генерал в мундире с кантом.

Я вспоминаю их в Свердловске:
Берёзкин, Горбунов, Бурковский,
Никитин, Павлов и Ковров –
Нет в жизни крепче мужиков.

Верны Суворовским заветам
И дружбе с юности верны,
В душе - седые пацаны
Свердловские Орджо - кадеты.

Сроднились в СВУ у нас
Урал и Северный Кавказ.

* * *

Вот те немногие слова,
Что посвящаю я кавказцам,
Я даже оробел сперва,
Когда решил писать о братцах.

А вдруг я что-то упустил
Или неточность допустил?
Возможно, ростом я не ниже,
Но хуже слышу, слабже вижу.

Но верю я друзьям своим
И в их характер благородный,
Пишу я честно и свободно,
Кадет кавказских побратим.

Успеть бы строчку дописать
И на прощанье их обнять...

Глава 15

* * *

Мы все служили понемногу,
Кто год, кто два, а кто «червонец»,
Не напугали, слава Богу,
Нас ни германец, ни японец.

Солдаты армии великой,
Сыны державы многоликой,
Мы с юных лет в стране огромной
Везде и всюду были дома.

Взрастил нас дух ржаного хлеба
Да вкус парного молока,
И превращались в мужика
Мы под её бездонным небом.

А на Руси под гром веков
Мужик – основа всех основ!

* * *

Мужик... Коротенькое слово,
Однако, ёмкое весьма,
И мужика за труд суровый
Воспеть готова вся страна.

Он – и единственный кормилец,
И с трёхлинейкой пехотинец,
В окопе, вырытом по грудь,
Загородивший танку путь.

Он в землю врос неодолимо
И на пределе чувств и сил
Он в Бресте ужас наводил
И бился на смерть у Цусимы.

И революции, и войны
Прошёл мужик вполне достойно.

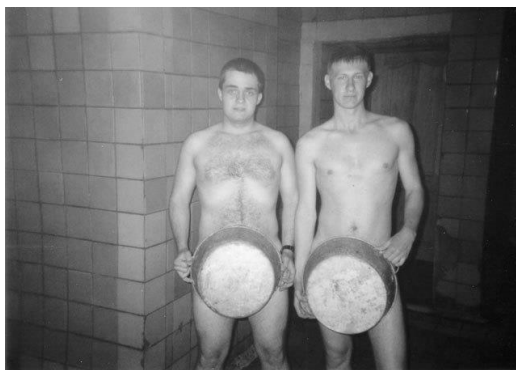
* * *

Нет для солдата выше звания,
Чем наше русское «мужик»,
Который после русской бани
Наполнить стопочку привык.

Когда, улёгшись на полок
И в тёмный глядя потолок,
Он тело грешное своё
Доверит другу на битьё.

С задачей справится не каждый,
Хоть невеликий здесь секрет,
Как любит париться кадет,
Пройдясь в два веника с оттяжкой

И, остудив нутро квасами,
Махнуть с парильщиком местами.

* * *

Не знаю факта я древнее
О месте бани на Руси,
Чем от апостола Андрея
Писанье, Господи, еси!

Ещё в четвёртом веке он
Пришёл учить на Днепр и Дон
И на Славянской стороне
Познал обычаи вполне.

Он хлеб снедал, пил медовуху
И в бане мучился славянской,

Но сбёг с полка апостол Папский,
Не приняв веника и духа.

А бабы мылись с мужиками
И мужиков рожали в бане!

* * *

И оттого был крепок телом
И духом стоек славянин,
Что рос парильщиком умелым
И мылся в бане до седин.

Но постоянства нет в природе,
Повсюду бесы хороводят,
Блюдём обычаи мы криво
И в баню ходим нынче с пивом.

Ну, ладно, если после баньки,
Когда обсохнешь и остынешь,
С друзьями рюмочку поднимешь,
Не заводя под веник пьянки.

И мне ли упрекать за это
Огонь прошедшего кадета?

* * *

Вот так стихами прикоснулся
Я к теме банного процесса
И будто в молодость вернулся
Я на полку в парилке тесной.

Пора бы отвернуть слегка,
Но медлит верная рука -
Уж слишком тема хороша
И вторит ей моя душа.

Прощайте, веники и шайки,
Ковши и вязанные шапки,
Хрустящих простыней охапки
И с кипятком свистящий чайник.

Сижу я чистый, как ребёнок,
Славянских мужиков потомок.

* * *

Какое это было счастье,
На ум приходит мне теперь,
Когда в гвардейской своей части
Я открывал в парилку дверь!

Да, обстановка здесь простая
И баня, в общем, никакая,
Вокруг пески и саксаул
И в сопках дремлющий аул.

Здесь люди жили, как могли,
От конопли давились смехом,
И был я изгнан из Ташпека
Сюда, на краешек земли.

Ну, здравствуй, Кушка, и прощай,
Сюда попал я невзначай!

* * *

Ташкент, Ташкент – цветок из камня,
Так и не вжился я в него,
Хотя уже тогда стихами
Газету завалил ТуркВО.

Служил я, пуп не надрывая,
Но был изрядным разгильдяем,
Мог в «самоход» отчалить вмиг
И заложить за воротник.

Учился твёрдо на «отлично»
И в спорте был не из последних,
Но был не чужд привычек вредных
И анекдотов неприличных.

А, в общем, дело было в том,
Что кровь кипела с молоком!

* * *

Теперь мне проще разобраться
В переживаньях роковых,
Гораздо легче мне признаться
Теперь в терзаниях своих.

Воспоминания лавиной
Текут с открытостью наивной,
Чтоб мог признаться я друзьям,
Что был во всём виновен сам.

Душою здесь не покривить,

Не приукрасить правды крохи,
Когда удары и упрёки
Сумею в опыт обратить.

Пусть эти годы далеко,
Но правда пишется легко.

* * *

Главу я эту завершаю
Там, куда память привела,
Писать в дальнейшем обещаю
Я лишь про общие дела.

Напрасно я попасть стремился
Туда, где чуть не прослезился,
И обещаю в этот раз
Не ставить чувства напоказ.

«Я к вам пишу...» - признался как-то
Нам гений в чувствах непростых,
И мне бы к пользе молодых
Писать о времени и фактах.

Я постараюсь, видит Бог!
Ещё исправлюсь, дайте срок.

Глава 16

* * *

Ну, вот и День страны проходит,
Утих салютных залпов гул,
Народ почти не колобродит,
Опохмелился и заснул.

Вопросом он не задавался,
Откуда лишний праздник взялся,
Каких корней он и кровей
В исконной сущности своей?

Народу, в общем, наплевать,
Какой там этот день по счёту,
Народу лишь бы не работать,
А открывать и наливать!

И наливала вся страна
Под тосты водки и вина.

* * *

Вопрос возник почти мгновенно:
Кто, почему и сколько пьёт?
Неисчерпаемая тема,
Не просыхающий народ!

Искони пили на Руси,
Хоть со святыми выноси,
Случалось, так пьяны бывали,
Что крест нательный пропивали.

Давно уже, утратив страх,
Залить пытались люди душу,
Тащили каждую полушку
И пропивали в кабаках.

Случилось так, что тихой сапой
Завёз к нам водку хитрый Запад.

* * *

Потом державным топором
Окно в стене мы прорубили,
В него ломились мы с добром
И zenки водкою залили.

Такой обмен идёт давно -
Они нам водку и вино,
Мы им меха и золотишко,
И так три века, даже с лишком.

Мы им камня и янтарь,

Они нам виски и виагру,
И пропивали всё исправно,
Хоть чёрта лысого нам впарь!

Нальём и грянем для души,
Как нам шумели камыши.

* * *

Тут не расскажешь в один миг,
Как пропивали мы Рассею,
Вот только лагерь не пикник
И Колыма не Мангазея.

С остервенением марксистским
Пришли во власть кокаинисты
И укокошили царя
Под пролетарское «Уря!»

Пришла победа Октября,
Установился строй Советский,
Но, спирт закусывая редькой,
Страну угробили мы зря.

Ещё был НЭП, потом война,
И за Победу «Пей до дна»!

* * *

Вот так, с лопатою в руке
И с поллитровкой в кармане,
По жизни шли мы налегке
И в Воркуте, и в Магадане.

И загубивши тьму народа,
Власть даровала нам свободу,
Но тайны здесь я не открою,
Что пили мы и при застое.

Богоугодный был Генсек
Уже при мне, во время оно,
Герой при маршальских погонах,
Ильич заботился о всех.

За Лёню все мы были «За!»
И отпустили тормоза!

* * *

Читатель мой, не буду лгать
И здесь выдумывать не стану,
Но стал почаще наливать
Народ в гранёные стаканы.

Я вижу, будто наяву,
Как мы в Свердловском СВУ
Ночами в комнате шинельной
Вкушали сладкого портвейна.

Ах, как же было нам прикольно
Взрослее стать хоть на чуток,
Изрядный сделавши глоток,
Друзьям подыгрывать достойно.

Потом гитара и шансон,

И горсть конфет на закусон.

* * *

Напоминаю, это было
Полвека лет тому назад,
И, к счастью, время пощадило
Тех «героических» ребят.

Я знаю их и помню верно,
Что не попались офицеру,
Что миновали старшину,
Съев чесночину не одну.

Да велика ль беда-то эта,
Мне кто-то скажет невзначай,
И что теперь, ситро и чай
На именины пить кадету?

Ответ здесь верный так звучит:
Пей, что Устав тебе велит!

* * *

А в это время за стеною
Страна великая жила
И Штаты ядерной войною
Грозили нам из-за угла.

А мы угрозы не боялись,
Всегда с утра опохмелялись

И с героическим лицом
Хрустели свежим огурцом.

Ну, что нам янки и британцы
В Тахта-Базаре и Марах?
Да мы в гробу видали страх,
Когда нам вечером на танцы!

И, накатив аперитив,
Мы шли, шипучку прихватив.

* * *

Не зря я тут про танцы вспомнил,
Я в Кушке их практиковал,
И, как отчаянный любовник,
На танцах встречи назначал.

Ах, были люди, было время -
Свиданий полное беремья,
И как бы не был полон сил,
До службы еле доходил.

Бывало, встретишься с подружкой,
С ней тему общую найдёшь,
Потом игристого нальёшь
В эмалированную кружку,

И всё в порядке, всё путём –
Летят часы, когда вдвоём.

* * *

Мой юный друг, читатель славный,
Попридержи себя на миг,
Не упусти здесь вывод главный
Из немудрёных строк моих.

Пойми, что в фактах я не волен,
Здесь я пишу об алкоголе,
И никакой в том не секрет,
Что он знаком нам тыщи лет.

И всё же младшим будь примером,
Являй друзьям, знакомым просто,
Что от тюрьмы и от погоста
Всегда спасает чувство меры.

Храни его, как оберег,
Не пей, как конь. Ты – человек!

Глава 17

* * *

Ну, вот и близятся итоги
Недлинной повести моей,
Я в ней назвать сумел немногих
Из побратимов и друзей.

А поначалу планы были
Назвать хотя бы сто фамилий,
Припомнить сотни две имён
И дел прикольных миллион.

Ну, миллион не миллион,
Я здесь слегка раздухарился,
Но всеми силами стремился
Набрать лирический разгон.

Достоин каждый из кадет
Найти в поэме свой портрет.

* * *

Ну, кто ещё про нас напишет
Стихотворенье и рассказ?
Где слово честное услышать
Без лакировки и прикрас?

Пишите, братцы, вспоминайте,
Всех поимённо называйте,
Не обделил вас Бог талантом,
Бойцов, поэтов, музыкантов.

Пусть строфы будут не в размер
И рифмы правде не препона,
Но есть писатели в погонах
И жив гвардейский офицер.

Пусть не всегда в тепле и сытый,
Но образован и начитан.

* * *

Вы всё опишите, друзья,
Вам хватит воли и таланта,
А рядом с вами буду я –
Как пистолет у лейтенанта.

Как счастлив я, что вам я нужен,

Мой стол бумагами нагружен,
Мой «комп» урчит, как старый кот,
И сообщения выдаёт.

Глядишь, и я на что сгожусь:
Слова срифмую, стиль приглажу,
Найду метафору и даже
В забытых фактах разберусь.

И никого я не учу,
В ночи по клавишам стучу.

* * *

Сажу в скрипучем старом кресле
И вижу, будто наяву,
Как уходил с друзьями вместе
Через забор из СБУ.

А там Дендрарий и девчонки
Щебечут весело и звонко,
Да так, что в жилах кровь кипела
И от страстей в глазах темнело.

Мы чувства прятали упорно,
И благородны, и наивны,
Мы были девственно невинны -
Теперь признаться не зазорно!

Мы целовались при Луне,

Но секса не было в стране...

* * *

Слегка коснувшись темы этой,
Чесать не буду языком,
Проблема эта для кадета
Была извечным тупиком.

Когда наскучат вдруг парнишке
Конспекты, лекции и книжки,
Когда гормоны верховодят
И сны горячие приходят.

Лелеет трепетно народ
Мечты об отпуске шальные,
Чтобы рвануть в края родные
И взять либидо в оборот,

Решив надолго и всерьёз
Треклятый половой вопрос.

* * *

Душа болела, ныло тело
В приливах чувственной пурги,
И кровь горячая кипела,
Сжигая юношам мозги.

Спасибо, сдобная соседка,
Что обнимала меня крепко,

Качая грустно головой:
«Ах, как ты молод, мальчик мой!»

А командиры наблюдали,
Как мы мучительно мужали,
И всё прекрасно понимали,
Но самоволок не прощали.

Прочесть советую кадетам
У Маяковского «Про это».

* * *

Меня, возможно, упрекнёт
Досужий критик в теме сальной,
Что я, кривя в усмешке рот,
Пишу скабрёжности нахально.

Но тем я много перебрал,
Писал про лыжи и про бал,
Про строевую подготовку
И про парад, и самоволку.

Писал, стараясь охватить
Как можно шире круг кадетский,
И нашу жизнь в стране советской
Пытаясь ярче осветить.

Но был бы странным мой рассказ
Без нежных слов и женских ласк.

* * *

Конечно, мог бы я устроить
Имён достойных вернисаж
И рассказать здесь о Героях,
Как в Бога, верящих в Спецназ.

Везде кадеты послужили
И буйны головы сложили,
Их имена на обелиске
Навечно в Армии российской.

Но нет кадет в природе бывших,
Шагаю к ним, смахнув слезу,
И в сердце трепетно несу
Стихи о братьях недоживших.

Готов я кровью, видит Бог,
Им написать хоть пару строк!

* * *

Мой взвод родной осиротел
Без наших лучших побратимов,
Ведь если взят судьбой в прицел,
Не просвистит та пуля мимо.

К нам не является одна
Ни смерть, ни подлая война,
Судьба кадетская проста
От повитухи до креста.

Кадеты ведь не из железа,
Доспехи их не из булата,
Но вот поверили когда-то,
Что будут Родине полезны.

Так и живут - друзей теряют,
Но убеждений не меняют.

* * *

Пора и мне остановиться,
Передохнуть и оглядеться,
Чайком с устаточку налиться,
Запив таблеточку «от сердца».

Пора выныривать наружу,
Хоть на часок забыв про службу,
Заждались верные друзья
И беспокоится семья.

Мне этот труд непросто дался,
Я погружался в глубь событий,
Искал разрозненные нити
И их в одну связать пытался.

Но мало места на листочке,
Пришла пора поставить точку...

«Кадетка» – Родина моя

Уже скоро!

Гимнастёрку чёрную
Я одену к празднику
И фуражку старую
С красною звездой,
На груди просторно
Без наград-медалей,
Лишь прикручен намертво
Знак кадетский мой.

Форма ещё в пору мне
Образца советского,
По плечу, родимая,
Через много лет,
Как же это здорово,
С братцами своими

Пронести пожизненно
Звание – кадет!

Я возьму бархоточку,
Полирну ботиночки,
Застегну на талии
Чёрный ремешок -
И на плац, в «коробочку»,
В СВУ родимое,
Где мы в жизнь шагали,
Не жалея ног!

Для посланцев юности
Распахну объятия,
Прилетевших к празднику
Даже из столиц,
И ладонь расплещется
От рукопожатий,
Голова закружится
От обилья лиц.

Я приеду с книжками,
С новыми стихами,
Разобрать на память
Предложу их я.
Говорю вам искренно,
Выбирайте сами,
Всё для вас написано
И про вас, друзья.

Лет немало прожито,

И дорог отмерено,
Были и с потерями,
Тяжкими они,
Мы и в испытаниях
Сохранили в памяти
Юности кадетской
Золотые дни.

Мы ещё обнимемся
На ступенях мраморных,
По крыльцу поднимемся
В тёплый дом родной,
Время встречи близится,
Потерпите, братцы,
И в «кадетку» съедемся
Дружною семьёй!

13. 12. 2018г.

Встреча памяти

Дай руку, брат! Мы долго ждали
И этот день, и этот час,
Но снова друга потеряли,
Опять ушёл один из нас.

Мы приближали эту встречу,
Мечтали трепетно о ней,
Но забирала лучших Вечность
Из не дождавшихся друзей.

Не все дожили, дотерпели
Встать на парадное крыльцо,
Не всем к декабрьской метели
Поднять счастливое лицо.

Не всем по лестнице подняться
И в сени шёлковых портьер
У бюста радостно обняться,
Являя дружества пример.

«Не всем...», как эхо, отдаётся
В груди у каждого из нас,
И только память остаётся
Опорой верной в этот час.

Нет, ваше имя не забыто
Под Юбилейный перезвон,
Российской Армии элита,
Культуры русской эталон.

Вы нам – и Родина, и детство,
Вы нам – достоинство и честь,
В рядах Российского кадетства
Таких ещё немало есть.

Пусть ваша жизнь во внуках длится,
За вами шли мы, как могли,
Мы – продолжатели традиций,
Что вы достойно сберегли.

И передали нам по праву,
Чтоб не рвалась меж нами нить
И вашу воинскую славу
Нам для потомков сохранить.

Нет, никого мы не забудем
И обещаем в этот час,
Покуда дышат наши груди –
Мы будем помнить, братья, вас!

«Кадетка» - Родина моя

О долге, верности и чести
Нетрудно мне слова найти,
Когда пишу я о кадетстве
И вера теплится в груди.

Промчались годы молодые,
И лишь под старость понял я:
Друзья мои и есть Россия,
«Кадетка» – Родина моя.

Всё здесь – истоки и начала,
Жизнь впереди, как чистый лист,
И воля наша здесь крепчала,
И наполнял учёбу смысл.

Мужая духом, в этих стенах
Мы тёплый дом свой обрели –
Кадетской дружбы дар бесценный
Мы здесь пожизненно нашли.

Мы ежедневно были рядом,
А стали - вместе навсегда
И братство наше, как награду,
Теперь несём через года.

Мальчишки в чёрных гимнастёрках,
В погонах алых пацаны,
Вы для врага страшнее чёрта,
Для друга – до смерти верны!

Не показушные герои,
Не из блокбастеров «спецназ»,
Готовы жертвовать собою
В жестокий час не на показ.

Живёте вы с душой открытой
И доказали жизнью всей -
Вы настоящая элита
Великой Родины моей.

Огонь в глазах и грудь в наградах,
И не прогнутая спина –
Всегда в вас опытному взгляду
Печать достоинства видна.

И я – один из вас по праву,
Мы узы дружества храним
И нерушимо за державу
В строю пожизненно стоим.

Несём достойно, словно Знамя,
Далёкой юности завет:
«Честь – никому! Суворов с нами!
Пока мы живы – смерти нет!»

Вновь я посетил...

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Суворовцем три года незаметных.
Почти полвека минуло — нашёл
Я здесь немало мест, для памяти заветных,
Обнял приехавших на Юбилей друзей,
Прошёл тропинками из юности своей
Меж елей голубых, которых ниже был,
И показалось, что вчера ещё бродил
В аллеях этих.
Вот невзрачный домик,
В нём КПП. Через него когда-то
Нас выпускали срочники-солдаты,
Когда, оставив в спальне сон и блажь,
Мы с лыжами спешили на Шарташ.
Там холм лесистый, на котором лыжи
Скользили так, что я лишь чудом выжил,
Для виражей меж сосен, пихт и елей
Хватало лыж едва ли на неделю!
А наверху
Камней нагроможденье -
Свидетельство эпох Оледененья,
Здесь я лыжню прокладывал когда-то,
Летя орлом от Каменных палаток.
А под холмом простёрся подо мною
Шарташ, покрытый гладью снеговой,
И я на ней «десятки» нарезал
В количестве, что счёт им потерял.
Я счастлив был без видимой причины,

Не мальчик, но ещё и не мужчина,
А нынче голова моя седа
И от лыжни кадетской нет следа.
Счастливым мир
Свердловского кадетства,
Мне подаривший удивительное детство!
И злую ложь я чувствую подчас
В словах, что здесь лишили детства нас.
Вступаю я на плац в разметке белой
И вспоминаю выучку всем телом,
Твердеет шаг и тянется носок,
И пальцы упираются в висок.
Здесь, под седым
Уральским небосводом,
Я с юных лет пожизненно впитал,
Что мы настолько правы и свободны,
Насколько это требует Устав.
Я прохожу дорожкой знакомой
Под аркой, за которой дверь к столовой,
А здесь до неба самого взлетели
Высокие заснеженные ели.
Когда-то они были в рост со мною,
А нынче встретили могучею стеною.
Стоят они в снегу друг к другу близко,
Для них под зимним небом уже низко,
И понимаю я, под ними стоя,
Как много лет осталось за спиною.
Ах, ели голубые! Что за чудо,
Я с вами ростом меряться не буду,
Вы за минувшие полвека, вижу сам,
Переросли меня по всем статьям.

А вот и стайка юных «семилеток»
Меня минула, снег сбивая с веток,
О чём-то рассуждая на ходу
Наперебой.
А чуть в сторонке
За ними шёл взъерошенный парнишка
И говорил им что-то потихоньку,
Да тихо так, что я его не слышал.
Что разделило их? Разлад какой случился
В компании почти ещё детей?
Я, как они, здесь верности учился
И беззаветно веровать в друзей.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Вас провожу с улыбкою счастливой,
Когда моих обгонит побратимов
Кадет Уральских новая семья.
Но пусть мой внук
Под шумные беседы
Поднимет тост за славные победы,
За дружбу, пронесённую, как знамя,
Найдёт мой Знак кадетский под томами
И добрым словом вспомнит обо мне...

Приезжайте, друзья!

Дорогие мои, я души в вас не чаю,
Я друзей не привык от себя отличать,
Приезжайте ко мне, я вас жду и мечтаю
С вами выпить вина и стихи почитать.

Приезжайте, друзья, я вам баньку устрою,
Заготовлю дрова и воды наношу,
Персонально для каждого друга-героя
Я берёзовый веник в парной положу.

Пусть мой дом небогат и доходы не очень,
Я найду, чем гостей дорогих привечать,
Приезжайте ко мне хоть глубокою ночью,
Я готов вас всегда хлебом-солью встречать.

Задымится мангал, зазвучат наши песни
Про кадетскую юность, что так далеко,
И от верных друзей во дворе станет тесно,
Но просторно в душе и на сердце легко.

Приезжайте хоть на день, седые мальчишки,
К приглашениям моим не оставайтесь глухи -
Издаю я для вас каждый год свои книжки
И пишу я про вас в эти книжки стихи.

Будет алый погон нашим славным паролем,
Знак кадетский у сердца будет пропуском нам,
Приезжайте, родные, от вас я не скрою,
Что тоскую, как в детстве, по верным друзьям.

Отпускник

Почти скрывает «корочки»
Твой молодецкий клёш,
Ты в белой гимнастёрочке
На ангела похож,
Фуражка на макушечке,
Приспущен ремешок,
Едва пробились усики
И на щеках пушок.

Такого вида бравого
И выправки такой
Не видел с сорок пятого
Прохожий городской,
Мамаши улыбаются
И дети смотрят вслед,
Впервые им встречается
На улице кадет.

А ты идёшь по улице
Походкой строевой,
И, кажется, любитесь
Весь городок тобой,
И продавщица гладкая,
Как дива из кино,
Протянет шоколадное
Бесплатно эскимо.

Поднимет жезл ОРУДовец,
Притормозит авто,

Чтоб было тебе улицу
Переходить легко,
А бабки новость скорою
Размножат во всю прыть,
Что в городок суворовец
Приехал погостить.

Горят погоны алые,
Как щёки у девчат,
И туфли иностранные
По мостовой стучат,
А ты идёшь уверенно
И всем сказать готов,
Что в СВУ немерено
Таких, как ты, орлов!

Быль о кадетском клёше

Я чёрные кадетские штаны
Растягивал до модной ширины,
Мочил обильно и натягивал, бывало,
Штанины на фанерные лекала.

По-русски - «клинья», знатный атрибут,
Они портняжный облегчали труд,
Преображали ими пацаны
В матросский клёш суконные штаны.

По форме были клинья эти всё же,
Скорее, на трапеции похожи,
Защищенные шкуркою наждачной,
От глаз старшинских прятались в заначке.

Плюс выпороть два клинышка в паху,
Чтобы штаны заузить наверху,
А эти клинышки в штанины вшить умело,
Чтоб не растягивать их так остервенело.

Известно – голь на выдумки хитра,
И ты работою любуешься с утра,
Когда шагаешь, моду соблюдая,
Паркет кадетским клёшем подметая.

Ах, клиньев замечательная пара
И утюжок горячий в туче пара!
В бытовке мы творили с ними быль,
В казённой форме соблюдая стиль.

Моим друзьям из Спецназа ГРУ

Вы изменились, но не изменяли,
Неколебимы в принципах своих,
Кого смогли, того давно достали
И знали – Бог накажет остальных.

Вы поседели, но не ослабели,
Не нажили богатств любой ценой,
Вы сохранили честь свою на деле,
Когда беда случилась со страной.

В предгорьях и ущельях Гиндукуша,
В горах Кавказа, в уличных боях
Случалось положить за друга душу,
Но не случилось жить вам в холуях.

Служили вы без страха и упрёка,
Святы для вас Присяга и Спецназ,
Изнашивали сердце вы до срока,
Не дотянув до пенсии подчас.

А дотянув, упорны вы, как прежде,
Живёте, не жалея ни о чём,
И знаете, что вас всегда поддержит
Товарища надёжное плечо.

Такую вы судьбу себе избрали,
Чтобы, уйдя в заслуженный запас,
Носить не только ордена – медали,
Но и шеврон с коротким «ГРУ Спецназ».

Остановившему мгновенье Ю. Ю. Казакову

Ты каждый день, как воин, на посту,
Мгновенья ловишь, в объектив нацелясь,
Ты в кадре сохраняешь красоту –
Природы русской ненавязчивую прелесть.

Хвала Спецназу! Ходишь ты, как Бог,
Не вздрогнет куст, не затрещит сорока,
И ставишь ногу осторожно на носок,
Чтоб не спугнуть мгновенье ненароком.

Ты в парках подмосковных не чужой,
Ты часть земли, травы, прудов и речек,
Ты обладаешь твёрдою рукой
И зорким взглядом Господом отмечен.

Снимай, мой друг, для сердца, для души,
Не жди от жизни послуха иного
И камерой своею опиши
Пенаты генерала отставного.

Медвяный дух с некошенных полей,
Дубрав столетних сказочная сила
И тихий шёпот липовых аллей -
Здесь всё твоё и всё здесь сердцу мило.

Дерзай, мой друг, и лет ещё до ста
Лови мгновенье твёрдою рукою.
Прекрасна жизнь. Нетленна красота.
И мир спасётся этой красотой.

С Юбилеем, дорогая наша Маргарита Васильевна!!!

За то, что посвятили детям
Вы годы лучшие свои,
Господь талантом Вас отметил,
Талантом службы и любви.

И Вы несёте эту службу
Достойно уже много лет,
С любовью вкладывая душу
В боготворящих Вас кадет.

Ах, если б был я генералом,
Большие звёзды бы носил,
Я б орденом «Кадетской мамы»
Вас принародно наградил.

Я знаю, что меня поддержат
Москва и Екатеринбург, -
Вы нам внушаете надежду,
Что жив ещё кадетский дух!

Что мы и старших уважаем,
И младшим помощь подаём,
А Вас мы просто обожаем,
Здоровья крепкого желаем,
Цветов на стол и счастья в дом!

И, пожимая Вашу руку,
Позвольте поблагодарить

Вас за мудрёную науку,
Что жизнь нельзя на ноль делить.

За Вас! За прожитые леты,
За Ваших близких и друзей!
Сегодня празднуют кадеты
Ваш достославный Юбилей.

А среди них и я стою,
Читаю здравицу свою...

Петя Петрович

Петрович, судя по усам,
Года свистят, как пули, мимо,
Не поддаёшься ты годам,
Кадет Свердловского разлива.

И боевые ордена
Тебе к лицу и по заслугам,
Твоя готовность в них видна
Прикрыть в бою собою друга.

В осанке стать, задор в глазах,
Ты не глотал портвейн в каптёрке,
С войны вернулся в орденах,
Родившись в чёрной гимнастёрке.

Светила нам одна звезда,
В одной мужали мы палатке,
Из одного с тобой гнезда
И из одной с тобой мы кладки.

Краснолампасные юнцы,
Питомцы Армии великой,
Мы разлетелись, как птенцы,
По гарнизонам и конфликтам.

Военной мечены судьбой,
Мы Долг отдали без остатка,
Гожусь я дружбою с тобой,
Кадет и воин Пётр Балабко!

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

*По мотивам фотоальбома
Николая Летова, СВ СВУ - 1970*

Фотоальбом листаю я,
Смотрю на выцветшие «фотки»,
А с них глядят мои друзья,
От жизни пьяные без водки.

В глазах их планов громадьё,
Они исполнить их спешили -
В 15 встали под ружьё,
А в 30 головы сложили.

Они в пустынях и горах
Прямых путей не выбирали,
Прошли Цхинвал и Карабах,
Они дворец Амина брали.

И в разворванной стране
Тушили распри прежних братьев,
Осатаневшие вполне
От их обьятий и проклятий.

Пришлось не раз моим друзьям
В краю неласковом родимом
Пить водку с матом пополам
И грызть сухарь, пропахший дымом.

Жестоким был XX век,
Лил кровь людскую, как водицу,
Но не решает человек,
Когда и где ему родиться.

Не ждёт добра он от других,
Не верит в Бога и начальству,
Устроил пару Мировых
И войн немерено локальных.

Листаю я фотоальбом,
Смотрю на старые страницы
И узнаю с большим трудом
Моих друзей родные лица.

Их изменил XX век,
Где довелось им пригодиться,
В котором волею судеб
Их угораздило родиться.

Сквозь дым победа не видна
И не видны в пожарах сроки,
Когда последняя война
Даст предпоследние уроки.

Но только не моим друзьям –
Они-то знают цену жизни
И передали сыновьям
Мир и спокойствие в Отчизне.

Не покидают они строй,
Орлы и рыцари по праву,
Власть потрудившись на Державу,
Подъемят гордо над собой
Российский флаг с орлом двуглавым.

ЗА ШЛЯПОЙ

Я меряю шляпы. Довольно бейсболок,
Бандан и панамок я в жизни сносил.
Стою в магазине, смущён и неловок,
Солидный довольно и в меру красив.

Я меряю шляпы. В глубинах зеркальных
Я вижу мужчину, Синатра а ля,
Он в кожаном «Стетсоне» смотрит печально,
И я понимаю – живёт от рубля.

Я меряю шляпы. Случилась докука,
Сосед упрекнул, что похож на бомжа,
И вот уже шляпу десятую в руку
Беру, от предчувствия сладко дрожа.

Надежды не юношей только питают -
А если со шляпой придёт и успех?
И шляпы ответственно я примеряю,
Друзьям на забаву и курам на смех!

Девчонка у зеркала вся искрутилась,
Коробки с товаром уже ей по грудь,
Щебечет по-птичьи с улыбкою милой,
Как шляпа мужскую усилила суть.

И я улыбаюсь, почти что ей верю,
Намерился так, что в глазах мельтешит,
Косится мой глаз на стеклянные двери,
А нужная шляпа найтись не спешит.

Раскрашенный фетр, натуральная кожа,
Вельвет и соломка, шотландка и шёлк –
Я всё перебрал, перемерил, что можно,
Но шляпу по вкусу себе не нашёл.

Нормально всё вышло, доволен я даже,
Что снова фуражка на мне со звездой,
Кадетскую я не сменяю фуражку
На шляпу, пусть в шляпе подклад золотой!

С Днём защитника Отечества!

Для вас нет праздника иного,
Хотя он и переименован,
Но для защитников страны
Слова признания важны.

Пусть новоявленные власти
Вам благодарны лишь отчасти,
Я в этот день с отвагой всей
Тост поднимаю за друзей.

Друзья мои, ценою жизни
Стяжали вы любовь Отчизны,
Я поздравляю вас стихами:
«Виват, кадет, Суворов с нами!»

Моё второе «Я»

Валерию Ткачёву

Мой старинный приятель частенько бывает в ударе,
Он в сольфеджио дока и в пенье изрядно силён,
Как Сеговия Андерс, цыганочку мне выдаёт на гитаре
Или с чувством поёт для меня наш кадетский шансон.

Друг поспорить горазд, не приемлет он взгляда иного,
Он, как палка, прямой и всегда приведёт аргумент,
За ценой не стоит и готов даже друга родного
Ради истины на кон, рискуя, поставить в момент.

Не включает он «ящик», где в стрингах кривляются бабы,
Говорит, что достала с экрана сплошная мутня:
«Сколько можно лапшу мне на уши навешивать нагло?
Сколько можно кормить лабудой беспросветной меня?»

Друг мой старых кровей, он на русской культуре воспитан,
Обожает фольклор и влюблён в красоту и простор,
Не приемлет он фальши, давно презирает «элиту»,
Вороватых начальников просто не видит в упор.

Можно деньги украсть и подделать диплом института,
Можно виллу купить или в Думу по спискам попасть,
Можно даже порой на халяву иметь проституток,
Но талант не пропить и не жить нам без совести всласть.

Можно всё, но не всем! Можно много, но редко!
Можно всем изменять или в души со сцены плевать,
Повезло начинать нашу службу в державе Советской,

Но в другом государстве с другом вышло нам век доживать.

Мы послужим ещё, даже если контракт не подписан,
На алтарь принесём все таланты, что Богом даны,
Чтоб читали кадеты стихи Нестеренко Бориса,
Чтоб Ткачёва Валеру узнавали на слух пацаны.

Далеко нынче друг, поселился у самого моря,
Как в раю, он теперь там под ласковым солнцем живёт,
Соберусь я однажды к нему, с километрами споря,
И стихи почитаю, а он мне, как прежде, споёт...

Письмо в столицу

(Вспоминая Женю Романова)

Давно, мой друг, не жал тебе я руку,
Не поднимал за нас с тобой бокал,
Чтоб одолеть в душе тоску и скуку,
Я пару строк тебе сегодня написал.

Ну, как ты там, в Московских палестинах?
Пьёшь кружкой виски, кушаешь «Хамон»?
Я слышал, что в столице рубль длинный
И жизнь напоминает сладкий сон.

Вокруг тебя отели и бордели,
Насыщен воздух шелестом купюр,
Из кожи у чиновников портфели,
На их подружках – фэшн от кутюр.

И наполняя мегаполис гулом,
Летят под матерщину мужиков
Небритые мажоры из аулов
И наглая братва из кишлаков.

Свистят, как пули, «Бентли» и «Роллс ройсы»
Рисую на дорогах виражи,
Сияют из машин самодовольством
Чернявые в щетине типажи.

Зовут тебя театры и контракты,
Поют тебе Киркоров и Кобзон,
Будь помоложе, я б собрал манатки -

И в стольный град под колокольный звон!

Прошёлся бы с тобою по брусчатке
И, чувствуя мистическую связь,
Своих подошв оставил отпечатки,
Я на Василия блаженного крестясь.

А ты там свой, не то, что я, приезжий,
Ты по макушку врос в Московский гам,
Подтянут по-военному и вежлив,
Кадет с пенсионером пополам.

Ты напиши, и я к тебе приеду,
Оставлю дом, собаку и семью,
Я даже постараюсь к Дню Победы
В Москву доставить корпуленцию свою.

И что для нас мажоры-богатеи,
Менты и проститутки в неглиже?
Нальём при встрече мы по полной за Рассею
И станет легче и просторней на душе.

А мы с тобой друг другу улыбнёмся,
Забудем боль, отчаянье и грусть -
Я верю, что мы дружбою спасёмся,
И знаю, что спасётся с нами Русь!

24 августа 2018 г.

Ушёл Женья Романов

Мой друг ушёл, не попрощавшись
И пары слов мне не сказав,
Ушёл внезапно, не собравшись
И даже руку не пожал.

Ушёл, не всех исполнив планов,
Не завершив свои дела,
Не подняв братского стакана
У Юбилейного стола.

Его не будет вместе с нами
На слёте в нынешнем году,
К кому с кадетскими стихами
Теперь я за полночь приду?

С кем поделюсь строкою меткой,
Кому доверю боль свою,
С кем по родной пройдуся «кадетке»,
Под Одинцовым постоею?

Надёжный в дружбе без вопросов,
Кадета славный образец,
Он был, возможно, не философ,
Но, несомненно, был мудрец.

Он ещё в годы молодые
Завет Суворовский впитал -
Был верен дружбе и России
И в жизни их не разделял.

Ах, Женя, Женя! Как же это?
Ну, как же я не уследил?
Осталось Братство без кадета
В накале чувств, в расцвете сил!

Решений нам не объясняя
В коварных замыслах своих,
Смерть самых лучших выбирает
И вырывает с кровью их.

В строю у нас зияют бреши
И прибавляются в числе,
Пишу в печали безутешной
О друге, лучшем на земле.

Он лишь вчера из строя вышел
Бесповоротно, навсегда,
Но верю, что меня он слышит
И даже видит иногда.

Визит кадета

Игорю Мартынюку

Прошёл прекрасно день сегодня,
Хотя вполне обычным был -
Опять кадет, как дар Господень,
Мой скромный домик посетил.

Он был воспитанный отменно,
Хорош собой, в расцвете сил,
Кадетской дружбы дар бесценный
Я с ним по-братски поделил.

Иным фантазии не хватит,
Им, креативным, не понять,
Как привечать чужого дядю
И, как родного, обнимать!

Ну, что за детские замашки
Для пожилого мужика -
Значок прикручивать к рубашке
Или на лацкан пиджака?

Однако, странности в том нету,
Знак выпускной носить кадету,
Чтоб людям быть повсюду с ним
Пусть не знакомым, но своим.

Я – часть Суворовского братства,
Мне за него по гроб держаться,
И визитёр очередной

Мне не знаком, но в доску свой.

Столпы достоинства и веры,
Кадетству преданы без меры,
В 15 лет одели мы
С лампасом чёрные штаны.

Под пиджаком у всех, пожалуй,
Сокрыт погон расцветки алой,
На винт от Знака он надет
И от беды хранит кадет.

Всё точно так! Я знаю это
Не из преданий старины,
Ещё хранят в душе кадеты
Присягу преданной страны.

И, слава Богу, так сложилось,
Что и Россия не накрылась,
Что не пришлось нам выбирать
И по два раза присягать!

А две присяги – это слишком
И откровенный перебор,
Когда напутствует мальчишек
С трибуны пьяница и вор.

Приходят темы и уходят,
Сидим мы с Игорем под чай
И рассуждаем о народе,
Ругнувшись крепко невзначай.

Поговорим про боль бывшего
И о проделанном пути,
Но о политике ни слова -
Достала, мать её ити!

Текут часы, бегут минутки,
Руками машет Мартынюк,
А я под чай и прибаутки
Перевожу от шуток дух.

Четвёртый час идёт беседа
Двух новоявленных друзей,
Пора бы гостю отобедать
С семьёй заждавшейся моей.

Мы всё уже обговорили,
Друг друга так смогли понять,
Как будто мы знакомы были
Годков, по крайней мере, пять.

Я обниму его, не глядя,
Чтоб не сморгнуть слезинку вдруг -
Ко мне чужой приехал дядя,
А уезжает лучший друг!

И как вы, братцы, не гуляйте,
Какая б ни стряслась беда,
Друзей своих не забывайте
И посещайте иногда...

Прощай, праздник!

Баулы в путь увязаны,
Уложены подарки –
Я улетаю с Праздника
Стареющим подранком.

Хожу я, как потерянный,
Осиротев без братцев,
Я отбыл срок отмеренный,
Пора и собираться.

Уж други закадычные
Разъехались, соколики,
Опорожнив у Сычика
Запасы алкоголя.

Уже тела кадетские
Отмыты и распарены,
И колбасы с полцентнера
Ткачёвым пережарено.

Забыли мы про удочки
У сказочного озера,
А я стишками скучными
Достал всех хуже Познера.

Навильников помалкивал
С груздочками в сторонке,
Позвякивал медальками
И подливал всем водки.

А Гуга всё нахваливал,
Любил всех до бесчувствия,
Огурчики накалывал,
Прохладные и хрустящие.

Козлов грибки насаживал,
На англосаксов строжился
И посылал по матушке
Агрессора возможного.

Козлов Валера – трубадур
Брони и артиллерии,
Жизнь видит в триплекс без купюр,
Во всех хитросплетениях.

Крепка рука и глаз остёр
У старого кадета,
За ним хоть в омут, хоть в костёр
Шагну я беззаветно.

И только Летов Николай
Не поспешал с беседой,
А попивал индийский чай,
Медка к нему отведавал.

На борщ неспешно налегал
И на сальцо попутно,
Он никому не возражал
И улыбался мудро.

Он много знал, он долго жил

И, опыт свой умножив,
Давно на споры положил,
Что положить возможно.

Но дни уплыли, как вода,
И с Толиковой дачи
Мы разъезжались навсегда,
Обнявшись на удачу.

Вот и отмечен Юбилей
Кадетскою семьёю,
Я обнимал своих друзей,
Поникнув головою.

Я помню всех, я всех ценю,
Покуда сердце бьётся,
И память эту сохраню
До дней последних донца.

Марш Единства

75-летию Св СВУ посвящается

Плывут в поднебесье военные марши,
Кадетские души за ними летят,
В строю Юбилейном в Училище нашем
Седые мальчишки поротно стоят.
Обнимемся, братья, сойдёмся теснее,
Когда мы едины, нам равного нет,
Нет крепче традиций и веры сильнее,
Чем в нашем Союзе Российских кадет!

Не все уцелели в конфликтах и войнах,
В неполных «коробках» стоим на плацу,
Всё в жизни кадетской сложилось достойно -
За дело награды и форма к лицу.
Когда мы едины – мы всех одолеем,
Найдём супостатам достойный ответ,
Нет долга почётней и службы вернее,
Чем в нашем Союзе Российских кадет!

Пусть бьют барабаны и плещут литавры,
О Братстве кадетском ещё мы споём,
И вспомнят потомки о нас благодарно,
Когда мы в легенды и песни уйдём.
Обнимемся, братья, укрепимся духом,
Не будем считать наших прожитых лет,
Бессмертную душу положим за друга
Мы в нашем Союзе Российских кадет!

Марш ветеранов СВУ

Родимый плац гремит, как барабан,
Под нашими суровыми шагами,
До солнца поднял в небо ветеран
Священное училищное Знамя.
Мы съехались со всех концов земли
Под алый шёлк Суворовского стяга,
Мы сохранить в своих сердцах смогли
Любовь к Отчизне, веру и Присягу.

*Отшагаем маршем, выучки нам хватит,
Помирать не страшно, страшно честь утратить,
Но пока мы вместе, значит, мы – кадеты,
Значит, наша песня до конца не спета.*

Афган, Баку, Чечня, Таджикистан -
Мы там прощались с лучшими друзьями,
Страдая от контузий и от ран,
Войну тушили нашими телами.
А, уцелев, приехали сюда
И по родному плацу маршируем,
Мы в сердце сохранили навсегда
Свердловскую «кадеточку» родную!

*Эй, повыше ногу, братцы-ветераны,
Нас в строю немного, но шагаем прямо,
И пока по чести будут жить кадеты –
Значит, наша песня до конца не спета!*

Марш Содружества

Советские суворовцы, имперские кадеты,
Судьба у нас различная, но Родина одна,
Мы за Россию-матушку в боях прошли полсвета
И жили по Суворову в любые времена.

ПРИПЕВ

*Ты – кадет, и я – кадет, оба мы кадеты,
Звания почётней нет, обойди полсвета.
Мы за Русь положим жизнь здесь и на чужбине –
Жив Суворовский девиз даже в Аргентине!*

Кадеты царской армии, военная элита,
Залог высокой доблести и долга эталон,
Вы были выше бедности и неустройства быта,
Когда Держава рухнула к безбожникам в полон.

ПРИПЕВ

Советские суворовцы, наследники традиций
Классических лицеев и кадетских корпусов,
Вам есть, на что равняться и за кого гордиться,
Когда в «коробку» ротную вы встали за отцов.

ПРИПЕВ

Советские суворовцы, имперские кадеты,
Судьба у нас различная, но Родина одна,
Служить в любых условиях Отчизне беззаветно -
Такая привилегия нам с юности дана.

ПРИПЕВ

Наш Союз

Марш

Дай руку, товарищ, услышь мой привет,
Пронзая пространство и время,
Советский суворовец, царский кадет,
Военное юное племя!

Салют – кадетам зарубежья,
Родным суворовцам – привет!
Мы все в Содружестве, как прежде,
И брат для нас любой кадет.

Опора державы, надежда страны,
Отчизну любили на деле,
И верной дорогой пошли пацаны -
На плечи погоны надели.

Не разорвать наш тесный круг,
Соединим сердца и плечи,
Кадет кадету – брат и друг,
Пока живём – Союз наш вечен!

Имперскую суть и Союзную стать
Они сохраняли достойно
И с юности грудью учились вставать
За Родину в спорах и войнах.

Нам уготовано богатство,
И растерять его нельзя –
Крепись, Суворовское братство,
Расти, кадетская семья!

Когда мы едины

* * *

Мы идём!

Посылают нас сурово,
Обвиняют чёрт че в чём,
Мы держать привыкли слово:
Нас послали – мы идём!

Не толчём мы воду в ступе,
Запрягаем – не спешим,
Ни понюшки не уступим,
Ни вершка не отдадим.

Не улестить нас наградой,
Не купить нас за пятак -
Нам чужой земли не надо
Ни за деньги, ни за так.

Не свернём и не отступим,
Нам шагать не привыкать
Хоть в Берлин по вражьим трупам,
Хоть в Париж, ити их мать!

Что нам Трампы и Макроны,
Порошенко, Меркель, Мэй?
Не уступим мы гонд ... ам
Ни вершка земли своей!

Что-то быстро позабыли
Биографию свою,
Как до юшки мы вас били
С нашим русским: «Мать твою!»

Позабыли, так напомним
Сталинград с Бородино,
Полной мерою вам скормим
Реваншистское дерьмо.

Успокойтесь, бандерлоги,
Под землёю вас найдём!
И не стойте на дороге:
Нас послали – мы идём!

Работайте, братья!

Работайте, братья, в горах и в долинах,
С отвагой и статью героев былинных,
Вам мужества хватит, уменья и силы -
Работайте, братья, служите России!

Работайте, братья, не ради награды,
Потомкам оставьте покой и порядок,
«Чертям» бородатым нет жизни отныне, -
Работайте, братья, храните Россию!

Работайте, братья, за нас отомстите,
Дороги обратной в бою не ищите,
Бандиты отплатят вам злобой звериной, -
Работайте, братья, во славу России!

«Работайте, братья!» – всё просто и ясно,
Хотя и бывает работа опасной,
Не канет во мрак героическое имя, -
Работайте, братья, вас помнит Россия!

Родичи

Памяти Арсения Павлова - «Моторолы»

Наследник Пересвета и Осляби,
Потомок Дмитрия, Добрыни и Ильи,
Ты в богатырском боевом наряде
Стоял за други верные свои.

С времён тех летописных и поныне
История нам ясно говорит:
«Такими родичами держится Россия,
На них, как на фундаменте, стоит».

Сражался Яков Павлов в Сталинграде,
Арсений Павлов защищал Донбасс,
И каждый при отваге и награде -
Все Павловы геройские у нас!

И Ивановы с Сидоровыми тоже,
Кондратьевы, Петровы, Ильины,
Мы все – родня, и подлый враг не сможет
Нас разделить жестокостью войны.

Прости нас, брат, что мы не доглядели,
От врагов тебя не сберегли,
Они давно сгубить тебя хотели
И, наконец-то, подстеречь смогли.

А ты и не таился в заграницах,
Не прятался в зашторенных углах,
Ты воин и подосланным убийцам

И мёртвый ты внушаешь лютый страх.

Прощай, братишка, без руки, без слова
Прощаемся с тобою навсегда,
Да, в этой жизни умирать не ново,
Но новая всегда у нас беда...

У братской могилы

Уже слова все сказаны
И ордена привинчены,
Преступники наказаны,
Герои возвеличены.

Стихи и песни сложены,
Как мужики Российские
Победу невозможную
Оплачивали жизнями.

Вернулись, уцелевшие,
Побиты и изранены,
Расчистили сгоревшее,
Отстроили развалины.

Детишек в люди вывели,
Разбогатели внуками, -
Достоинно победители
Управились с разрухою.

Стоит седое воинство
Со знаками отличия,
Как много в них достоинства,
Как мало их в наличии!

Как много ими сделано
И с кровью отвоёвано,
Стою я перед дедами
С улыбкою виновною.

Упрёк мне горький слышится
От уходящих воинов -
Не все ещё погибшие
Солдаты похоронены.

Лежат они, убитые,
Укрытые бурьянами,
Потомками забытые,
Родными не помянуты.

Найти мы всех обязаны
По долгу и по совести,
Мы жизнью с ними связаны
И узами сыновьими.

Управимся по-честному
С задачей невозможною
И каждого безвестного
Схороним, как положено.

Со тщанием обследуем
Леса, поля, урочища,
А как найдём последнего –
Так и Война закончится...

Десант

Спешит от прибоя последняя баржа,
Хлопочет буксир в маслянистых волнах,
Остались на камнях товарищи наши
В пробитых бушлатах на мёртвых телах.

Случилась накладка, ошиблась разведка,
Враг знал о десанте, был к встрече готов,
Успел пристрелять пулемёты он метко,
Свезти миномётов десятки стволов.

Десантники прыгали в чёрные волны,
Стараясь винтовки сберечь от воды,
Рвались они к берегу с выкладкой полной,
Горячею кровью пометив следы.

Морская пехота не знает отхода,
Тем более, не на чем ей отходить -
Последняя баржа разрежала воду,
Порвалась последняя к прошлому нить.

Теперь только вверх из воды и на сопку
Сквозь вой пулемётный и минный подвыв,
И чавкают пули, впиваясь в охотку
В морскую пехоту маневренных сил.

И падают, падают чёрные люди,
Черны их бушлаты и клёши черны,
Их несколько сотен сегодня убудет
В бою за пригорок великой страны.

Морская пехота поднимется в гору,
Дойдёт до вершины один из пяти.
Не знают бойцы, что лет так через сорок
Пригорочек этот с огнём не найти.

Отрежем мы землю, политую кровью,
Отрежем залив и песок золотой,
Забудем обязанность нашу сыновью
И всё отдадим чужакам за постой.

Признаемся сдуру, что были чужими
В краях, что достались несправедно нам,
И будем кромсать по живому Россию,
И будем платить побеждённым врагам.

Не зря ли спешим? И простят ли нам внуки?
Не мы собирали веками страну,
Ума надо мало, чтоб землю профукать,
Чтоб спяну бесстыже забыть про войну.

Морская пехота стоит на пригорке,
Её одолеть не сумела и смерть.
На сердце саднит и в душе моей горько –
В глаза их безмолвно мне стыдно смотреть...

Победитель

Вся сила русского солдата
В его неласковой судьбе,
В том, что он в битвах с супостатом,
Привык не думать о себе.

Он знает, жизнь его копейка,
Но коль Россия позовёт,
Он в кирзаках и в телогрейке
С победой землю обойдёт.

Отдав достойно долг солдатский,
Сухарик с кашей пожует,
«Накатит» стопочку с устатка
И самокрутку завернёт.

Работой сделанной доволен,
Засобирается домой
Непобедимый русский воин
И не обласканный герой.

Не помышляя о почёте,
Всегда на месте он в строю:
Он на войне – как на работе
И на работе – как в бою.

Давно с судьбой своей смирился,
Несёт её он, словно крест,
И что на свет таким явился –
Для нас, как чудо из чудес!

Русский Спецназ

*Посвящается Александру
Прохоренко*

*«В боях я смерти не искал,
А дрался на «все сто»:
За счёт других не выживал –
Не попрекнёт никто».*
(Владимир Кошелев)

Российский спецназ
Показухи не любит,
Получит приказ
И победу добудет,
Не брякнет укладкой,
Не звякнет лопаткой,
Пройдёт аккуратно
Туда и обратно.

Минует «растяжки»,
«Закладки» раскроет,
В засохшем овражке
Он «лёжку» устроит,
Чтоб «духи» успешно
Напасть не сумели,
Подсветит эЛПэшкой
Наземные цели.

Сухариком сыт
И глоточком напоен,

Вполглаза он спит
И не ноет от боли,
Не киборг, не Рембо,
Сибирский парнишка,
Он с юности телом
В «амбалы» не вышел.

Но есть в нём загадка,
И тайна сокрыта -
Каким он порядком
Стал круче бандитов?
Да как же так вышло,
По чьей это воле
Он, даже погибший,
Остался Героем?

А Вечность так близко,
И он рядом с нами,
Он - воин Российский,
В спасенье нам даден,
Отважный и сильный,
И мёртвый он знает -
Бог любит Россию,
Спецназ уважает!

Вызываю огонь на себя!

«Вызываю огонь на себя!» -
Из наушников голос суровый, -
«Командир, я не сдамся, поддайте огня,
Заберу я с собой эту свору!

Обнаружили, суки, случайно меня,
Обложили, к своим не податься,
Командир, вызываю огонь на себя –
Я не дам над собой издеваться.

Не построил я дом и не нажил детей,
И в спецназе служил слишком мало,
Но глумиться над русской формой моей
Не позволю безродным шакалам.

Я не сдамся, и это для вас не секрет,
Поздно здесь причитать или плакать,
Этот выбор не прост, когда выбора нет,
Подтверждаю запрос на атаку.

Отомстят за меня боевые друзья,
И жена без меня жизнь устроит,
Командир, вызываю огонь на себя! –
Пусть их «Сушки» сровняют с землёю».

Много в мире людей, кто войною живёт
Или жизнью рискует в азарте, -
Только русский солдат может вызвать налёт
На себя по изорванной карте...

Вы с нами!

Вас больше нет. Вы часть народа,
Но стали памятью и болью,
Вы заплатили за свободу
Своею собственной кровью.

Вы о победе камарильи
Не допускали даже мысли,
За выбор свой вы заплатили
Своей единственной жизнью.

Без вас пылятся терриконы,
Дымят пожарища и трубы,
И шепчут треснувшие губы,
Вас называя поимённо.

Вас нет, но вы навечно с нами,
Мы вас и на день не теряли,
В Бессмертный полк фронтовиками
Одной колонной записали.

А с вас, злодейски убиенных,
С благоговением великим
Иконописцам современным
Писать бы мучеников лики.

Я всеми фибрами своими
Молюсь, чтоб вы почили с миром
И вашей памяти во имя
Точили бы иконы миро...

Камни Бадабера

Безмолвны камни Бадабера
В ущельях и на тропах узких,
Они узнали полной мерой,
Какого цвета кровь у русских.

Они-то помнят ярость боя
Под Пакистанскою горою,
Когда под пули из неволи
Рванулись пленные герои.

Запоры сломаны руками,
Снята душманская охрана,
В аду оставшись мужиками,
Восстали наши из зиндана.

Их было с дюжину едва ли
Без подстраховки и надежды,
И пули жадно с мясом рвали
На пленных ветхие одежды.

Но каждый был готов за други
Дойти до жизненного края,
И была ЗУшка от натуги,
Бандитов в ад переправляя.

Их было мало, слишком мало,
Они ещё почти мальчишки,
А там душманы за дувалом
И Пакистанские малиши.

Покрыты бородами лица,
Для них война – лишь труд опасный,
Они торговцы и убийцы
С кривым ножом за опояской.

Неравный бой в огне и гуле
Вторые сутки раздаётся,
Мы не торгуем, а воюем -
У русских честь не продаётся.

Безмолвны камни Бадабера,
Они могли б, но не расскажут
Про тех солдат из СССРа
И их могилы не укажут.

Не добьются!

Взрыв в Питерском метро

В нашем доме ненастье –
Небо тучами скрыто,
Рвут Россию на части
Аммиачной селитрой.

Словно крысы, таятся
Террористы в подземке
И хотят ленинградцев
Опустить на коленки.

Но они не прогнутся,
Если рядом опасность –
Запугать петербуржцев
Никому не удастся.

Когда печки не грели
И еды не давали,
Не таких одолели
И не столько теряли.

Час расплаты настанет,
Знайте все, кто взрывали:
Этот город – из камня,
Эти люди – из стали!

Он вернётся!

Памяти Александра Захарченко

Вы ждите – он придёт за вами
С Донбасса, а не из Москвы,
И ужаснётесь страшно сами
Тому, что натворили вы.

Ещё поганные печеньки
Икнутся с кровью вам не раз,
И испохабленная ненька
В слезах откажется от вас.

А он вернётся! Трепещите,
Вам в этот раз не откосить,
И пятый угол не ищите,
И в крайней хате вам не жить.

Он ваших воплей не услышит,
Вам не разжалобить его,
И ничего война не спишет,
И не простит он ничего.

Нет, рано вы от счастья взвыли,
Что забрала героя смерть -
Вы тело воина убили,
Но дух его не одолеть.

Он принял истину простую,
Которой вам не пережить,
Что на свою и на чужую

Нельзя Отчизну разделить.

Преодолев заслоны вражьи,
Отдав за други всё, что мог,
Придёт за вами он однажды,
Тлен отряхнув с усталых ног.

Судить вас до смерти не будет,
Он – не жесток, но Бог – суров,
Наедине с побитым людом
Оставит вас без лишних слов.

Сборы не впору

Баллада о друге

Мой друг – орёл и «спец» в душманах,
Путь на войне прошёл большой,
Грудь в орденах и сердце в шрамах,
Но молод телом и душой.

И вдруг он начал собираться,
Сказав, что в путь его зовут:
«Пора идти, простите, братцы,
Я задержался с вами тут.

Два года я тянул с уходом,
Лечился, с верою в успех, –
А вдруг отменит мимоходом
Призыв небесный Главковерх?

Но нет отсрочек в райском штабе,
И Пётр с ключом не станет ждать,
Без суеты, порядка ради
Пришла пора свой пост сдавать.

Конечно, рад бы я остаться,
С разлукою повременить,
Но вышли сроки мои, братцы,
Диагноза не отменить...»

Он говорил, не пряча взгляда,
Сглотнув саднящий в горле ком,
Стальную волю сквозь браваду

Продemonстрировав притом.

А я признанья друга слушал,
Застыв, как лодка на мели,
Слова его влетали в уши
И мне мозги, как угли, жгли.

Мы мало думаем о смерти,
Стараясь тему обойти,
Плывём в житейской круговерти,
Греша и каясь по пути.

Не говорим, не обсуждаем,
Не верим в финишный итог,
Хотя, конечно, точно знаем,
Что всем отмерен крайний срок.

Мы в этом мире только гости,
И мимолётные притом.
Промчится жизнь, а что там после?
И есть ли «после» и «потом»?

Мы все уйдём. Дано немногим
Принять подобный оборот,
И вспомнит кто-то вдруг о Боге,
А кто-то Бога матюгнёт.

А кто-то водкою зальётся,
Махнув на прошлое рукой,
У русских исстари ведётся
Пить третий тост за упокой.

Как непомерна эта тема!
Как неподъёмен этот груз!
Быть бесконечною Вселенной
И вдруг лишиться слов и чувств.

Мы все уйдём. Мы все там будем.
Нам всем землёй придётся стать.
Сложилось так, что смертны люди,
Здесь не прибавить, не отнять.

Оставим близких ненадолго
Под грузом неотложных дел,
Себя почувствовав неловко,
Что всё доделать не успел.

Не завершил, не успокоил,
Не повинился, не сказал,
А если был ещё и воин,
То где-то не до воевал.

И это всё о нём, о друге,
О поседевшем сорванце.
Он говорит мне о разлуке
С улыбкой грустной на лице.

И знаю я, что он не шутит,
Что он жесток, но лишь к себе,
Что он дошёл до самой сути
И не поддакивал судьбе.

Он не согнулся, не сломался,

Все испытанья претерпев,
Каким он был – таким остался,
Лишь погрузнев и помудрев.

Ну, что сказать мне в оправданье,
Как отвести его беду?
Какое выбрать наказание
За то, что с ним я не иду?

Лишь только то, что я не волен
В соревновании с судьбой,
Что сам давно серьёзно болен
И жду команды на отбой.

Что скоро также собираться
Мне в дальний путь без лишних слов,
Но не дано мне догадаться,
Когда замолкнет бой часов.

Застынет время. Выйдут сроки,
И мой закончится рассказ.
А подводить всему итоги
Уже не мне на этот раз...

Письмо Наташе

Высоко надо мной горы встали стеной,
За горами ИГИЛ и китайцы.
В ворот пряча лицо, я пишу письмецо,
Согревая дыханием пальцы.

Две недели пурга укрывает врага,
Перевалы закрыты снегами.
Мы в палатке живём и тропу стережём,
Мы всегда начеку с пацанами.

Наша служба проста – не покинуть поста,
Не проспять, не прошляпить прорыва,
А придёт караван – положить басурман,
Сбросив их, ещё тёплых, с обрыва.

Я в свободный часок добыл чистый листок,
Заточил карандашный огрызок.
Словно раненый зверь, завывает метель
И из снега наносит карнизы.

Я в палатке сижу, твоё имя твержу,
Вывожу на листочке «Наташа».
Я тебя на войне часто вижу во сне,
Каждый раз всё желанней и краше.

Мы обвыклись в боях и таимся в камнях,
В штыковую атаку не ходим,
Но война есть война, балом правит она
И посмертный готовит мне орден.

Я тебе напишу, что тобою дышу,
Что с тобой заживём мы, как люди,
Ты, Наташа, дождись, ещё выправим жизнь,
Всем на зависть мы счастливы будем.

Спит луна в облаках, стонет ветер в горах
И в ущелье следы замечает.
Командир приказал, чтоб я меньше мечтал,
Это плохо на службу влияет.

Я сложил «документ», запечатал конверт,
Поперёк командиру не скажешь.
Ты, как звёздочка, мне, свет заветный в окне,
Отвечай поскорее, Наташа!

Отличник СА

Ну, что судачить о войне?
Война и мир в руках у Бога.
Мы с сыном в гулкой тишине
Обнялись крепко у порога.

Я положил в рюкзак ему
Тушёнку, соль, буханку хлеба -
Зовут сынишку на войну
В чужой земле, под чуждым небом.

Чужие рыть ему пески,
В чужих кустах ему таиться
И, мирным планам вопреки,
Чужую охранять столицу.

Мой сын ещё не возмужал,
Наивный, смелый и горячий,
Он много книжек прочитал
О человеке настоящем.

И вырос искренним вполне,
Чтил память о героях павших
И на игрушечной войне
Всегда в команде был «за наших»!

Пришёл Приказ! Пора идти,
Не стоит только торопиться:
Война – не шутер из сети,
И кровь людская – не водица!

Конечно, надо б остудить
Стратегов, что Белград бомбили,
Чертей ИГИЛОВСКИХ добить
На дальних подступах к России.

Но ты, сынок, не торопись
С повесткой к райвоенкомату,
Сперва искусству научись,
Как современным быть солдатом.

Учись, сынок, пока в ночи
Летят безмолвные «Калибры»
И смерть находят басмачи
Под наблюдением с орбиты.

Учись, покуда с огоньком
Былых героев служат внуки
И бьют злодеев не числом,
А достижениями науки.

Прими родительский совет,
Не торопись за громкой славой,
Сомнений нет, ученье – свет,
А не ученье – пот кровавый!

И только так! Из-за морей,
Из-за пустынь и гор не наших
Умом врагов России бей,
А не прикладом в рукопашной.

Тебя Россия подождёт,

Наполнись мудростью военной,
А если время подождёт –
Тебе отыщется подмена.

Возьму я «сидор», автомат
И документ с печатью синей,
Пойду десантником в отряд,
Подправив отчество и имя.

Уеду в дальние края,
В окоп, в секрет, в дозор, в разведку,
Ещё чего-то стою я -
Отличник Армии Советской!

Дети Донбасса

Это – дети Донбасса,
Посмотрите на них,
Разглядите не сразу
Вы отчаянные их.

На скамейке в сторонке,
У покрашенных стен
В рубашонках и шортах
Им не жарко совсем.

В их глазах тихий ужас
И тоска через край.
Ад крошечный снаружи,
И в подвале – не рай.

Повидали немало
На коротком веку -
Артобстрелы, подвалы,
Кровь на грязном снегу.

Там, на улице, взрывы,
Гибель близких людей,
А в подвале нарывы
И сырая постель.

Там, снаружи разруха,
Чёрный траурный дым,
И до боли бьёт в ухо
Вой пожарных машин.

Там, бродя по обломкам
Незалежной своей,
Убивают подонки
Самых близких людей.

Жмутся дети друг к другу,
Их сплотила беда.
И они не забудут.
Ни о чём. Никогда.

Пролетают снаряды
Над подвалом с детьми.
Что-то делать нам надо,
Чтоб остаться людьми!

Ангелы не вернутся *(Пожар в ТЦ в Кемерово)*

Что мы уцелели,
А вас нет на свете,
За то, что сгорели,
Простите нас, дети!

Вы преданы нами,
Когда были живы,
Вы брошены в пламя
Безумной наживы.

Нам нет оправданья,
Мы все виноваты,
Когда в это здание
Спешили с зарплатой.

Мы слепо решили
Барыгам поверить,
Они вас впустили –
И заперли двери!

А мы бесшабашно
Рванули к витринам,
Сокровище наше
Доверив кретинам.

Вы – звёздочки наши,
Вы – ангелы света,
За выбор ужасный

Прощенья нам нету.

Дороги обратной
Вам нету на землю -
Мы здесь муки ада
За деток приемлем.

Живём мы нелепо
И каемся поздно,
Светите нам с неба,
Как новые звёзды...

Чёрный человек

«Мы вас туда не посылали!
В стране полвека нет войны.
С какого вы испуга взяли,
Что мы чего-то вам должны?»

И посмотрел почти брезгливо
На боевые ордена
Чиновник мелкого пошиба
И жулик среднего звена.

«Зачем трясёте возмущённо
Передо мною списком льгот?
Карман у власти не бездонный,
И тяжело живёт народ»!

Он был, как пёс цепной, опасен,
Не умник, но и не дурак,
Местоблюститель высшей власти,
Распределитель средств и благ.

Сидел он в кресле чёрной кожи
Не уважая никого,
Душою чёрною похожий
На кожу кресла своего.

А перед ним страна лежала
В кровавых шрамах от реформ
И за спасенье обещала
Себя пройдохе на прокорм.

Она такими ловкачами

Давно обманута была
И, от родной земли отчалив,
В края счастливые плыла.

А он смотрел из кабинета
Вслед пропадающей стране
И возлагал вину за это
На погибавших на войне.

Не для того, чтоб виноватым
Не позволяла совесть жить,
А чтоб оставить без зарплаты,
Да и достоинства лишить.

Народ без чести – стадо хамов,
Голодный мастер – не творец!
И врал чиновник всем упрямо,
От власти обнаглев вконец.

«Мы вас туда не посылали!
Скажи спасибо, что живой!»
И горько звякали медали
В такт этой отповеди злой.

Пройдут года. Залечит раны
Страна, а с нею и народ.
Слова те вспомнят ветераны,
Кто лихолетье проживёт.

У нас отходчивые люди,
Не могут жить они со злом,
Но не простят и не забудут
Того уroda за столом...

Один за всех

*«Здесь русский дух,
Здесь Русью пахнет!»
(А. С. Пушкин)*

А мне, что Минск, что Минусинск -
Везде живут мои друзья,
Что Чебаркуль, что Чигирин –
Всё это русская земля.

Земля в могилах и крестах,
Земля острогов и церквей,
Здесь бунтовали не за страх
И в битву шли не за царей.

Здесь Хорс, Ярило и Сварог
Ковали наш славянский род,
Чтобы на свет явиться мог
Великий труженик - народ.

От Иртыша до Сиваша,
От Бреста до Великих Лук -
Повсюду русская душа
И русский мир, и русский дух.

Мы с древних лет народ один,
Нас в микроскоп не различить,
И сдохнет пусть тот сукин сын,
Кто нас мечтает разделить!

Как к предкам мы на суд придём
И как посмотрим им в глаза,
Когда отчаянно пропьём
Просторы эти и леса?

Как объясним, что пал Союз?
Как скажем, что в загул ушёл
И работающий белорус,
И на уме себе хохол?

Довольно крайнего искать,
Сойдёмся, братья, в тесный круг,
Пора нам братство возрождать
И укреплять в нас русский дух!

Уходит эпоха

* * *

На горных тропах и в лугах

В урочищах Тывы и Сихотэ-Алиня
Он собирал грибы и думал о России.
Брусники пожевав и обойдя корягу,
Подъём одолевал он скандинавским шагом.

Ему шестьдесят пять – но есть ещё здоровье,
И вот шагал опять пешком по неудобьям,
Две тыщи за спиной – не Эверест, но всё же!
Пройти маршрут такой турист не каждый сможет.

А он стремился вверх, уставший и свободный,
Российский Главковерх, избранник всенародный,
Подводник и пилот, спортсмен крутой закалки,
Стремился он вперёд, переставляя палки.

Без ЗАС и без «трубы», без кресла из ореха
В заказник по грибы он налегке приехал,
А тут ещё в траве созревшая брусника,
Такую и в Москве не прикупить в бутиках.

Какая благодать! Шумит внизу речушка,
И можно постоять, чтобы её послушать,
И богатырский кедр, как друга, приглубить -
Завидовать Премьер такой поездке будет!

Но чу, ужо ему! Пусть посидит на царстве,

Управит кутерьму с реформой в государстве,
Казну пополнит пусть и с пенсией уладит,
И успокоит Русь, простого люда ради.

Приносит ветерок с предгорья ароматы,
Охранники в мешок прибрали автоматы,
Попрытались в тени, не видно и не слышно,
Не видит, где они, разведчик, как бы бывший.

Один! Совсем один на целом белом свете,
Теперь он – Гражданин и он за всё в ответе,
Как служба не сложись, с молодых ногтей он знает,
Разведчик – это жизнь, и бывших не бывает.

А он воды глотнул в поспешности случайной
И куртку расстегнул до белоснежной майки,
Прохладен воздух здесь, но солнце жжёт сквозь вежды,
В душе крутая смесь покоя и надежды.

Прощай, медвежий край, кедровая столица!
Хоть ляг и умирай – такая красотища!
Бескрайняя земля, бессмертная природа -
И это всё «не для», а сама жизнь народа!

И повернулся вспять с горы народный лидер,
Насыщенный на «пять» красой, что здесь увидел.
Всему есть свой предел, но нет ещё закона,
Чтоб спрятаться от дел хоть в кедрах, хоть на склонах.

С горы легко шагать, мелькают только палки,
Внизу уже видать кроссоверы, мигалки,
Картина позади, как сказочная, тает,
А что там впереди – Всевышний только знает...

Не западаем мы на Запад

Замолкли праздничные залпы
В освобождённых городах,
Ушли дивизии на Запад
На самоходках и ИСах.

Ушли, оставив за спиною
В боях положенный народ,
Дымы пожарищ над страной,
Разруху, голод и сирот.

Освобождать ушли герои
Наш Европейский общий дом,
Перед «монгольской ордою»
В себя приходит он с трудом.

По притаившимся столицам
Их колесницы пролетят
И Запад снова затаится,
Как много раз тому назад.

Мы для него орда и быдло,
Мы христиане, да не те,
И изменения не видно
В их русофобском естестве.

Они не раз нас предавали,
А мы урок не извлекли,
Своими мы для них не стали,
Надеждам нашим вопреки.

Напрасно мы в друзья стремились,
Сливали нефть, качали газ,
Они над памятью глумились
И обвиняли в войнах нас.

И даже самое святое
Смешали с ложью пополам,
Судить наладились героев,
Причислив воинов к врагам.

А мы всё ездим по Европам,
На семинарах морщим лоб
И перенять желаем опыт,
Как жизнь устроить без трущоб.

Но толку в этом будет еле,
Европа нам не пуп земли -
Они в разбое преуспели
И на обмане возросли.

В Европе нынче новый Орднунг,
На старых выросший дрожжах,
И нас, схизматиков негодных,
Держать не будет он в друзьях.

Напрасно рты мы открывали
На изобильный их Эдем –
За папуасов нас держали
Брюссель, Берлин и дядя Сэм.

А коль умны мы не по делу

И нас за бусы не купить,
То пропагандой оголтелой
Нас нужно жизни поучить.

Или пугнуть нас для порядка -
Глаза у страха велики,
Нацелить умные снаряды
На базах, что недалеко.

А там и стелсы на подхвате,
И мини ядерный запас...
Ну, попугали чуть – и хватит!
Ответ готов уже у нас.

Понятен он и прост на выбор -
Пока вы целите нам в лоб,
Менять не будем мы «Калибры»
На «Кока колу» и хип-хоп.

«Сарматом» издали помашем
И «Авангардом» пошумим,
Засуньте вы страшилки ваши
С бюджетом рядышком своим.

А вам напомнить бы полезно
Учений наших результат -
Ценнее всякого «железа»
Непобедимый наш солдат.

Солдат той Армии великой,
Что, умножая свой престиж,

Перед напастью многоликой
Не спасовала, как Париж.

Не шла в союзники к нацистам
Ни за подачки, ни за страх,
А билась на смерть в поле чистом,
В болотах гибла и лесах.

Перемогла и одолела
И саботаж, и слабину,
В Берлине расписалась мелом
И там закончила войну.

А вы потомкам их грозите
Или мечтаете купить,
Напрасно воду вы мутите,
Пора вас с Трампом остудить.

А там, глядишь, и в ум войдёте,
И разглядите в нас друзей -
Не ищем мы врагов в Европе,
И вы дышите к нам ровней!

Я с народом!

Думать вредно, верить трудно,
Знать опасно, скучно жить,
Наливаю «двести» утром,
Чтоб к обеду повторить.

Чуть поморщусь, смачно хрупну
Малосольным огурцом, -
Наступающее утро
Нужно встретить молодцом!

Гляну в зеркало - картина
Для начала в самый раз,
Пятидневная щетина
Обаяния придаст.

Что мне беды и невзгоды?
Что заботы и нужда?
Если трудно жить народу, -
Я с народом завсегда!

Понимаю я, конечно,
Малозначимость свою,
Но не винтик и не пешка
Я в своём родном краю.

Я с народом на распутье,
Я с народом на войне,
В микрофон с трибуны Путин
Обращается ко мне.

Безотказен я в работе
И в быту неприхотлив,
Я и пахарь, я и плотник,
И держусь по мере сил.

Я Премьера уважаю,
За его прямой ответ,
И с народом выживаю,
Если даже денег нет.

Вижу, что переживает
За простой народ Премьер
И держаться мне желает,
Подавая всем пример.

Белой ручкою он машет
С безделушкой от «Брегет»,
На часы нашёл он башли,
А народу денег нет.

Я податься не желаю
К Эрдогану в Шарм-эль-Шейх,
Алл инклюзив выбираю
Дома кашу и кисель.

Не завидую, не плачу,
Не считаю барыши,
И огурчики на даче
Нынче больно хороши.

Помидоры, баклажаны,

Кабачков не перечесть, -
Пусть пусты мои карманы,
Но найду, чего поесть.

И наливочка найдётся,
И настоечка, и квас,
А Премьер пускай не мнётся –
Ищет денежку для нас.

Далеко искать не надо,
Нет секрета здесь ничуть, -
Деньги наши где-то рядом,
Стоит руку протянуть.

Нам привет Премьера важен,
Пожеланья по душе,
Но тонка терпелка наша
И кончается уже...

Я спросил у политиков

Ну, что за свадьба без гармошки
И речь без крепкого словца,
Обед без сала и картошки
И коллектив без подлеца?

Ну, что за спор без мордобоя
И без евреев анекдот,
Геройский подвиг без Героя
И жизнь без горя и забот?

Ну, что за песня без баяна
И дружба тигра и козла,
Что за чиновник без кармана,
Что за карман, где нет бабла?

Мне задают друзья вопросы,
А я ответить не могу,
Для телешоу с Жириновским
Их до поры приберегу.

Уж он-то знает, он ответит,
Юрист сомнительных кровей,
И, как фонариком, осветит
И цель, и путь надёжный к ней!

Возможно, нам такой и нужен,
И либерал, и демократ,
Такой, кто с рынком нас подружит

И хоть немного даст денегжат?

Такой простой и всем понятный,
В речах остёр и в доску свой,
И не пойдёт он на попятный,
Как Рокоссовский под Москвой.

Слуга стране, отец солдатам,
Он за понюшку не продаст,
При нём по улице с плакатом
Пройдёт последний п ... ст!

Он кулаком грозит привычно,
Хотя давно ослаб напор -
Уж слишком он категоричен,
А это явный перебор.

Харизма с возрастом проходит,
Да и давно пора понять -
Народ в России колобродит,
Но не желает лютовать.

Я задаю вопросы снова,
Плохим предчувствием томим, -
Ну, что за Дума без Гудкова,
И без Касьянова Совмин?

Ну, что за ЛЭПы без Чубайса,
Без Абрамовича Сибнефть?

И как Гайдар в гробу не кайся, -
Не примирит нас даже смерть.

Как с ними жить в одной упряжке,
Не разъяснит нам даже суд -
У них горят от баксов ляжки,
А мы на них имеем зуб.

Вернуть бы то, что потеряли
Мы на одной шестой земли, -
Нас беспробудно обокрали
И по кривой нас обошли.

Ну, где же Царь – освободитель?
Заждался в тягостях народ,
А нам внушают -потерпите,
Окрепнет рынок и спасёт!

А мы пустые щи хлебаем,
Уткнувшись зенками в экран,
В того, кто нами избираем
Или народу Богом дан.

На телешоу, как до Бога,
Я дозвонится поспешу, -
К нему вопросов тоже много,
Но их отдельно напишу.

Иди ты!

Ночь. Улица. Фонарь. Участок.
Пост полицейский у ворот.
Хоть сорок лет мечтай о счастье –
К ленивым счастье не придёт.

Встань и иди. Хоть что-то сделай
Для возрождения страны,
Или тогда ты только смелый,
Когда усилья не нужны?

Возьми казённую бумагу,
В прозрачный ящик опусти,
И, совершив такое благо,
Шанс для страны не упусти.

Ну, что, решил? Вот молодчина,
А говорил: «Плевать и лень!»
Засунь, как истинный мужчина,
Ты в урну этот бюллетень.

И – хорошо! Ты ровно дышишь,
Прошла волнительная дрожь –
Теперь он твой. Ты сердцем слышишь:
«Ах, до чего же он хорош!»

В нём всё прекрасно – ум и воля,
Походка, речь, весёлый нрав.
И, как ребёнок, ты доволен,
Что вновь себе его избрал.

Как хорошо, что ты послушал
Серьёзных дядей из ТВ,
Играй во взрослые игрушки
И в захолустье, и в Москве.

Поскольку Богу так угодно -
И пять, и десять лет спустя,
Судьбой страны, судьбой народа
Играй, как малое дитя.

И всё, что было – снова будет,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, Избирком, а в нём колдует
С победным списком секретарь!

К Единороссам нет вопросов,
Их лидер был нам Богом послан,
И заживём мы сыто – пьяно
В стране трубы, в державе нано!

Ну, что, сходил?

Ну, что, сходил? Избрал? Вот то-то!
Сомненья тяжкие гони
И, если не срастётся что-то,
Теперь себя во всём вини.

Тебе дана была свобода,
А ты решением своим
Судьбу страны, судьбу народа
По списку дал вершить другим.

А мог бы сам из грязи в князи,
Зажав на счастье кулаки.
Да, мог бы, но не в этом разе -
Уж слишком ставки велики!

Сегодня шапка не по Сеньке,
Мошна с казной не по руке
И потерялись где-то деньги,
И много злости в мужике.

А нужно граждан успокоить,
Забаву дать, и не одну,
Большой футбол в Москве устроить
Или забеги в ширину.

И ты избрал Мафусаила,
Отметив клеточку листа
За сокрушителя ИГИЛА
И строителя Моста.

Он богатырскую дружину
Возглавит, словно Кибальчиш,
Уже нашёл он половину
Из разворованных деньжищ.

Он с наказанием не промедлит,
Искоренит в структурах зло -
Полковник этот не последний,
И не последнее «бабло»!

А ты воителю в подмогу
Избрал честнейших херувим,
Теперь расслабиться немного
Ты можешь с выбором своим.

Сходил и выбрал, эко дело!
Невелика обуза та,
Зато теперь ты можешь смело
Жизнь строить с чистого листа.

И невозможное возможно,
И Дума новая близка,
Когда ты сунул осторожно
Сквозь прорезь в ящик два листка.

Такие правила у власти,
Таков порядок и закон,
Менять избранников отчасти
На каждый выборный сезон.

Незаменим лишь сильный лидер,

Он послан нам, как дар небес,
В гробу и тапочках он видел
Макрона, Трампа и ЕЭС!

Иди за ним, он путь укажет,
Отделит зёрна от плевел,
Он в микрофон такое скажет,
Чтоб ты от радости вспотел.

Что делать? Времечко такое,
Сложилась так в России жизнь -
Ты в то, что близко под рукою,
Вцепись покрепче и держись!

Ты честен был перед собою
И даже был отчасти рад,
Когда недрогнувшей рукою
Поставил галочку в квадрат.

Теперь живи с решением этим,
Всё одолев и всё стерпя -
Страны богаче нет на свете,
И терпеливей нет тебя...

Диалектика

Чем больше нищих и сиротства,
Тем толще морды руководства!
Чем мельче с супчиком половник,
Тем вороватее чиновник.

Когда от лжи завяли уши,
Тогда забористей частушки!
Чем меньше масла ложат в кашу,
Тем веселее люди пляшут!

Чем меньше денег и работы,
Тем громче крики патриотов!
Чем тяжелей в руках дубина,
Тем справедливей прав картина.

Покуда есть в кармане гроши,
Ты гость желанный, друг хороший,
А если кончилось бабло,
Цвети и пахни, всем назло.

Пока года летят, как птицы,
Не помышляй остановиться,
С душевной песнею в дороге
Иди, покуда ходят ноги.

Всё остальное – мишура,
Обман и суета сует,
Пустая скучная игра,
В которой часто смысла нет.

Чем чаще думаешь о смысле,

Тем реже видишь образ чистый
И бережёшь в душе мечту,
И понимаешь красоту.

Живи, как дерево в лесу,
Как клёст в сиреневом кусту,
Как серебристый ручеёк,
Что шепчет тихо возле ног.

Живи, как небо, как трава,
Которым не нужны права,
Которых Бог во всеединстве
Не разделил на секс меньшинства.

Мы все – одно, вода и люди,
Мы здесь совсем недолго будем,
Покуда можно – будем жить,
Нам всем здесь нечего делить.

И что нам эти супостаты
С их наворованной зарплатой?
Карман на саван не пришить
И в гроб купюр не настелить.

Живи свободой, человек,
Не разменяй короткий век
На чепуху и ерунду,
Отдай всё лишнее врагу.

Иди, не ведомо, куда,
Ищи, не ведомо, чего,
Пока не канул без следа,
Лишившись сразу и всего...

Рыжий, рыжий, конопатый...

(Посвящается Н. А. Некрасову)

Однажды, откушав с супругою ужин,
Я в Сколково вышел с собачкой гулять,
Смотрю, у КАМАЗа, застрявшего в луже,
Мужик суетится и кроет всё в мать.

Обычный мужик, невысокий и рыжий,
Заглохла машина, и близится ночь.
Под мат к мужику подошёл я поближе -
А вдруг чем-то нужно бедняге помочь?

Смотрю на машину, а в кузове деньги,
Да столько, что встал я с разинутым ртом -
В мешках и коробках, и в кучках маленько,
Рубли и долла'ры, и евро притом.

«Здорово, дружище!» «Да шёл бы ты мимо!»
«А ты не из робких, как я погляжу.
Откуда деньжищи?» «Из НАНО, вестимо,
Я их, как напелят, в офшор отвожу».

«А пильщиков много?» «Да, знаешь, хватает,
Вот только трусливы, размах в них не тот.
Чего им бояться? Никто не мешает,
Пили и вози за кордон круглый год».

«А как же надзор, прокурор, депутаты?
Они, как я слышал, бюджет стерегут».
«Они все при деле, и каждый с лопатой,

И, что стерегут, то они и гребут!»

«Так вот оно что! А как звать тебя?» «Толик».
«А годик какой?» «Шестьдесят отмотал.
Ты знаешь, я, в общем-то, жизнью доволен,
Бюджетные бабки ни в жизнь не считал».

«А что, у тебя велика ли контора?
Достанет ли денег, спросить я хочу.
Распилите всё, и закроют офшоры,
Счета арестуют, а вам карачун».

«Ну, выдумал!» - крикнул водила фальцетом,
В кабину залез и на стартер нажал,
И так матерился при действии этом,
Что вздрогнул КАМАЗ и, как пёс, заурчал.

Мотор заработал, как сердце забилося,
Крутились колёса, по грязи скользя,
На чистое место машина стремилась,
Несчётные бабки в мешках увозя.

А я постоял у расплесканной лывы,
Смотрел на гудящую ульем Москву.
Что это такое сейчас со мной было?
Иль морок какой? Или сон наяву?

Тащите же, люди, помногу в волю!
На то нам Отечество в руки дано,
Чтоб вечно пахать это щедрое поле,
И чтоб нас кормило безбедно оно...

С ЕГЭ по жизни

Нас всех учили, слава Богу,
Азам родного языка,
Пусть мы запомнили немного,
Зато уже наверняка.

Пусть с запятыми не всё ясно
И падежи, как тёмный лес,
Но букву «В» мы в слове «здравствуй»
Напишем между «А» и э«С».

Мы – жертвы Сталинской системы,
Тоталитарные умы,
Учились в школе мы в три смены
И «Alpen Gold» не ели мы.

Но мы учились и задачу
Учёбы понимали так:
Учись упорно, а иначе
Ты будешь взрослый, но дурак.

Нам было стыдно быть невеждой,
Позорно числиться в тупых,
Питали знания надежду
Достичь успехов непростых.

Закончить школу, в люди выйти,
Себя заставить уважать,
Но полуграмотному дылде
Век уважаемым не стать.

Мы все учились не шутейно
И получали дома «втык»
За свой Дневник еженедельный
От строгих родичей своих.

Ну, а «великий и могучий»
Стоял у нас особняком -
Язык осваивали русский
Мы с материнским молоком.

На нём мы плакали и пели,
На нём, чтоб мысли донести,
Мы говорили от купели
И до последнего «прости»!

На русском слушали мы сказки,
На нём учили первый стих,
На нём отец, пол литра «вмазав»,
Мог перечислить всех святых.

Потом явились к нам гиганты
Словесности и языка,
Писать на тексты их диктанты
Устала детская рука.

Всегда в быту и на работе
Нас жажда к знаниям вела,
Повсюду грамотность в почёте
И в уважении была.

И вот разрушена система

И поколеблены умы,
Утратили почти мгновенно
Вкус к обретенью знаний мы.

И говорим-то мы нескладно,
И пишем левою ногой,
Не напрягаем мозг изрядно
Над рукописною строкой.

Всё, кое-как и как попало,
Без двоеточий и тире,
И буква «Ё» у нас пропала,
И полный минус в словаре.

С правописанием неясно,
И полный кавардак в башке
Напоминает ежечасно
Нам об убогости ЕГЭ.

Дожились, так твою раз эдак!
До реформировались в дым!
Куда пойти, кому поведать
Несчастье с языком моим?

На паперти

Послать бы всё к едрёне матери -
Недуг коварный, суд людской,
И полупьяному на паперти
Стоять с протянутой рукой.

И привлекать к себе внимание,
К уснувшей совести взывать,
Благодарить за подаяние,
А, если что, то и послать!

Я – шут гороховый и всё же
Не растерял я честь и стыд,
И на моей небритой роже
Печать достоинства горит.

И вот тяну речитативом
Свой немудрёный вокализ:
«Не проходите, люди мимо,
Я над геенною повис.

Подайте, граждане, полтинничек
На опохмелку и еду,
За это в строках поэтических
Вам слово доброе найду.

Хоть завалящую копеечку
Подайте, люди, в добрый час,
Не проходите, было времечко,
Когда я песни пел для вас.

И я когда-то был удачливым,
Над каждым грошем не дрожал,
Носил в карманах деньги пачками
И женщин часто ... уважал.

Когда-то я, увитый лаврами,
Беспечно время проводил
И семиструнную гитарой
До слёз поклонниц доводил.

Цыганка мне беду пророчила
И экстрасенс предупреждал,
Не слушал я прогнозы точные
И над гадалкой хохотал.

Беда явилась к нам нежданно,
Откуда я её не ждал –
Явилось чудище эстрадное
И оккупировало зал.

Под бормотанья иностранные,
Отняв моё вино и хлеб,
Забыв частушки и страдания,
Запали граждане на рэп.

Казалось, что им причитания,
Все эти брейки и хип-хоп?
Но я ошибся и с отчаяньем
Смотрю, как песня сходит в гроб.

И с доморощенными неграми

В своей стране я, как чужой,
Живу с обугленными нервами
И с повреждённою душой.

Ах, где ты, Ксюша, в юбке плюшевой?
Катюша, где выходишь ты?
Где мы пропели сдуру душу
И образ чистой красоты?

Без песни жить не интересно,
Но коль судьба решила так,
Я помяну сегодня песню,
Подайте, люди, хоть пятак...»

Хотелки и терпелка

Либералы записные,
Вы откройте мне секрет:
Почему у нас в России
Недра есть – а жизни нет?

Что за невидадь такая
Происходит много лет:
Всё без счёта добываем,
А в России денег нет!

Даром время не теряем,
Дело спорится у нас:
Уголь рубим, кедры валим,
Нефть качаем, гоним газ.

Изумруды и алмазы,
Галлий, таллий, сердолик:
Не припомнишь всё так сразу –
Слишком перечень велик.

Отправляет ваша свора
Всё со свистом за кордон,
Не вернув нам из офшоров
Ни единый миллион.

Нам налоги, цены, стрессы,
Штрафы, ЖКХ, пеня,
Вам – оклады, «Мерседесы»
И по мелочи х ... ня.

Нам футбол, водяра, телек,
Полицаи и жульё,
Вам грудастые модели
И элитное жильё.

Вам заводы, пароходы,
Нам шесть соток и барак -
Нет, с единством у народа
Что-то всё-таки не так!

Что-то мы не досмотрели,
Намудрили что-то вы,
И жируют лиходеи
От Камчатки до Москвы.

В потреблении, похоже,
Разошлись мы навсегда -
Миски наши формой схожи,
Но в них разная еда.

Вы нас слышать не хотите
И ответ ваш плешь проел:
«Денег нету, потерпите.
Бог терпел и вам велел!»

Уточнили бы конкретно,
Что терпеть нам в этот раз?
Куда делись наши недра,
Где бабло за нефть и газ?

Или яхты устарели,

Вам бы новых прикупить?
Или виллы погорели,
И теперь вам негде жить?

Нет, всё цело, в море тихо,
Это жаба давит вас,
Поделитесь хоть толикой
Наворованных богатств.

Сколько можно жить обманом,
Городить сплошную ложь?
Ведь у гроба нет карманов,
Счёт в могилу не возьмёшь.

Вы живёте без надежды,
Бунта ждёте каждый час,
Не спасали деньги прежде,
Не спасут вас и сейчас.

Ваши сделки и проделки
Нас достали, господа,
И кончается терпелка
У народа иногда.

Перетерпим, переждем
И блокаду, и войну,
Себе сами мы поможем,
Сами выправим страну.

У либералов

Там нет солидности и глянца,
Ток шоу – вылитый бардак,
Там либералы-запроданцы
Не образумятся никак.

У либерала взгляд тяжёлый,
Он окосел ещё со школы,
Он видит всё не так, как есть,
И между стульев может сесть.

Но либерал сегодня в силе
И в Петербурге, и в Москве,
Гундосит он на всю Россию
И правит балом на ТВ.

Там Амнуэль настырно ищет
Для Штатов повод для войны,
Но только с перепугу дрищет,
Не успевая снять штаны.

Там Гозман врёт напропалую,
Плюётся ядом на людей,
Готов на подлость он любую,
Кровосмесительный злодей.

А Сытин, экая каналья,
Он и профессор, и дурак,
И от идеи завиральной
Он не откажется никак.

Им несть числа, они речисты

И видят в Путине врага,
У них дыхание нечисто
И под причёскою рога.

Там верховодит всем Навальный,
Готовя свой флеш моб скандальный,
И повергает Ксюху в шок,
С баблом насилуя мешок.

Там тридцать три юнца безмозглых
Язвят избранников народных
И, возмущением горя,
Клянут политику Кремля.

Там кандидатша в Президенты,
Удобным пользуясь моментом
И видя в имидже изъян,
Бросает в Жирика стакан.

Там стыд и срам, там ложь и хамство,
Там наглость с дурью пополам,
Там новоявленное барство
Являет ненависть к «рабам».

Всё было так, но я там не был,
Я – патриот и русофил,
Я под бездонным русским небом
Не ел «Хамон», «Бушмилс» не пил.

Зачем мне ярмарка тщеславья?
Зачем мне кладбище идей?
Уж лучше жизнь свою управлю
Среди порядочных людей...

Эх, «Эхо»!

Они – просто больные,
Сумасшедшая свора,
Ненавидят Россию,
Прячут деньги в офшорах.

Они Родину нашу
Кроют матерным словом
И в кровавую кашу
Её ввергнуть готовы.

Присосались к бюджету,
Как клещи, ненасытны,
Демагоги и мэтры
Самозванной элиты.

Ищут в Путине зверя
И в законах прорехи,
Как в засадах, засели
На «Дожде» и на «Эхе».

Не щадят наши нервы,
Убежденья и взгляды,
Их продажные перья
Пишут кровью и ядом.

Этих бесов немного,
Но, хитры и горласты,
Они - клан демагогов
И сходняк либерастов.

Эту стаю шакалью
Знаем всех поимённо,
Доведут их до края
Из US миллионы.

Нет за злобу награды,
Подлость им не зачтётся,
Своим собственным ядом
Им питаться придётся...

Ответ либералу

Не говори, что мы не жили,
Что жизнь растрочена напрасно,
Что кукиш с маслом заслужили
На старость мы у государства.

Не упрекай нас в простоватости,
Не причисляй нас к неудачникам,
Мы от опасности не прятались,
Справлялись с трудными задачами.

Мы много видели хорошего
И, приводя нам факты разные,
Коммунистическое прошлое
Не мажь настырно кистью грязною.

Не всё в нём было замечательно,
Творилось зло и коммунистами,
В словах об органах карательных
Жестокий виден признак истины.

Но отвергаю я сомнения
И твёрдо верую по-прежнему:
Служили честно мы не Ленину
И уж, тем более, не Брежневу.

Служили мы великой Родине,
А не Генсекам опереточным
И иногда за службу орденом
Бывали властью мы отмечены.

Колонной пятою не куплены,
Живём с дырявыми карманами
И нынче служим мы не Путину,
Не Жириновскому с Зюгановым.

Под изъявление народное
В Кремле избранники меняются,
А мы Присягу дали Родине,
И нет у клятвы срока давности.

Не тронь понятия священные,
Оставь идеи завиральные,
Не говори про честь с процентами
И Долг к кредиту не приравнивай!

Помедли с песнею победною,
Не вся в России совесть пропита,
Она всегда справлялась с бедами,
Переживёт и ваши опыты.

А мы с походными котомками
Спокойно путь продолжим в Вечности
И, повстречавшись там с потомками,
Не отведём глаза при встрече...

Рубля не дам на Нотр Дам

Я ни рубля на Нотр Дам
Для лягушатников не дам,
Пусть возместят сперва, уроды,
Войну Двенадцатого года!

Списали мы французам даром
И мародёрство, и пожары,
И Кремль, что чудом уцелел,
Поскольку порох отсырел.

Не поскупились на заряды
В столице минные отряды,
И, прежде чем поджечь запалы,
Никто в молитве ниц не падал.

Каддафи в Ливии замучив,
Не лили франки слёз горючих,
А чтобы долг ему «простить»,
Страну решили разбомбить.

Такая вот у них культура
В стране картавых трубадуров,
Такие принципы у них,
У либералов голубых.

Переженились друг на друге,
Не мужики и не подруги,
И превратили Нотр Дам
В кафе шантан и ресторан.

Стоит Собор сгоревший в луже,
Французам он не очень нужен,
Забыт Христос, а свальный грех
Привычным стал почти для всех.

Париж, Париж, смеюсь сквозь слёзы,
Твои молитвы несерьёзны,
Ты в толерантности своей
И не француз, и не еврей.

Похож, скорее, на араба,
Меняешь Церковь на Каабу,
И, может быть, твоя рука
Дала Собору огонька.

Нет, ни копеечки не дам
Я на сгоревший Нотр Дам,
Пусть пошевелиятся французы
И банки из Евросоюза.

Пусть успокоятся министры
И наши горе-финансисты
И на пожарища свои
Найдут немалые рубли.

Нам есть, что строить, что спасать,
Что сохранить и воссоздать,
Я, господа, в упор не вижу,
Чего забыли мы в Париже?

Останусь дома

Мне вышло родиться на русской равнине,
Мне б дома сгодиться, а не на чужбине!
И здесь для героев найдётся работа,
Страну обустроить была бы охота.

Для крепкого телом и сильного духом
Привычное дело бороться с разрухой,
И ехать не надо в чужие пределы
В пустыню к Асаду и в Венесуэлу.

Зачем нас бросает на службе опасной
От пагод Китая до идолов Пасхи?
Ну, что нам заботы в пустынях и скалах?
И дома работы до боли в суставах.

И здесь беспорядка по самые брови,
И здесь супостаты попортили крови,
Поганят и рушат просторы родные,
Но участи лучшей достойна Россия.

Как старая мама, она безответна,
Но верит упрямо в людей и приметы.
А мне не до старых примет и поверий,
Тут новые бары всю плешь мне проели.

Мне б дело большое, мне б друга и песню,
Чтоб мог со строною я жить интересней,
А мне бы задачу сложнее и веселей,
А как же иначе прибраться мне в доме?

Сгожусь я, Отчизна, лишь кликни, родная,
Пока не закисло силёнка мужская!
Ты лишь помаши мне призывно рукою –
Проблемы решим и свой дом обустроим.

А там и в Хмеймим можно ехать к Асаду,
Чтоб в бизнесе с нефтью устроить порядок,
А там и в Каракас к Мадуро слетаем,
Вот только реальный доход подсчитаем.

Чего не летать, если дома порядок?
Ну, кто нам в билетах и визах откажет?
Но прежде обдумать, зачем это надо,
Во что обойдутся народу вояжи?

Чем можем, поможем

Их точит червь неполноценности,
Гнетёт измены смрадный дух,
Идея лживой незалежности
Для них наследственный недуг.

О революции достоинства
Орут с майдана своего,
Но ничего они не создали
И не достигли ничего.

Течёт, как яд, идея гидная
Из обезумевших их глаз,
Они нам яростно завидуют
И ненавидят люто нас.

Они больны давно, смертельно,
Пора купировать процесс -
На Колыме открыть отдельный
Для самостийников Собес.

Жизнь – «жёлтый» дом, а не театр,
Всем, пострадавшим от идей,
Среди российских психиатров
Достанет вежливых людей!

Кто ты, Россия?

Кто ты, Россия, – падшая женщина
Или насилия жертва невинная?
То загулявшей мне бабой мерещишься,
То богатыршей с разящей дубинойю.

Ты на поминках наплакалась, милая,
И наплясалась на свадьбах до одури,
Жизнь в кабаках прожигала постылую
И отмывала грехи в зимней проруби.

Ты и красавица, ты и уродина,
Ты и загадка, что в тайну упрятана,
Богом мне данная милая Родина
С крестом золотым и в кафтане с заплатами.

Скрыта в очах твоих грусть непонятная,
Мечешься между Дажьбогом и Кришною,
Часто с народом идёшь на попятную,
На рупь обещаешь – на гривенник исполнишь.

С детства пугая нас страшными сказками,
Хватит уже выживать и геройствовать,
В отчих краях да с такими богатствами
Давай-ка хоть год поживём в удовольствие...

Россия, ты ли это?

Россия-мать, да ты ли это
В убогом рубище стоишь?
Ты за века прошла полсвета
И вот потеряно молчишь.

Препон не стало и пределов,
Чтоб их в походах покорить,
И нет такого в жизни дела,
Чтоб им народ объединить.

А ты в пути остановилась,
Переводя в запале дух,
За нас по святым помолилась,
Пока светильник не потух.

Всех поимённо помянула,
Весь православный наш народ,
А он из церкви – да в загулы,
А там сам чёрт не разберёт!

Казалось, всё теперь возможно,
Пребудет равенство вовек,
Но вместо лица скорчил рожу
Христу свободный человек.

Пришли бомбисты и чекисты
И на расправу увели,
Деля на чистых и нечистых,
Одну шестую часть земли.

Тебя кромсали по живому,
И кровь горячая текла,
Но ты, уже впадая в кому,
Нас и простила, и спасла.

Да, мы живём, подчас, нелепо,
Но Бог пропасть нам не даёт,
Не потерялись ещё скрепы,
В которых мы – один народ.

И я из этого народа,
Ругаю власть, судьбу клянупу,
Недоедаю в недороды
И уезжаю на войну.

Но знаю, здесь меня приветят,
С устатку чарочку нальют,
Медалью, может быть, отметят
Под старость за геройский труд.

Люблю тебя, моя Россия,
И слов красивых не ищупу,
Судьбу приемлю терпеливо
И на удары не ропщупу.

А ты жалеешь нас безмерно
И любишь неразумных нас,
Молюсь коленопреклоненно,
Чтоб Бог тебя, Россия, спас.

Смотрю я с верой и надеждой

В глаза бездонные твои,
И нет во мне печали прежней,
И сердце жжёт огонь любви.

Как блудный сын, в слезах горячих
Я буду Господа молить:
«Храни Россию, а иначе
Зачем мне в этом мире жить?»

Сибирь моя

Эх, Сибирь, страна большая,
Перелески и поля,
Без начала и без края,
Неоглядная такая,
Необъятная земля!

Эх, озёра и болота,
Реки, заводи, ручьи,
Лес без меры и без счёта
И рыбалка, и охота,
И лечебные ключи!

Эх, Сибирь, земля родная,
Образ рая на земле,
Для работника святая,
Злая мачеха лентяю
И кормилица семье!

Занимаешь ты полсвета,
Наш большой и общий дом,
Хороша зимой и летом,
Ты поэтами воспета
И прославлена трудом.

Всё в тебе светло и мило,
Жизнь, как песня, здесь лилась,
Ты кормила и поила,
И напитывала силой,
И спасала нас не раз.

Что ж мы зло в тебя впустили
И накликали беду?
Фарт пропили, дом забили,
Потеряли и забыли
Путеводную звезду?

Эх, залоги и кредиты,
Лебедь белый в облаках!
Правда скрыта, карта бита,
У разбитого корыта
Мы остались в дураках!

Вот и я, развесив уши,
Всё до нитки промотал,
Крою в душу, бью баклуши,
Не пою уже частушки
И гармошку я порвал.

Эх, туманы-растуманы,
Не дымите мне в глаза,
Пусть пусты у нас карманы,
Но не взять у нас обманом
Чудеса и небеса!

Эх, девчонка-недотрога,
Ненаглядная моя,
От родимого порога
Позабыл к тебе дорогу,
Потерял тропинку я!

Только как она не вьётся,

Про меня не забывай -
И дорожка та найдётся,
И надежда к нам вернётся,
И простит нас отчий край.

Всё наладится-срастётся
И вернётся на круги,
Снова песня запоётся,
Жизнь устроится под солнцем,
И рассеются враги.

Я устал

Депутаты народные
Так служить нам стараются,
Что их лица голодные
В объектив не вмещаются.

Лишь с икоркой обедают,
Виски делят с товарищем,
Извелись они, бедные,
За народец страдаючи.

Я смотрю на политиков
И балдею от гордости -
Надоела мне критика,
Буду власти потворствовать!

Ну, зачем мучить задницу
И кусать несъедобное?
Верю я, жизнь поправится,
Если с властью по-доброму.

Если с ней не по-скотскому,
Если жить с ней по правилам.
Вспоминаю я Троцкого,
Вспоминаю Бухарина...

Лесоповал

Прут тягачи с лесоповала,
Похожи с грузом на гробы,
Ревут натружено «Уралы»,
С делянок вывозя кубы.

Прицепы катят распашные,
В сугробах торя колею,
На них боланы, как живые,
Скрипят прощальную свою.

Увозят их на край России,
На пилорамы и в порты,
Там их разметят и распилят,
Лишив природной красоты.

И продадут их, словно трупы,
Сойдясь в цене без лишних слов,
Сняв ослепительные шубы
С красавиц северных лесов.

Гудит тайга от механизмов,
От пил визжащих стонет лес,
Сюда пришёл хозяин жизни
И валит на смерть всё окрест.

Он спилит всё, лишь дайте волю,
Топор и острую пилу,
И в иностранной сумме долю,
И бабу – шуструю юлу.

Плевать ему на лес из сказок
И на потомков наплевать,
Он здесь, как Бог, и будет сразу
Валить, рубить и продавать.

Дымят трелёвочников трубы,
Горят глаза в мечтах пустых:
Здесь все воры - от сучкорубов
И до начальников больших.

Они воруют и мечтают
На воровстве разбогатеть
И знать упорно не желают,
Что жизнь без леса – русским смерть.

Уходит эпоха

Покинул нас Караченцев,
А мне почти не плачется -
Мы досыта поплакали,
Когда скончался Яковлев.

Задорнов с Ростроповичем
И Мулерман с Рождественским -
Печальный список полнится
Персонами известными.

Волшебники науки,
Властители экранов –
Капица с Говорухиным,
Зиновьев и Ульянов.

Здесь взрывчатый Петренко
И жёсткий Евтушенко,
Басистый Хворостовский
И тихий Смоктуновский.

Талантами известные
И музами обласканы
Шаинский с его песнями,
Филатов с его сказками.

Храню их память бережно
И слышу с того света,
Что им от «звёзд» теперешних
В гробу покоя нету.

Они с немалым мужеством
Достойно долг исполнили,
И стыдно мне до ужаса,
Чем сцены мы заполнили.

Ушли от нас великие,
Уходит их эпоха,
А мы живём, безликие,
Ни хорошо, ни плохо...

Психи

*«Да, скифы мы, да, азиаты мы...»
(СКИФЫ А. Блок)*

Мильоны нас! Нас тьмы и тьмы, и тьмы
С мозолистыми сильными руками.
Да, психи мы, да, патриоты мы,
На труд, как в бой, идущие полками.

В последний раз – опомнись, англосакс!
Довольно злопыхать и бить нас в спину,
У нас всегда найдётся про запас
На ваши подлости ответная дубина.

Уймьтесь, русским нечего терять,
Привычно нам и строить, и сражаться,
А если что, придёт «такая мать» -
И будет поздно вам скулить и обижаться.

Мы помним всё – Беслан, Донецк, Дамаск,
Заложников, майданы, перемогу,
Как в микроскоп, насквозь мы видим вас
В гробу и тапочках уже на босу ногу.

Нам ваши «подвиги» до коликов смешны,
Блоkbастеров надутые герои,
Нам всё по силам, лишь бы не было войны -
Россию мы очистим и отстроим.

Вглядитесь пристальнее в наши кулаки

И оцените силу нашу сами -
Всем чертежам и ГОСТам вопреки,
Мы забиваем сваи кулаками!

И вот, поднявшись из Таврических глубин,
Вознёсся мост, как сказочная птица,
Но некогда нам в праздности гордиться –
России нужен мост. И не один!

Ода Крымскому мосту

Нам этот мост, как символ силы духа,
А для врагов он, словно в горле кость,
Опровергает враки про разруху
Восьмое чудо света – Крымский мост.

Восстал он, словно Феникс, из тумана
И над волнами птицею парит,
А мы, на зависть шавкам иностранным,
Сумели это чудо сотворить.

Машины по нему уже летают,
Ленивую разрушив тишину,
Он нас в один народ соединяет,
В одну трудолюбивую страну.

Конечно, далеко непросто было
Идти по сваям месяцы вперёд,
Но если этот мост нам стал по силам -
Мы не потерянный в истории народ.

Но мы прошли, мы всё преодолели,
Прямые провокации и ложь,
Мы всё забили, положить сумели -
Стоит наш мост, на лебедя похож!

Звенит от скрытой силы над стихией
Протянутая в будущее нить,
Нам нужно ещё многое в России
Мостоми навсегда соединить.

Надежды лучик золотой

* * *

Из жизни стихотворного метра

Читатели мои, пишу для вас хореем,
От дактиля устав, на ямб перехожу,
А что не подойдёт чеканности спондея,
Текучим, как слеза, анапестом сложу.

Как музыка, звучит напевный амфибрахий,
Любимейший размер в писаниях моих,
И лишь один верлибр шлёт все размеры нафиг,
И тяжкою стопой их давит акrostих.

Там дядя заболел, там буря мглою кроет,
На севере стоит печальная сосна,
Там князь Багратион ведёт на смерть героев,
И ямб здесь так хорош, что в нём и смерть красна.

Ах, стихотворный метр, классическая форма
Художественной жизни языка,
Нам предками завещан он как норма
И как закон стихосложения на века.

Хвала вам, амфибрахий с анапестом!
Хорей и дактиль с ямбом - нам пример!
Нужны любые поэтические тексты,
Но чтоб в них были рифма и размер!

Заветный томик

Когда тоска одолевает
И наполняет душу грусть,
Очки я на нос водружаю
И в кресло с книжкою сажусь.

Всегда одна и та же книжка
В ладони просится ко мне,
Сажусь я с ней к окошку ближе
И ближе к солнышку в окне.

Меня спасть от меланхолий
В зелёном переплёте томик
Всегда готов с отвагой всей,
Со всею мудростью своей.

К нему беру на подлокотник
Большую чашку с чёрным кофе
И с осторожностью известной
Я помещаю себя в кресло.

Уселся, гения поклонник,
Пора открыть заветный томик,
А в книге чудо из чудес -
Стихи от Пушкина А. С.

Сонеты, оды, эпиграммы
И посвященья милым дамам,
Стихи о битвах и друзьях,
И даже есть роман в стихах.

Преданья в нём, былины, сказки
Рассказы о любви несчастной,
Романсы про девичьи очи
И драма капитанской дочки.

Ещё чума, война и смута,
И гость из камня почему-то,
И поп со лбом из толокна,
И баба жадная одна.

Здесь спит царевна беспробудно,
И Бабариха врёт прилюдно,
Упырь Кощей над златом чахнет,
И старый томик Русью пахнет.

Здесь русский дух, истоки наши,
Наследье наше и залог,
Что никакая сила вражья
Не переступит наш порог.

И никакому Черномору
С англоязычною ордой
Не прилететь к нам из-за моря,
Не напугать нас бородой.

Есть ещё витязи в России
От Магадана до Москвы,
Ещё утрёт колдун спесивый
Кровь с отсечённой головы.

Листаю книжку, льётся слово,

Как полноводная река,
Я слышу, как звучит сурово
Шаг богатырского полка.

Трепещут стяги и хоругви,
Звенят двуручные мечи,
Идут на битву мои друзья,
Играют марши трубачи.

Шагает Русь дорогой смелых
С молитвой и в рубахах белых,
Она приходит навсегда
И воздвигает города.

По всей земле под небом синим
Стоят незыблемо твердыни,
Всех новых русских городов
Назвать историк не готов.

Всё это здесь – в любимой книге,
В романах, драмах и поэмах,
Поэт со тщанием великим
Воспел историю отменно.

Ну, как мне книжку не любить?
Как, притомившись от историй,
Её устало мне закрыть,
Уже читая час который?

А как же с островом Буян,
Когда с роженицею бочку

Носил по волнам океан
Неутомимо днём и ночью?

И как окажется влюблён
Там в Лебедь белую Гвидон?
Почто он счастья не упустит,
И в нос кого комар укусит?

Сказка, стой! Угомонись!
Ишь, премудрая какая.
За окном мелькает жизнь —
А я книжку здесь листаю

Засиделся нынче дома
Я от хлопот в стороне,
На столе ещё два тома,
Интересные вполне.

И прикуплены в запас,
И прочитаны не раз,
И с закладками в листах,
И с пометками в стихах.

Ай, да Пушкин! Взял за моду
Словом так распорядиться,
Что в деревне и столице
Нет читателям извода.

Сколько будет жить народ,
Сколько будет Русь стоять,
Столько Пушкин проживёт,

Не согласный умирать!

Пусть до рая далеко
И до неба высоко,
Не отпустим мы поэта -
Он восьмое чудо света.

Словно свет, в душе несём:
Пушкин – это наше всё!

Комета

Лечу, как хладная комета,
Среди блистающих светил,
Мне недоступна скорость света
Посредством солнечных ветрил.

По галактическим аллеям
Влекусь к началу всех начал,
Где гравитация довлеет
И энтропия правит бал.

Лишён компаса и кормила,
Не правлю свой эфирный путь,
Меня связующая сила
Не подчиняется ничуть.

Но устремляюсь я к истокам
Земной истории своей,
Лечу кометой одинокой
Прочь от людей и их идей...

Без обиды

В тебе я чувствую обиду,
Но так скажу я про неё:
В обиде истины не видно,
Да и в гордыне нет её.

Познав немало, видеv много
И сединою убелён,
Мои стихи ты судишь строго,
Как Даль с Брокгаузом умён.

Ты морщишь лоб над каждым словом,
За многословьем ищешь суть,
Перстом, наставленным сурово,
Обозначаешь верный путь.

Всё так – небрежен я в работе,
Как чукча, обо всём пою,
Поверь, я критики не против,
Упрёк я этот признаю.

Не проницаю мудрым взглядом
Я в отношения людей,
Мне б поумнеть, конечно, надо,
Набраться фактов и идей.

Перечитать Шекспира с Гейне
Хоть в переводе Маршака
И прекратить валять отдельно
В стихах нескладных дурака.

И не равняться по великим,
Запанибрата их не звать,
В семье поэтов многоликой
Свиное рыло не казать.

Уж слишком мной ты недоволен,
Я почему-то стал не мил,
Тебе дай волю – ты б воловьим
Бичом меня благословил!

По жизни язвы не бывает
Больней, чем прежние друзья,
Тебе, как чирей, досаждают
Самодостаточность моя.

И пусть я грамотен не шибко,
Но разобрался до конца,
Что непризнание ошибок
Не украшает мудреца.

Оставь меня! Прости беднягу,
Забудь писания мои,
Я наносил их на бумагу
В остервенении любви.

В тебе я видел гуру в тоге,
Сенсея в выпуклых очках,
А получил тоску в итоге
И воспаление в очках.

Обрёл я множество упрёков

И сорок бочек инвектив,
Дай отдохнуть мне хоть немного,
Меня простив и позабыв.

Учи других! Достанет знаний
Доценту всяческих наук!
Эх, кабы можно знать заранее,
Что станет прежним лучший друг!

Что он в претензиях упорных
Во мне мешок грехов найдёт,
Что он от строчек стихотворных
На мою личность перейдёт.

Решит меня переиначить,
А это – чистый перебор,
Стихи – не жизнь, и я – не мальчик,
Меня исправит лишь топор.

Меня упрёками не мучай -
Кто прав из нас, Господь решит,
Нас подружил когда-то случай,
И он же нас разъединит...

Поэтом я не назовусь

Зовут меня Никто,
Фамилия Никак,
Под стареньким пальто
Поношенный пиджак,
Советский пиджачок,
Прикупленный в запас, -
На пиджаке Значок
С Суворовым анфас.

Так с детства повелось,
Сложилось так в судьбе,
Что время не нашлось
Подумать о себе;
Простые пацаны
Впитали с молоком, -
Сначала для страны,
А для себя потом!

И я один из вас,
Простой, как АКМ,
Не «Porter» пью, а квас,
На серебре не ем,
На праздники ношу
Суконные штаны
И Господа прошу,
Чтоб не было войны!

Великая страна
С нелёгкою судьбой,

Готовая сполна
На труд, в загул и в бой;
Приемлю я за честь
В ней свой оставить след, -
Поэт я не Бог весть,
Но, всё-таки, поэт.

Летят, как облака,
Эпохи надо мной,
И тянется рука
К листу порой ночной;
Влекут меня слова,
Не спрятаться от них,
И пухнет голова
От образов и рифм.

В раздумьях, между строк
Смотрю я на народ -
Упорно, со всех ног
Шагает он вперед;
Как в юности, упрям,
Отстать я не боюсь,
По боевым друзьям
Я свой сверяю курс.

Мне не до куражу
С иронией моей,
В уме всегда держу
Я мнение друзей,
Покрыв стихами лист,
С улыбкой и с тоской

Живописую жизнь
Ритмической строкой.

Пишу, как на духу,
И подвожу итог,
Чтоб были на слуху
Хоть пара моих строк
Про славные года
И чёрную беду, -
Вот, может быть, тогда
Я имя обрету.

И Пушкин мне во сне
Шампанского нальёт,
И Фет помашет мне,
И Лермонтов кивнёт,
И буду я гулять,
Медалями звеня,
И станут называть
Михалычем меня!

Священные тексты

В печальной близости от старости
Понять пытаюсь смысл мудрый
В священных текстах Махабхараты,
А не в картинках Кама сутры.

Похабный томик с его позами
Во мне не будит дух победный,
В разрез с картинками безбожными
Мне ближе тексты пятой Веды.

Народа древнего сказание
Воспринимаю чудным кладом -
В нём необъятно содержание
И далеко не всё понятно.

Всё здесь – легенды, притчи, повести,
И космогония с дидактикой,
И для колеблющейся совести
Оздоровительная практика.

Все восемнадцать парв эпических
Посвящены потомкам Бхараты,
Листаю эпос поэтический
В потёртых корочках из бархата.

Вражду родов я вижу мысленно,
По тексту следуя за главами,
Здесь распря смертная описана
Между Пандавами с Куравами.

Как состоялась битва страшная,

Пандавы бились не по правилам,
Их сыновья, в сражение павшие,
Победу уступили кшатриям.

И заседал сын Сурьи ужасом
Мир, завоёванный им после,
Явил Арджуна в битве мужество,
Но проиграл он царство в кости.

А человечество не ведало,
Что боги мира не желали,
Что злобных, кровожадных демонов
Они на землю насылали.

Законы выдумав жестокие,
Герои мучали друг друга,
И на земле на годы долгие
Установилась Кали-юга.

Из всех времён – она не лучшая,
Она – четвёртая и крайняя,
Из всех эонов наихудшая,
И всех эпох она печальнее.

Читаю мудрое творение,
Идеи впитываю высшие,
Здесь в каждой строчке откровение
И эпос в каждом восьмистишии.

Душа взмывает над нирваною
На крыльях древнего сказания,
Спешу дорогами Рамааны
В Упанишады я за знанием...

Запретный город в Пекине

Как будто сказочный колдун
Воздвиг таинственный Гугун -
Он, словно звёздный дом Цивей,
Парит над скопищем людей.

Застыла площадь Тяньаньмэнь,
Как в сказку первая ступень,
С неё видать, что у дворца
Нет ни начала, ни конца.

Восьмое чудо на Земле
Дом императора Юн лэ -
Стоит в сиянье красоты
Дворец Небесной чистоты!

Молчит, как иероглиф «чжун»,
На страже вечности Гугун,
Бессильно время перед ним
За все века с эпохи Мин...

Гололёд с утра

*«Гололёд - такая гадость,
Неизбежная зимой!»
(Вероника Долина)*

Гололёд – каприз природы
И преддверие зимы,
И напрасно у природы
Равновесья ищем мы.

Ночью было минус восемь,
Обещают днём плюс шесть,
И зальёт водою осень
Тротуары и шоссе.

А пока скользим проворно,
Избегая чудом травм,
Изрекаем поговорки
Не печатные с утра.

По ледовой свежей корке
Затруднительна ходьба,
Караулит нас на горке
И погода, и судьба!

Дамы в снег себя роняют,
Матерятся мужики.
А к обеду лёд растает,
И промокнут сапоги...

Уйду в башкиры

Всё, решено – перехожу в башкиры,
Люблю я этот кочевой народ,
На юрту поменяю я квартиру,
И муэдзин азан мне пропоёт.

В шальварах и в распущенной рубаше
Пойду в мечеть на праздничный намаз
И в память о Биляле ибн Рабахе
Я в Мекку совершу однажды хадж.

Башкиром стану, позабуду пьянки,
Оставлю безалаберных друзей,
Забуду вечеринки и гулянки
На новой малой родине своей.

Освою верховую джигитовку,
Кривою саблей научусь рубить,
Я стану независимым и ловким,
Меня теперь за водку не купить.

Седая степь теперь мне станет домом,
Постелят спать мне ночью ковыли,
Башкиру на траве лежать удобно,
Берёт во сне он силу от земли.

Я заварю себе покрепче чая,
Забуду суматошную Москву,
А если вдруг от чая заскучаю –
На праздники сгоняю я в Уфу...

Башкирским братьям

Люблю, Башкортостан, тебя,
Твои предгорья, степи, реки,
Как мать, Башкирию любя,
Связали судьбы мы навеки.

А если будет узок взгляд
И ошибусь я в чём-то даже -
Мой брат башкирский Салават,
Слова мне верные подскажет.

В хрустальном лоне твоих вод
Лицо усталое омою,
Смотрю в бездонный небосвод
И вижу наших там героев.

Я слышу гром Бородина,
Я вижу, как из дымной дали
Пришла в наш общий дом война,
Коней башкиры оседлали.

Умчались с луком за спиной
Сражаться с дерзостью особой,
Готовы жертвовать собой
В бою с коварною Европой.

Аюп Каюпов, Сурагулов
И есаул Абубакиров
Достоинно встретили французов,
Не посрамили честь мундира.

Не перечислить имена
Героев братского тумена,
Кто, вставив ноги в стремяна,
Не ведал страха и измены.

Богат героями народ,
Который бьётся за свободу,
Всегда Всевышний подаёт
Победу этому народу.

Прошли с боями целый мир,
И нет сраженьям этим края,
Где бились русский и башкир,
Друг другу спину прикрывая.

Нам в жизни нечего делить,
Пора бы нам, собравшись с силой,
Детей растить и жён любить,
И строить новую Россию.

Шагнувши в новый век едва,
Я вижу так наш край родимый -
И златоглавая Москва, и белоснежная Уфа,
Как две сестры в семье счастливой.

За правду вместе мы стоим,
А если кто-нибудь sluкавит,
То наш сэсэн Мустай Карим
Нас по-отечески поправит.

Мужик обыкновенный

Написать бы что-нибудь хорошее,
По слову доброму соскучилась рука,
Вот недавно написал о лошади –
А надо б написать про мужика.

Что ж, мужик – нехитрая конструкция,
Он надёжен, в управленье прост,
Может заменить коня по случаю,
Может защитить, как верный пёс.

Не кичится знатною породю,
На людей не смотрит свысока,
Он идёт домой походкой гордою,
Когда ноги держат мужика.

Он умелец половчей Кулибина,
Мастер на все руки и мудрец,
Он такой рецепт для браги выдумал –
Каждый, выпив, крикнет: «Молодец!»

Он для внука может сказку выдумать,
Если не идёт шалун в кровать,
Топором он может ложку выстрогать
И гармошкой душу изорвать.

От безделья дурью он не мается,
Он по ноздри в хлопотах, в делах,
Он с темна и до темна в фуфаечке,
Летом в кирзачах, зимой в пимах.

Он на образа крестился истово,
Неземной молился красоте,
В полземли себе Державу выстроил,
Только не сберёг по простоте.

Да, доверчив наш мужик ребячески,
С виду крут, но незлобив нутром,
Но когда задумает пображничать,
Вся деревня ходит ходуном.

Не стилига и не оборванец,
Он семьёй богат, трудом велик
И, конечно, он не россиянец,
А русский негибаемый мужик!

Последняя скрепа России

Мне бы дом запереть, да видал я в гробу
Пересуды и сплетни людские,
Выпускайте коней, поджигайте избу –
Моя баба идёт по России.

Мне б калитку закрыть, ворота подпереть,
За оградой высокою скрыться,
Но устал я с душевною болью смотреть,
Как она за забором томится.

Пусть идёт, не удержит её частокол,
Ни дожди, ни собаки цепные,
С этой бабой я в жизни опору нашёл,
С этой женщиной стал я счастливей.

Она глянет вокруг – и добрееет народ,
Улыбнётся – и сердце растает,
Ну, а если страданья она запоёт,
То душа в небеса улетаёт.

Она выполнит всё, лишь добром попроси,
Всем проблемам отыщет решение,
Как последняя скрепа она на Руси,
Шанс последний для нас на спасенье.

Она вынесет всё и дорогу найдёт,
И поймёт, и поддержит беседу,
Без привычных ста грамм может выжить народ,
Но без бабы он сгинет бесследно.

Матерится мужик, хоть святых выноси,
А у бабы заботы не легче -
Скачут кони ещё в деревнях на Руси,
И горят ещё избы, как свечи.

Так шагает по жизни она налегке,
Наша баба, красавица наша,
Крепко повод уздечки зажав в кулаке,
И лицо вытирая от копоти с сажей.

Ехать некуда

Решено – брошу всё и уеду туда,
Где в колодезе дремлет без хлорки вода,
Где собаки не злы и ленивы коты,
Где приветливы люди, а нравы круты.

Я уеду туда на остатки денегжат,
Где коровьи «лепёшки», как мины, лежат,
Где кричат петухи, будто их завели,
И купаются куры в дорожной пыли.

Вот возьму и уеду в родные края,
Где нескладная жизнь начиналась моя,
Где глотком молока меня встретила мать,
Где я начал дышать и учился мечтать.

Слишком долго я с этой поездкой тянул –
То горел на работе, то падал в загул,
Или в доме пустом пятый угол искал,
Или деньги копил и попутчиков ждал.

А в груди наболело, душа извелась,
Как же тянет пожить мне на родине всласть!
Соберу-ка походный я свой «сидорок»
И уеду к началу судьбы и дорог.

Похожу по заросшей бурьяном земле,
Пролагая дорогу плечом в конопле,
Постою над излучиной тихой реки,
Где когда-то клевали с ладонь чебаки.

По забытой тропинке пройду на погост,
Где давно уже нет ни крестов и ни звёзд,
На котором могилы с роднёю моей,
Словно раны, зияют в землеице ничьей.

Без вины виноватый, уеду туда,
Где пропала деревня моя без следа,
Где мне песен не петь и за встречу не пить,
А, упав на колени, прощенья просить...

Роща отговорила

Отговорила роща золотая -
Срубили и асфальтом закатали,
Там, где берёзы кронами шумели,
Шикарные построили отели.

Печальная пора, бандитская эпоха –
И денег ни хера, и со здоровьем плохо,
Рябина не горит костром под небесами,
И отчий край забит незванными гостями.

Опавший клён под небом ядовитым
Из газов выхлопных торчит, почти убитый,
И в шушуне седая мать-старушка
На паперти стоит с протянутою кружкой.

Возьму гармонь и при честном народе
Пойду играть в подземном переходе
И, растянув меха во всё плечо,
Спою, что не жалею ни о чём.

Не жаль мне лет, потраченных напрасно,
Ни Ельцина не жаль, ни Горбача,
А жаль, что уступили либерастам
Великую державу сгоряча.

Я стар и слаб, заботами нагружен,
В раздумьях невесёлых морщу лоб,
Как вышло так, что стал я здесь не нужен,
А пенсии не хватит и на гроб?

Вокруг толпа торопится на службу,
Рекою люд по лестницам течёт,
Лишь изредка бросая в мою кружку
С мутантом двухголовым пяточок.

Стою один в раздумьях невесёлых,
Сегодня не поётся мне, как встарь,
У ног стоит бутылка кока-колы,
В кармане дожидается сухарь.

Наполню я заморской дрянью кружку -
Весенний сок, иль ты приснился мне?
И где моя седая мать-старушка
Во взятом в секонд хэнде шушуне?

Отпелось, отсмеялось, отплясалось
За годы перестройки и реформ,
Мне ни хрена на старость не досталось,
Когда пустили Родину на слом...

Русское небо

«Кабы неба не было,
Где б висели звёзды?» -
Чокаясь с соседом,
Мучаюсь вопросом.

У меня ответа нет,
На душе тревожно,
Подливает мне сосед –
Он мужик надёжный.

Рассудительный, прямой,
Золотые руки,
С ним в компании любой
Не помрёшь со скуки.

Не поморщившись, глотнул
И занюхал хлебом:
«Это ты, браток, загнул –
Как же нам без неба?

Я по опыту скажу:
Где я только не был -
Я и в яме просижу,
Только дайте неба!

Я не сгину от тоски
Без Гоа и Сочи,
Но оставьте, мужики,
Неба хоть кусочек.

Я не крот, не муравьед
Век в грязи елозить...»
Тут почувствовал сосед,
Что его заносит.

Отряхнув от крошек стол,
Сполоснув стаканы:
«Наливай ещё по сто!» -
Подаёт команду.

«Твой вопрос не простоват
И подвох в нём сильный:
Жить без неба – это, брат,
Значит, жить без крыльев!

Поджидают в небе нас
Горние палаты,
Тело грешное у нас,
Но душа – крылата!

Ссохнет тело от труда,
Канут годы в Лету,
А душе лететь куда,
Если неба нету?

Выпей, брат, и охолонь,
Закуси грибками,
Только небушко не тронь
Глупыми словами...»

Странник

Иду по жизни козырем,
Шагаю эким фертом,
Мне помирать не боязно
И жить мне интересно.

Пускай ошибки множатся,
Жизнь не пройдёт впустую,
Как выйдет, так и сложится,
Что будет, не минует.

Иду по жизни гоголем,
Шагаю, как с мотором,
Заветною дорогою
Мне не пройти повторно.

Но не мечусь я без толку
И нервно путь не правлю,
Не сучусь по мелкому,
По-крупному не ставлю.

Иду по жизни молодцем,
Душою не старея,
Меня в дороге солнце
Осветит и согреет.

Иду я с солнцем вместе,
Пока шагают ноги,
И сочиняю песни,
Чтоб не скучать в дороге.

Град на болотах

Ах, этот город на болотах
Среди замшелых финских скал,
Как плод погибельной работы,
Пальмирой северной восстал.

Люблю тебя и восхищаюсь,
Творенье гения Петра,
Камням священным поклоняюсь
Я у Гостиного двора.

Пройдусь по берегу Фонтанки,
Переодетому в гранит,
Бежит Фонтанка неустанно
И в воды хладные манит.

Остановлюсь у моста Клодта,
Его коней коснусь рукой,
Что над стремниною холодной
На миг застыли над рекой.

Они стремительны, как воля
Самодержавного Царя,
Но вот замешкались в юдоли,
Как птицы, в Вечности паря.

И ты летишь, как кони эти,
Через пространство и века,
С колонн, прекраснейших на свете,
На нас взираешь свысока.

О, сколько ты имён известных
И приютил, и сохранил,
Пусть не всегда к ним, если честно,
Ты справедлив и добр был!

Пусть так! Но ты суждений выше
И не подсуден ты молве:
Ты голос Пушкина здесь слышал
И Блока видел подшофе.

Судьбой ты, видимо, доволен,
Как много в ней переплелось!
И пусть не сын я твой по крови,
Но я люблю тебя, как гость...

Всё вернётся

*«Ночь, улица фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет».*

(А. Блок)

Ну, что, любезный Александр,
Желал бы ты, чтоб в миг пропала
И эта ночь, и блики фар,
И ледяная гладь канала?

Тебе всего лишь тридцать лет,
Но уже многого добился:
В салонах — признанный поэт,
Адепт идеи Всеединства.

У дам сомнительный успех
Тебя преследует повсюду,
Ты презираешь женщин всех,
Да и они тебя не любят.

На стогнах города Петра
Накуролесил ты немало,
Терзала русская хандра
Тебя на берегах каналов.

Из всех возможных типажей
Ты выбрал маску Арлекина
И презирал чужих мужей,
Сам мужем став наполовину.

Ни разу не сказав «люблю»
И в трезвом находясь рассудке,
Невинность юную свою
Отдал за деньги проститутке.

Ты описал всё без изъятия,
Как испытал средь тишины
«Прекрасной женщины объятья
В лучах безжизненной луны».

Пишу скандальное письмо,
Душой испытывая муку,
И Провидение само
Мне сводит судорогой руку.

Но как мне быть, мой старший брат?
Молчанье правды не заменит.
В народе верно говорят,
Что истина дороже денег!

Ты был таким. И дорог мне
В своих ошибках и сомненьях,
И ложь, что истина в вине, -
Она в любви и всепрощенье.

Дотошных критиков семья
Уже давно и всё узнала
И кучу грязного белья
На десять раз перестирала.

И что теперь сказать в ответ

На слухи, сплетни, пересуды?
Ты был и есть всегда поэт,
Тебя не судим мы, а любим!

Давай Шпалерною пройдем,
Минuem мост через Фонтанку,
Я рядом с Клодтовым конём
Пятак достану из кармана.

И брошу в гладь свинцовых вод
Я неразменную монету,
Чтобы вернул себе народ
Стихи великого поэта.

Чтоб в школе города Миусс
На самом рядовом уроке
Наперебой и наизусть
Звучали Блоковские строки...

Ре мажор

Откуда в мире красота?
Зачем гармония в Природе?
О чём с цветущего куста
Поёт пичужка в огороде?

Во вдохновении каком
Свистит скворец, в сирени млея,
И вторит птичке шмель баском,
Как альт в каноне Пахельбеля?

Ах, этот звучный ре мажор!
В нём так естественно воспеты
Души дерзающей простор
И отблеск ангельского света.

В нём и надежда, и ответ
На все вопросы и заботы,
Что вечен дух и смерти нет,
Пока звучат под небом ноты.

Благословенна птичья трель,
И пусть, нацелившись мне в сердце,
Свистит до ночи свиристель
И выдаёт скворец коленца.

Райские кущи

Опостылели болезни
И дорога тяжела -
Но не все сложил я песни,
Завершил не все дела.

На нектар я хлеб насущный
Не сменяю нипочём -
Зря апостол мне из кущей
Машет бронзовым ключом.

Отмахнусь я от нирваны -
Нужно верить, нужно жить,
Даже гурией с кальяном
В рай меня не заманить.

Пусть текут там мёд и молоко,
Пусть там тишь да благодать,
Но, признаюсь, мне не к спеху
Двери в Вечность открывать.

Не хочу я райских яблок,
Я без них и сыт, и пьян,
Лучше лягу дома на бок
На продавленный диван.

Полежу под старым пледом,
Как у бабушки в гостях,
Накоплю тепло к обеду
Я в натруженных костях.

И за дело с новой силой,
С новой песней на устах,
Пока кровь играет в жилах,
И мечта горит в очах.

А пока глаза открыты,
Я покоя не найду -
Как над Сирией подбитый,
Упаду я на лету.

Гряну соколом о землю,
Сердце в клочья износив, -
Я безделья не приемлю,
Если хоть немного жив...

День пожилого человека

Нет, мы с тобой совсем не пожилые,
А просто мы немало лет прожили,
Но незачем подсчитывать года,
Когда душа бодра и молода.

В дела чужие мы с тобой не лезем,
Не поддаёмся скуке и болезням,
Не слушаем досужую молву
И не завидуем нисколько никому.

Живём с тобой мы скромно и достойно
И к неприятностям относимся спокойно –
Что проку в причитаниях пустых,
Когда мы изменить не в силах их?

Нет, мы с тобой совсем не пожилые,
Мы старость под проценты положили –
Пусть время наше с пользою течёт
И только увеличивает счёт.

Не торопитесь, люди молодые,
Нас относить к разряду «пожилые»,
Как не считай года, как не пиши –
Зависит всё от возраста души!

Весна-злодейка

Опять пришла весна-злодейка,
И я в расстройстве, как дурак,
Что снова жизнь у нас - копейка,
А никакой там не пятак.

Опять на свет нужда полезет,
Вновь испытать нам предстоит
И обострение болезней,
И денег вечный дефицит.

Мы снова, продыху не зная,
Державу хворую влачим
И, хрен последний доедая,
У телевизоров молчим.

Опять внимаем краснобаям
И аплодируем тому,
Кто постоянно обещает
Нам социальную суму.

Тому, кто фонды наши множит,
Порядок любит и учёт -
Он обещал народу грошик,
Но по полушке раздаёт.

Он объясняет достоверно
Все плюсы нашего пути,
Что курс у нас намечен верный,
Вот только некуда идти!

Везде обломы и засады,
Везде шпионы и враги,
Нам победить их как-то надо,
Нагнав по телеку пурги.

Что мы порядок справедливый
Построим с чистого листа,
А мы опять неутомимо
Проносим ложку мимо рта.

Всё впереди! Пока потерпим.
Перемогём, переживём,
Назло врагам кусок последний
Мы суверенно дожуём.

Стряхнём лапшу с ушей немытых,
Протрём опухшие глаза -
Пускай, не прожили мы сыто,
Зато всегда мы были «за»!

И нынче мы под «обещалки»
И под проклятия врагам
В ладоши лупим за прибавки,
Что в сумме будут чистый срам.

Сидит «элита» в ярком зале,
Народ у «ящиков» сидит,
А тот, кого во власть избрали,
С народом нынче говорит.

Он курс наметил генеральный,

Врагам «Сарматом» пригрозил,
Он объяснил всё досконально
И всё по полкам разложил.

Сияют радугой софиты,
Являя с властью мезальянс,
Потеет сытая «элита»
И выражает «одобрямс».

Не зря «элита» в зале прееет,
Не зря глядит в державный рот -
Она опять «бабло» поделит
И нас к победам поведёт.

Пускай идёт! А я отстану,
Не по дороге мне с ворьём,
Своим умишком жить я стану,
На чёрном хлебе, но своём.

Моим словам цена – копейка,
Но я бурчу, как старый бес,
Опять пришла весна – злодейка
И обещает новый стресс...

Во дворе

Снежок косматый падает на плечи -
Не снегопад, а Божья благодать,
Уютный и прозрачный зимний вечер
Обнял меня, как ласковая мать.

Ни ветерка вокруг, ни дуновенья,
Не щиплет уши лиходеи-мороз,
И изморозь легла, как украшение,
На ветви пригорюнивших берёз.

Их ветви расцветают, как кораллы,
В февральских остывающих лучах,
А рядом клёны сгорбились устало,
В сугробах утонувшие по пах.

На тротуаре шумною ватагой
Хлопочут о прокорме воробьи,
Сражаются с голодную отвагой
За крошки небогатые свои.

Вот жирный голубь, словно толстый «Боинг»,
Решил умыкнуть зёрнышко крупы,
Но, получив решительно и больно,
Заковылял от этой шантрапы.

Устроена природа справедливо
В незамутнённой мудрости своей,
И если маловато в теле силы,
Имей хотя бы парочку друзей!

Вот кот прошёл, держась поближе к стенке,
Расчётливый, совсем как человек,
В сугроб он провалился по коленки,
Брезгливо с лап отряхивая снег.

Сидел бы дома или спал в кровати,
Всегда при «Вискас», стоит пожелать,
Но вот пошёл, прыгнул и развратник,
Очередную жертву ублажать.

Тому коту махнул я вслед рукою,
Уж больно был собою он хорош –
Находчив, аккуратен, ладно скроен
И на меня повадками похож.

«Давай, дружище, двигай потихоньку!
Большое дело тебя, видно, ждёт».
Стою, ловлю снежинки на ладони
И жмурюсь, словно тот соседский кот.

Я сам не знаю, что переменялось
В пространстве коллективного двора,
Как будто время здесь остановилось
И с глаз моих упала мишура.

Здесь всё, как прежде, - клумбы и машины,
Сугробы, тротуары, тополя,
И эти же безлистые вершины,
И эта же промёрзшая земля.

Смотрю вокруг и вижу по-другому
Душою растревоженной своей

Я окна моего большого дома,
За ними озабоченных людей.

Похоже, что собой переменялся
Совсем не двор, в котором я стою,
А это я, как заново, родился
И сам себя сейчас не узнаю.

Стою, как пень, большой и одинокий,
В снежинках и раздумьях пополам.
Ещё, видать, не вышли мои срок
И рано подводить итог годам.

Грамотей

Я буквы знал в неполных шесть,
Читал по памяти Незнайку
И думал, стоит только сесть,
Я напишу алфавит весь,
Макнув перо в непроливайку.

У мамы выпросил тетрадь,
Что припасла она для школы
И не хотела мне давать
Для баловства и ради шкоды.

Под рукомойником помыл
Я руки в цыпках и занозах
И, чуть дыша, тетрадь открыл,
Озябнув в миг, как от мороза.

Явился белоснежный лист,
Большой, таинственный, опрятный,
А по нему спускалась вниз
Сеть синих линий непонятных.

Ах, как же он манил меня,
Тот непорочный лист тетрадный!
Я просидел над ним полдня
Исчеркав ручкою изрядно.

Старался, высунув язык,
Освоить грамоту успешно,
Писал полдня, но вышел пшик —

Крючки и кляксы вперемешку.

Из них особенно одна
Внушала оторопь и ужас,
За пять шагов была видна
С пера накапавшая лужа!

Я промокал её тишком
И даже, ошалев от страха,
Слизать пытался языком
И даже вытереть рубахой.

Позором кончился каприз,
Печально опыт завершился,
Стал синим белоснежный лист,
В тетради кратер появился.

И расхотелось мне писать
В тетради буквы ровным строем,
Не получается встречать
Мне маму грамотным героем.

Я взял несчастную тетрадь
И спрятал в будке у Полкана,
Всё на него свалю опять,
И, может, мне поверит мама...

Пока светит звезда

Чем годами ты старше, тем жёстче ответы
На простые вопросы, которых не ждал,
И не купишь за башли ума и совета,
Даже если б и деньги большие достал.

А вопросы такие, что проще не сыщешь,
И ответы на них неподъёмно сложны,
Но не хочет никто твоё мнение слышать,
Твои умные речи никому не нужны.

Всё понятно, когда возникает проблема,
Широка по охвату, на последствия зла,
Разберёмся и справимся с ней непременно,
Не такие уже мы решали дела.

Перекрытие рек и в пустыне каналы,
Домны, танки, ракеты, целина, Уренгой,
Все проблемы успешно решали, бывало,
Хотя цену большую платили, порой.

Мы – такие! Цена нам обычно до фени,
Мы заплатим, не дрогнув, ни шагу назад!
Не стоять за ценой завещал ещё Ленин,
Ещё Сталин учил нас ценить результат.

Это – в принципе и во всемирном охвате,
Когда винтики - люди и щепки летят,
Но меняется время, и, видимо, хватит
Заворачивать нас и откручивать вспять.

Послужили державе в винтах мы довольно -
Разработался шлиц, изнасилась резьба,
От отвёртки привычной становится больно,
Да ещё изгонять призывают раба.

Все учить норовят, таких умников много,
Но с призывами их я б послал далеко,
Быть в рабах добровольно могу лишь у Бога -
Не гнетёт его иго и бремя легко.

Вот и время пришло для наивных вопросов,
Что по-детски звучат, но, отнюдь, не глупы,
И ответить на них не легко и не просто,
Если ты человек, а не жлоб из толпы.

Если ценишь друзей, если женщину любишь,
Если истину принял с открытой душой,
Ты вопросов наивных вовек не забудешь
И откроешь в ответах секрет небольшой.

А секрет этот прост, как и сами вопросы,
И не стоит проблемы самим усложнять,
Все проходим от зыбки мы путь до погоста -
А на этом пути что нам нужно стяжать?

Вот вопрос вековечный для рода людского
И предельно наивный в своей простоте –
Почему чаешь счастья в пути неземного
И взыскуешь спасенья себе в красоте?

Озираюсь вокруг я в тоске и тревоге,

От судьбы не отстать я стараюсь своей,
Много лет я шагаю по гулкой дороге
И теряю в пути самых верных друзей.

Здесь откроются мне и ответы, и смыслы,
Здесь решится загадка моя не одна.
Надо мною звезда, как фонарик повисла,
Не собьюсь я с пути, пока светит она...

Конфетка

В душе растерянность и злость –
Чего мне раньше не жилось,
Когда был молод и силён,
И сердце рвалось из кальсон?

Какого я хотел рожна,
Слепив конфетку из г ... на?
Куда спешил, о чём мечтал,
Зачем я годы не считал?

Пропел я всё и проплясал,
На шило мыло променял,
И удивляются друзья -
Конфетка есть, но есть нельзя!

Как тать в ночи, insult пришёл
И мне извилины заплёл,
И моя левая рука
Почти не движется пока.

Теперь увечный и больной
Хожу я тенью за женой,
Я без её заботы, бля,
Не стою нынче и рубля.

Не застегнуть, не расстегнуть,
Не завязать и не обусть,
Постель себе не застелить
И чашку кофе не налить.

Мне белый свет теперь не мил,
Слоняюсь дома, как debil,
В мозгах вопрос, как в горле кость:
«Чего мне раньше не жилось?»

Не отвечает тишина
И лишь намёк даёт она -
Ведь у меня конфетка есть,
И мне её придётся съесть...

Ещё не всё

Не все признанья сказаны,
Не все стихи срифмованы,
И женщины прекрасные
Не все перецелованы.

Не все советы дадены,
Не все цветы подарены,
Не все мечты украдены,
И годы разбазарены.

Вот - солнышко лучистое,
А вот - трава зелёная,
А вот - речушка чистая
С водицею студёною.

Бежит вода по камушкам
И шепчет свою песенку
Рыбёшкам проплывающим
Меж берегами тесными.

Жизнь чинно и размеренно
В природе продолжается,
Шагаю я по берегу,
И речка не кончается.

А мне легко шагается,
Покуда светит солнышко,
И всё, что причитается,
Я выберу до донышка!

Жизнь сначала

Эх, начать бы жизнь сначала,
Но без боли и потерь,
Чтобы мама вновь качала
В тёплом доме колыбель.

Чтобы лампа не коптила,
Не трещал бы в ней фитиль,
Чтобы рос в семье счастливый
И красивый богатырь.

Ах, прожить бы век свой честно,
Без болезней и обид,
И сложить такую песню,
Что, как птица, улетит.

Чтоб в сомненьях, как в потёмках,
Я душою не блуждал,
Чтобы голос мой негромкий
Не сфальшивил, не солгал.

Ох, не знать мне век свободы,
Вспять, как речке, не поплыть,
Не вернуть обратно годы
И судьбы не изменить.

Я за стол присяду с краю,
Стопку полную налью,
Выпью молча, провожая
Жизнь нескладную свою.

Монах

Монах сидел, поджавши ноги,
Навесик сделав над собой,
Он был известен людям многим
Своею праведной судьбой.

Сложив крестообразно руки,
Не замечал он ничего,
И замолкали даже мухи,
Коснувшись рубища его.

Какие он края оставил,
Кому он истину вещал?
Какого Бога он восславил,
Познав начало всех начал?

Сидел монах в привычной позе,
Храня молчание в устах,
И отражались с неба звёзды
В его расширенных глазах.

Брели погонщики устало,
Верблюды плакали навзрыд,
И потеряли счёт менялы,
Какие сутки он сидит.

Казалось, жажды он не ведал,
За сухарём не лез в карман,
Не прикоснулся он к обеду
От сердобольных горожан.

Казалось, что его на свете

Поднять не сможет ничего,
И собирались в стайку дети,
Бросая камешки в него.

Собака блудная лизнула
Его шершавую ступню,
И ночью бабушка тянула
Монаха за руку к огню.

Всем до монаха было дело,
У всех какой-то интерес -
В ком сострадание горело,
В кого вселился мелкий бес.

А он сидел невозмутимо,
Оставив людям их дела -
Их жизни проходили мимо,
Лишь у монаха не прошла.

Он удержал её под спудом,
В скитания не отпустил,
Оставил жизнь каким-то чудом
Вдали от тленья и могил.

И вот сидит в базарном гаме,
Который год уже живой,
Ну, а меня признаться тянет,
Что не хочу судьбы такой.

Пусть буду голоден и болен,
Пусть одолеет нищета,
Зато я в выборе свободен
И душу греет красота...

Мельник

Хоронили нынче мельника
Всей деревней мужики -
Не запойного бездельника,
А родителя муки.

Он не грёб рубли лопатою,
А сводил концы едва,
Износил в заботах клапаны
Стёр в работе жернова.

Он не шёл по жизни с песнею,
Не давил в себе раба,
Мельник – это не профессия,
Мельник – это, брат, судьба!

Бобылём прожил при мельнице,
Годы речкой унесло
Там, где третий день не вертится
Водяное колесо.

Подливное, нижебойное,
Трёхметровой вышины,
Без хозяина покойного
Напиталось тишины.

Без присмотра и умения
Пеклеванный смят рукав,
И не гонит в него сеянку
Обездвиженный постав.

Вековое чудо техники,
Попустил разлад Господь:
Нынче поле не засеяно -
Будет нечего молоть.

Вот и мельник это чувствовал,
Современный бизнес знал
И деревню нашу русскую
Без муки не представлял.

Слышал мельник ложь подспудную
В треске выборных речей -
Не заменят людям бургеры
В стольный праздник калачей.

Не накормит нас Америка,
Не снабдит Евросоюз,
А земля почти потеряна
И еда горчит на вкус!

Не решился старый труженик
Стать в родном селе никем
И на отдых на заслуженный
Удалился насовсем.

Он лежит, как ангел, беленький
В тонком саване муки,
Протрезвевшей деревенькою
Гроб проносят мужики...

К цыганам в табор

Мой друг, поехали к цыганам,
Как в золотые времена,
Набьём червонцами карманы,
Прихватим фруктов и вина!

Нас встретит суетой и гамом
Их пёстрый табор у реки
И будут кланяться нам дамы,
И руки тискать мужики.

Они гостям всегда довольны,
Им похмелиться нестерпёж,
И местный кучерявый Лойко
В избытке чувств покажет нож.

Откроем пыльную бутылку,
Нальём вина, порежем торт,
И выйдет Радда, как картинка,
И взглядом сердце полоснёт.

Ах, очи жгучие весталки,
Нечеловеческая жуть,
Ценою жизни мне не жалко
В них заглянуть – и утонуть!

Польётся пенною рекою
Вина французского струя,
И Радда тонкою рукою
На танец вызовет меня.

И зазвонят её мониеты,

И пыль поднимут каблуки,
И голос, девственный и чистый,
Заплачет в песне от тоски.

Ну, что, дружище, не напрасно
Оставил дом ты и покой
И прилетел, как сокол ясный,
В цыганский табор над рекой?

Здесь жизнь проходит нараспашку,
Бурлят здесь чувства на виду,
Пропьём последнюю рубашку,
Но отведём с тобой беду.

И пусть Зобар сжимает ножик,
И строит планы, лиходей,
Он нас с тобой смутить не сможет
Угрюмой ревностью своей.

Пусть Радда строит глазки мило,
Давай нальём и подпоём,
И пригласим к столу Данило.
На всякий случай позовём...

Он всё решит одним ударом,
Суров старик, но справедлив.
И распрощаемся с Зобаром
Мы, за помин души налив.

А рома с пляскою и песней
Покажут нам, как нужно жить,
И нет досуга интересней,
Чем в табор съездить покутить.

Калиф

Баллада

Из дальних странствий возвратясь,
Сэр Арчибальд по замку ходит
И с прошлым трепетную связь
Он в окружающем находит.

Здесь память прошлого живёт
В любом предмете обстановки,
Здесь время медленно течёт,
И старый пёс похож на волка.

Вот подошёл он, не спеша,
Прилёг в тиши у ног хозяйских,
Он помнит всё, его душа
Не знает хитростей китайских.

Бескомпромиссный ветеран,
Пред ним смущались и медведи,
Покрытый шрамами от ран,
Как рыцарь, предан он до смерти.

Он независим и ревнив,
Считал хозяина он Богом,
И кличка гордая Калиф
Была заслуженным итогом.

Сэр Арчибальд погладил пса
К мечу привыкшею рукою,
Душа его, призвав Христа,

Дышала силой и покоем.

Он на священной был войне
И бился с войском сарацинов
Четыре года на коне
В песках далёкой Палестины.

Благую он воспринял весть,
Поскольку был богоугоден,
Нашил на плащ он алый крест
И воевал за гроб Господень.

Сэр Арчибальд свечу возжёт,
К камину кресло передвинул,
Из кубка сделавши глоток,
Отпил почти что половину.

Ах, сладок херес москатель
И португальская малага,
И рыцарь, вглядываясь в дверь,
Глотал живительную влагу.

Сэр Арчибальд уже успел
Кирасу заменить камзолом
И в ожидании смотрел
Он в дверь с предчувствием тяжёлым.

Он никому не сообщил
О возвращении из плена,
Он сам себе вина налил
И сам сменил наряд военный.

Теперь сидит, на дверь глядит
И ждёт, соображая туго,
Когда, как птичка, прилетит
Его красавица-супруга.

Такой задумал он сюрприз
Жене приятный и невинный,
Когда под суматошный визг
Ворвётся в залу Прозерпина.

Обнимет радостно его,
От неожиданности млея,
Не объясняя ничего
И от желанья хорошея.

И вот дождался рыцарь наш -
Она вошла, не чуя встречи,
А рядом шёл смазливый паж,
Ей руку положив на плечи.

Пылает страстью её взгляд,
Ничуть раскаянья не видно,
В походке похоть и разврат,
И грудь обнажена бесстыдно.

Немая сцена на троих
Застыла в ужасе и боли,
Потоки слёз и слов пустых
Сэр Арчибальд не слушал боле.

Он руку грозную простёр,

Уставил палец в Прозерпину,
И произнёс, как приговор,
Сакраментальное: «Повинна!»

Он отложил свой самострел
И отодвинул меч в сомненье,
Он на собаку посмотрел
И принял скорое решение.

Собравши мужество своё,
Отдал команду воин бывший:
«Апорт, Калиф! Возьми её
И принеси мне труп остывший!»

Калифу повторять не надо –
Он сразу выполнил команду...

Приоритеты

Уж если правда, то святая,
Надёжный друг, уютный кров,
Земля родимая без края
И беззаветная любовь.

Уж если драка, то до крови
И слово верное – кремень,
За семерых работать в волю,
Благословляя каждый день.

Терпеть по собственной охоте
И даже жизни на краю
Не знать усталости в работе,
Не ведать трусости в бою!

А если пляска, то до дыма
Из-под разбитых каблуков,
А после с милой под рябиной
Говеть до третьих петухов.

Знать, что подруга не изменит
И друг ни в жизни не продаст,
А если кто-то честь заденет,
То не прощать и в первый раз.

Вот так шагаю я по свету
И между дел пишу стихи,
Просты мои приоритеты
И в исполнении легки.

Всё бы хихоньки да хаханьки...

* * *

Я к вам пишу

Я к вам пишу, а вы читайте
И добрым словом поминайте
Мои полночные труды,
Где я, велением судьбы,
Веду нехитрый свой рассказ,
Являя чувства напоказ.

Я к вам пишу, чего же боле?
Хоть о войне, хоть о футболе
Не составляет мне труда
Гонять слова туда – сюда
И, чтоб вернее смысл понять,
Местами их порой менять.

А рифмы? Экая докука
Ходить за рифмами по кругу
И даже пробовать на вкус
Соединительный союз
Или наречие простое
У подлежащего пристроить.

Ещё размер – препона слабым,
Хорей, анапест, дактиль с ямбом,
Но что-то наши виршеплёты
Метр вспоминают неохотно:

Его, во-первых, нужно знать,
А, зная, чётко соблюдать!

Всё так, нехитрая наука
Сложить две – три строфы для друга.
Я, словно доблестный Егорий,
Скачу на спинах аллегорий
И в окружении гипербол
Стремлюсь туда, где раньше не был.

Туда, где небо и земля
Объединились в моё «Я»,
Где сделал мало, знал немного,
Где, в слове видя образ Бога,
Я понимания прошу
И вам для этого пишу...

Велик из детства

Маленькая поэма

* * *

Пролог

Проста история моя,
Как детская считалка:
Друзья, учёба и семья,
«Войнушка» и рыбалка.

Да много ль нужно пацану,
Когда помог он старшим?
Поймать язя, сыграть в войну,
И чтобы быть «за наших»!

Равна заштопанная голь,
Но были и равнее,
Кого носил «железный конь»
В атаку по пырею.

Ах, самодвижущий металл,
Стальная колесница!
Я так о велике мечтал,
Что мне он начал сниться...

Подарок

Семьёю на велосипед
Мы год почти копили
И в десять юбилейных лет
Его мне подарили.

Я от волненья в ступор впал,
Лишь воздух, как пескарь, глотал,
Рот пересох, забыл слова
И на ногах стоял едва.

В далёком том полста восьмом
Не мог мечтать я о таком:
Не «взрослом» - «подростковым»
И совершенно новом.

На «вилке» – шильдик, а на нём
Сияли праздничным огнём
Во всей эмалевой красе
Три красных буквы «ПВЗ».

А на изогнутом руле –
Фонарь, искать тропу во мгле,
И с трелью канарейки
Звонок из «нержавейки».

Тут дед, природный педагог,
Сюрпризу так подвёл итог:
«Ты не тушуйся, а садись,
Кати, внучок, в большую жизнь!»

Велик

Свершилось! Я из ходока
Преобразился в ездока,
Мне землю пешею ногой
Не попить в мороз и зной.

Теперь в седло шустрой залазь,
Чтоб ездить наловчиться,
Но падал я упорно в грязь,
А не летал, как птица.

Я был не слишком ловкий
Для велоджигитовки,
Но по настырности своей
Догнал в лихачестве друзей!

Теперь свой путь я правлю сам,
Ищу удобные объезды,
Не пробираюсь по кустам
И на гвоздях не рву одежды.

Но кроме гонок по полям
И по окрестным весям
Лелеял я секретный план
Уже не первый месяц.

План

А дело довольно простое,
Житейские, в общем, дела -
Хорошая девочка Оля
В посёлке Лесхоза жила.

Палило ли голову лето,
Щипала ли за нос зима,
Крутила по три километра
Из школы и в школу она.

Она из соседнего класса,
Ценило её пацаньё,
А я лишь в смущении мялся
У «Камы» девичьей её.

По-женски изогнута рама,
Защита для ног на цепи –
Складная шикарная «Кама»
Носила её по степи.

Ах, если б я был на колёсах,
Умён бы я стал и ретив
И всех одноклассников с носом
Оставил, за ней укатив!

А так я - босяк безлошадный,
Пешком не догонишь коня,
И как же мне было досадно,
Что велика нет у меня!

Оля

Но чудо случилось, как в книжке -
Обрёл я машину свою,
Спасибо, железный братишка,
За верную службу твою.

Устал я бороться с мечтами,
Рывком на педали нажал,
Подъехал я к Олиной «Каме»
И за руку девочку взял:

«Зачем нам неумных стесняться?
Да я на завистников чхал.
Поехали, Оля, кататься!
Давно я об этом мечтал.

Нас ждут васильковые дали,
Клубничные спеют поля...»
И Оля крутнула педали,
Мгновенно поверив в меня.

Доверчивый милый ребёнок
И мальчик с судьбой непростой,
Умеем дружить мы с пелёнок –
Характер у русских такой.

А дружба для нас – не игрушка,
Мы с ней не привыкли шутить,
Мы даже бессмертную душу
За дружбу могли положить.

Была она легкой и вольной,
И чистою, как облака –
Вот так подружились мы с Олей
И верили, что на века.

Дружба

Мы знали, чем себя занять,
Всегда мы дело находили:
Могли на озеро сгонять
И там нарвать венков из лилий.

Могли гонять вперегонки,
Но только, чур, не поддаваться!
Или на солнце у реки
В заветном месте повалиться.

И загореть. И обгореть!
Приехать к бабушке с повинной,
Боль не шутейную терпеть,
Сметаной смазывая спины.

Мы стали не разлей вода,
Нам целый мир казался тесным,
Мы в наши малые года
Дружили крепко не по-детски.

Разлука

Ничто не вечно под Луной -
Какая мудрость, право дело!
Настало время – и за мной
Внезапно мама прилетела.

Со стариками обнялась,
Родному дому поклонилась,
Бабуле подарила бязь,
А деду то, что в рюмку лилось.

Сложила в старый вещмешок
Мои нехитрые манатки:
«Ау, ты где? Присядь, сынок,
Перед дорожкой для порядка».

И я сидел, в окно глядел,
Но друга верного не видел.
Быть может, чем её задел
Или нечаянно обидел?

Скулит собачка под крыльцом,
Стоит в амбаре грустный велик.
Сидит с заплаканным лицом
Мой милый друг, прикрывши двери.

Тогда её я не нашёл,
Да и не очень-то старался,
Не попрощавшись, я ушёл,
Лишь велик памятью остался.

А может Оля и придёт,
Когда хоть малость повзрослеет,
Когда простит, когда поймёт,
Когда услышит и прозреет.

Погладит каучук колёс,
Седлом пружинным тихо скрипнет,
О том, что в детстве не сбылось,
Почти совсем не больно всхлипнет...

Ясный свет

Мой друг не видит ничего –
С рождения он слеп,
И заточён весь мир его
В квартиру, словно в склеп.

Он здесь спасался от людей
С несчастьем своим,
Лишь доброй мамою своей,
Как ангелом, храним.

Давно закончились друзья,
Развеялись, как дым,
Подруги тоже, только я
Всю жизнь был рядом с ним.

Мы были не разлей вода,
Так с детства повелось,
Мой друг ценил меня всегда,
Я верным был, как пёс!

А друг мой с юности владел
Загадкою большой -
Он сердцем пристальней смотрел
И зорче был душой.

Со мной открытый, как ни с кем,
Всегда он даст ответ,
И не было запретных тем
Для дружеских бесед.

Мы в дружбе истину нашли
И смысл на века
Два попирателя земли
И два холостяка.

Меня он редко удивлял,
Но день настал такой,
Когда мне друг вопрос задал
Наивный и простой:

«Позволь спросить тебя, любя,
Ценя слова твои,
Скажи, а в сердце у тебя
Есть место для любви?

Ведёшь себя, как господин,
Царишь, как пуп земли,
Ты много лет живёшь один,
Без дома и семьи.

Ты одичал, как бедуин,
Оброс, как бабуин,
Один ты ходишь в магазин
И спишь всегда один.

Один всегда, один везде
Бредёшь, как пилигрим,
Я не завидую тебе
И будучи слепым».

Мой друг умолк, а я застыл,

Не зная, как тут быть,
От удивленья рот открыл
И позабыл закрыть.

Из всех догадок и идей
Одна на ум пришла,
Невероятностью своей
Мне душу обожгла.

Попался! Вот ему ужо,
Как кур в ошип попал!
Я друга слишком хорошо
За тридцать лет узнал.

Стою, за плечи приобняв
Я друга тет-а-тет,
И, все условности поправ,
Стал требовать ответ.

«Признайся, старый ловелас,
Нашёл мечту свою?
И кто она на этот раз?
Что у неё с ай кью?

Рад за избранницу твою
И за тебя я рад...»
«Плевать хотел я на ай кью!» -
Ответил мне собрат.

«Она – такая же, как я,
С рождения слепа,

Она теперь мечта моя,
Надежда и судьба.

Да, хороша она лицом,
Фигурою стройна,
Но тело вовсе не при чём,
Когда душа видна.

Я видел пальцами её
И кожей ощущал,
Свое ущербное житьё
Я в счастье обращал».

Мой друг умолк, сглотнув комок,
Дыхание уняв,
Я пожелал ему, что мог,
И искренне обняв.

Желало доброго всего
Всё существо моё,
Я трижды рад был за него
И столько ж за неё.

Я верил, что сейчас совет
Господь нам подаёт,
Любви небесной ясный свет
По жизни нас ведёт.

Не разучись, мой друг, любить,
Духовным верь очам,
Иди на свет и, может быть,
Ты встретишь Бога там...

Зимний байк

Я на велосипеде
По улице качу,
Мне хлопают соседи,
С улыбкой по плечу.

И хлопают неслабо
Хмельные мужики,
Их крашенные бабы
Хихикают в платки.

Зачем мне, братцы, лыжи
И палки для чего?
На велике мне ближе,
Удобнее всего.

Китайский регистратор
Мигает под звонком,
Качу, как экскаватор,
По снегу прямиком.

До дома путь недалёкий,
Спортсмену по плечу,
Кручу свои педали,
Железный руль верчу.

Мне семафор сигналист
Зелёным: «Проезжай!
Пусть даже снег повалит,
Разметку уважай».

Скользят по снегу шины,
Скрипит мой «мерседес»,
И падают снежинки
На спину мне с небес.

Кручу себе педальки
И ухожу в отрыв,
Стоит в пимах хозяйка,
Калитку приоткрыв.

Она меня приветит
И велик приберёт,
Люблю поездки эти
На «байке» в Новый год ...

Полёты и просчёты

Оля, Оля, что такое,
Что взгрустнула у окна?
Почему ледышка боли
У тебя в глазах видна?

Ты мила душой и ликом
И умна не по годам,
Отчего ж твоя улыбка
Со слезами пополам?

И подружки, и работа
В жизни сладились уже,
Но под сердцем больно что-то,
Беспокойно на душе.

Ты сегодня не уснула,
Молча падала во тьму –
Ну, зачем же ты рискнула
И поверила ему?

Ну, какого это ляда
Ему руку подала
И пошла послушно рядом,
Будто век его ждала?

Да таких, как он, пучками
На базаре продают
И за факт любви случайной
Похмелиться не дают!

Но вилась его дорожка
И с твоей пересеклась,
Ты расслабилась немножко
И на взгляд отозвалась.

Он искру из сердца высек,
Расходилась, милый шут,
Будто сыпал мелкий бисер,
Краснобай и баламут.

И речистый, и плечистый,
Заводной и деловой,
Он в намерениях чистых
Клялся буйной головой.

Он при встречах наглым не был,
На тебе не рвал белья,
Обещал седьмое небо
Для совместного жилья.

Находил слова такие,
Что, как сладкий мёд, текли,
Ты от них, расправив крылья,
Улетала от земли.

Так ты месяц с ним летала,
Это, в общем, не беда,
Жаль, что голову теряла,
Ты в полётах иногда.

Отлеталась, отплясалась,

Крыльев нет, и мёд засох,
Ты опять одна осталась,
Так привычной, видит Бог.

Снова утром кофе кружка,
Снова кот, ТВ, уют,
Снова новости подружки
На работу принесут.

И, конечно, в интернете
Для тебя весь мир открыт,
Сайты, блоги, клипы, сети...
Скоро боль перегорит.

Перестанешь верить в сказки
С принцем и палатами -
Пусть он катится колбаской
Со своими клятвами!

Вытри слёзы, друг сердечный,
И живи, как нравится, -
Жизнь наладится, конечно,
Всё ещё поправится!

Оленька и воины

Не боюсь нисколечко,
Что не то я делаю, -
Полюбил я Олечку,
Гордую и смелую.

У неё поклонников,
Как собак не резаных,
Даже подполковники
С шутками скабрезными.

Ловеласы страшные
И с большою пенсией
Завлекают барышню
Строевыми песнями.

Звякают медалями,
Взгляд слепят погонами,
Счастья беспечального
Обещают тоннами.

Я хожу в стороночке
С верною гармошкой,
Боязно за Олечку
Мне до невозможности.

А про это воинство
Мной давно примечено -
Девичье достоинство
Им, как приз на стрельбище.

Берегись их, Олечка,
Обходи сторонкою,
Не мечтай о кофточке
С галуном и орденом.

Не для милой женщины
Армия с наградами,
Краше танцы вечером
В Клубе за оградой.

Приходи, желанная,
Я гармонь замучаю
И куплю «Шампанское»
По такому случаю!

В тот день

В тот день, когда ты не пришла,
Взойти не торопилось солнце,
И слепо пилились оконца
В кривые улочки села.

В тот день, когда ты не пришла,
Петух с утра не кукарекал,
И утки не ушли на реку,
Что за околицей текла.

В тот день, когда ты не пришла,
Упало зеркало в прихожей,
И собирал я с кислой рожей
Осколки битого стекла.

В тот день, когда ты не пришла,
Я, как мальчишка, был влюблённый
И сатанел, не похмелённый,
От слова, что ты мне дала.

В тот день тебя я долго ждал,
Чтоб ты мне сказкою явилась,
Из рук всё падало-валилось,
И кот меня вконец достал.

В тот день тебя я долго ждал
И под напевы боевые
Свои парадно-выходные
Я «хромочи» с печи достал.

В тот день тебя я долго ждал,
Часы уже пробили восемь,
Потом и девять - ждать я бросил,
Разулся и рубаху снял.

В тот день тебя я долго ждал,
Интеллигентным быть старался,
Потом с расстройства я «набрался»,
Да так, что даже пёс сбежал.

И мне, когда Луна взошла,
Соседка новость принесла -
Ты на другом конце села
С другим наливочку пила...

Кати на «Ниве» мимо

Не хватай меня за трусики,
Не пугай корпоративами,
Не зови меня «лапусенькой»
И катись со своей «Нивою»!

Мерчердайзер – тоже шишка мне!
Знала я и креативнее,
Насмотрелась и наслышалась
Ваше племя кобелиное.

Всё бы хаханьки да хихоньки,
Мимолётные свидания,
Только я тебе не выхухоль,
Не потешное создание.

Не подпаивай коктейлями,
На танцполы не заманивай
И с убогими копейками
Мне спектаклей не устраивай.

Надоел с тупыми играми
И с неумными приколами,
Накружилась и напрыгалась
К двадцати своим неполным я.

С дробью ноль тебе до этого,
Только ржёшь по-лошадиному,
Заедаешь джин конфетами
И глянцеуешь ногти длинные.

Ты постарше, да и опытней,
Только ум твой весь под джинсами,
Называешь допотопными
Мои жизненные принципы.

Что ж, и дальше жизнь проматывай,
Оставайся вольным соколом
И на «Ниве» не подкатывай
Ты ко мне «срубить» по лёгкому.

Чашка чая

Когда я загляну к тебе случайно,
Ты в зале не включай большого света,
А просто предложи мне чашку чая,
Поставь на стол печенье и конфеты.

Встречай меня с гостеприимным видом,
Укрась лицо улыбкою широкой,
Припрячь подальше давние обиды
И придержи до времени упрёки.

Я обладал характером упрямым,
И ты, мой друг, была отнюдь не ангел,
Меня не одобряла твоя мама
И видела насквозь почище Ванги.

Немало лет в заботах пролетело,
Мы биты и потрёпаны судьбою,
Меня ты позабыть уже успела,
И я давно не виделся с тобою.

Но я зайду однажды ненароком,
Букетик хризантем за спину пряча,
В звонке о встрече видя мало прока,
Зайду по старой дружбе наудачу.

Ну, что с того, что поредел мой волос
И голос мой грубее стал и глуше, -
В четвёртый раз я одинок и холост,
И ты рассталась уже с третьим мужем.

Не там мы, видно, счастье своё ищем
И зря идём мы разною тропюю,
Пора нам для успеха в жизни личной
Устроить чаепитие с тобою!

Насыпь чайку цейлонского в заварник,
Прими букетик, радость излучая,
И буду я душевно благодарен
За чашку замечательного чая.

Жду тебя

Загляни ко мне, родная,
На минутку загляни,
Без тебя цветы завяли,
Пригорюнились они.

Без тебя собака воет,
Дверь скрипит и шкодит кот,
Тучи мглою небо кроют,
И Киркоров не поёт.

Загляни ко мне по делу
И без дела заходи,
Без тебя тоска заела
И щемит в моей груди.

Без тебя мне чай несладок,
Холостяцкий хлеб засох
И минуты без пригляда
Утекают, как песок.

Загляни, зайди, насмелся,
Дом заботой освети,
Над упрёками посмейся,
За претензии прости.

Под улыбкой спрячь обиду,
Ты всех краше и добрей,
В белых тапочках я видел
Всех советчиков-друзей!

Им бы пьянки да гулянки,
Их сам чёрт ко мне принёс,
Здоровенные, как танки,
А ума в них с гулькин нос.

Наплясался, нагулялся
И с три короба наврал,
И ума я не набрался,
И тебя я потерял.

Не готов я цену эту
За свободу заплатить,
Без тебя мне жизни нету –
Значит, так тому и быть!

Буду добрым и хорошим,
К счастью отыщу ключи,
Ты мой тёплый свет в окошке,
Моя звёздочка в ночи.

Заходи, я так старался,
Чтоб смогла меня простить,
Лишь бы ангел догадался
Тебе тропку подсветить...

Хорошие руки

«Отдам в хорошие руки», -
Короткая строчка в газете.
Листал я газету от скуки,
И вдруг – объявления эти.

Собачки, мартышки, котята –
Питомцы с нелёгкой судьбою,
И я, как зверушка, когда-то,
Шутя, был приручен тобою.

Я был безотказным и добрым,
Весёлым и умным при этом,
Как старое кресло, удобным,
Приятным, как рюмка к обеду.
И

всё у нас ладилось, вроде,
И разность в годах не мешала,
И маска шута при народе,
Казалось, меня украшала.

Дивились родня и соседи,
Считали твой выбор негодным,
Ведь ты – настоящая леди,
А я прощелыга безродный.

Но зря рассуждали так бабы
И ставили вровень с тобою –
Я был для тебя лишь забавой,
Игрушкой, хотя и живою.

Не слушала ты пересуды,
Смеялась завистницам в лица,
Со мною ходила повсюду
Ты, словно с забавной вещицей.

Устал я от жизни собачьей,
Сбегу от суровой подруги,
С мечтой о любви настоящей
Отдамся в хорошие руки...

Ошибка вышла

Он походил, прилёг и ... умер,
Он больше жить не захотел,
Он от упрёков обезумел
И от претензий ошалел.

Он так надеялся на что-то,
И вдруг прозрение пришло -
Везёт обычно идиотам,
Но вот ему не повезло.

На номер он не тот поставил,
Не ту он карту прикупил,
Не тех придерживался правил,
Не ту, к несчастью, полюбил.

Он растранижил всё до вздоха,
Последний вывернул карман,
Но наступила катастрофа,
И исчерпал себя роман.

Она ушла однажды утром,
Открыть не давши ему рот
И завершая сценой бурной
Совместной жизни эпизод.

Слова обид в него летели
И годы, прожитые зря,
И что в супружеской постели

Не видит в нём богатыря.

Упрёки били на отмашку
По удивлённому лицу,
И понял он в тоске ужасной,
Что подошла любовь к концу.

Окончен бал, потухли звёзды,
Мечты повержены его,
Уже исправить невозможно
В прошедшей жизни ничего.

Он верил ей, как полный дурень,
И до последнего терпел.
Он походил, прилёг и ... умер,
С ней больше жить не захотел.

Глаза осени

Глаза у осени холодные и влажные,
Небесную не видят синеву,
И листья, словно голуби бумажные,
Кружат и падают на жухлую траву.

Одежды серые и башмаки разношены,
Шагает осень, луж не обходя,
Она скупа всегда на дни хорошие
И прячет лучшие за пеленой дождя.

Ни пляжному сезону не завидуя,
Не возвещая громко о себе,
Приходит осень тихо и обыденно,
Как старость в нашей человеческой судьбе.

В согласие с гороскопами китайскими,
Под русское лихое питиё,
Незванный гость с повадками хозяйскими,
Приходит осень, и не выгонишь её.

Она щедра, конечно, но по-своему,
Проста и ненавязчиво добра -
То на шоссе устроит нам промоину,
Или дорожки глиной вымажет с утра.

Она такая - с закромами полными,
Зимы суровой тихий дьютти фри,
Когда припасы зимние засолены,
С лихвой засушены грибы и сухари.

Переживём мы с ними зиму лютую,
Перемогём снега и холода
И, дорожа минутою уютною,
Про осень вспомним с благодарностью тогда.

Ах, осень, без вины у нас виновная,
Дождливая... Но как же без воды?
Пусть хлопоты она приносит новые,
Но новые всегда дарует нам плоды!

Гость дорогой

Чай в стакане с подстаканником,
И в прикуску сахар колотый,
Возле печки сохнут валенки,
Поседевшие от холода.

Мама мечется по горнице,
Дорогого гостя потчует,
Ставит миску пообъёмистей
И зовёт его по отчеству.

«Не взыщи, ты, свет Васильевич,
За застолье моё скудное,
Разносолы давно вывелись,
Больно время нынче трудное.

Твоя должность уважаема,
И работа твоя нужная,
Учишь деток наших грамоте,
Учишь честности и мужеству.

Я б плеснула самогоночки,
Четвертинка есть в загашнике,
Да уж больно ты молоденький,
Вот и учишь наших младшеньких.

Пей чаёк, а я вопросами
Изойду от нетерпения,
Пусть не вышел ещё ростом ты,
Зато вышел уважением.

Педагог непререкаемый,
Хлеб ты свой недаром кушаешь,
Коль зашёл ты, поспрошаю я,
Пацаны мои послушны ли?

Как у них с правописанием,
С арифметикой и чтением?
Расскажи про их старания,
Я послушаю с почтением».

Подливает чай смородинный
Мама, сахар ближе двигает,
Просвещение народное
Нынче к ней явилось с книгами.

Так уважить мама силится,
Перед гостем так старается,
Хотя возраста Васильичу
Полных нет и восемнадцати!

Вот такие вот Макаренки
Из разрухи школу вывезли,
Обучили деток грамоте
И достойно в люди вывели.

Вспоминаю с благодарностью
Свою школу деревенскую,
Не забуду я до старости
Педагогику советскую.

Старая мама

Молча мама у окна
За столом присела,
Хлопотуньей была,
Да ослабла телом.

Серый вечер за окном,
Грустная картина,
Ей бы думать о своём,
А она - про сына!

Нарожала сыновей
К старости в подмогу,
А они ватагой всей
Скрылись за порогом.

Зарастает огород,
Гуси, как взбесились,
А сыны который год
Где-то заблудились.

Все красавцы-мужики,
В радость им работа,
А вот маму навестить
Недосуг им что-то!

Всё им служба да страна,
Стройки да победы,
Мать-старушка у окна
Зря их ждёт к обеду.

Зря готовит калачи,
Греет борщ и кашу –
Не приедут, хоть кричи,
Ни младшой, ни старший!

И закон не побороть
Этот даже маме:
Сын – отрезанный ломоть,
Сказано не нами...

Первый день весны

Сегодня погода меня удивила –
Совсем по-весеннему солнце светило,
Закапало с крыш, потемнели сугробы,
И птички чирикали как-то особо.

Собачка моя убежала из будки,
Готова гулять непрерывно хоть сутки,
Коты у соседей с ума посходили,
Орут, будто лапы в дверях прищемили.

Сосед похмелился сегодня пораньше,
Занял у меня пятисотку, обманщик,
Грозился отдать непременно и скоро,
Но вряд ли, и Бог с ним – весна за забором!

Вдыхаю я воздух, он талого вкуса,
Вливается в грудь он струёю мускуса,
Весь в солнечных бликах, ловлю миг чудесный,
Встречаю улыбкой скворца с его песней.

Ну, вот и дождался – весна на подходе,
Грядёт обновление во мне и в природе,
Не стану вздыхать о растраченных силах
И стану опять молодым и красивым!

Песня на двоих

Ты, мой друг, меня не списывай -
Жив я, пусть и жив едва,
Я ещё открою истину
И найду тебе слова.

Не считай меня обузою,
Расставаться не спеши,
Мы ещё подыщем музыку,
Сложим песню для души.

С инструментом сядем вечером,
Словно в юности, вдвоём
И, смирив боль сердечную,
Эту песню пропоём.

Про года споём ушедшие,
Про растраченную жизнь
И про юность сумасшедшую,
И как в верности клялись.

Песня кончится недлинная
И за сосны улетит,
Ни полслова, ни пол имени
Нам в ответ не прозвучит.

Всё прошло, как дым, развеялось,
В душах выстыло седых,
Только песня задушевная
Нам осталась на двоих.

Сахалинов сын

Андрею Иванову, прозаику

Так вот каков твой блудный сын,
Далёкий остров Сахалин!
Годами мал, суров на вид,
Один под сопкою стоит.

Одет в кургузый пиджачок
Серьёзный этот мужичок
И смотрит прямо в объектив,
На удивленье терпелив.

За ним с портфелями в руках
Мальчишки, девочки в бантах,
И парой дамы-педагоги
Стоят под ручку на дороге.

А он на фоне старой школы
С полуулыбкой невесёлой
Ждёт, когда щёлкнет старый «ФЭД»
И птичка вылетит на свет.

Но шутку с птичкой знает он,
Не по годам уже умён,
И сам, как птичка, в один миг
Он улетит на материк.

Оставит в прошлом старый дом,
Чтоб тосковать о нём потом,
Оставит школу и друзей,

И остров – знак судьбы своей.

Пойдёт по жизни он один,
Весь мир его – как Сахалин,
И сам он в суете дорог,
Как остров, будет одинок.

Про детство вспомнит он не раз,
И не получится рассказ,
Но всё, написанное им, -
Один роман про Сахалин!

Стоит мальчишка на виду,
Ещё не встретивший беду
И не изведавший печаль,
Со взглядом, устремлённым вдаль.

Дождётся птички или нет?
Найдёт ли правильный ответ?
Всё впереди. И жизнь одна.
Об этом фото пацана.

Слезинка Божья

Злым недугом перекошенный,
Коченея от тоски,
Упаду слезинкой Божией
Я на звёздные пески.

Как песчинки, звёзды кружатся
В чёрном небе надо мной,
Онемею я от ужаса
В этой бездне ледяной.

Буду падать я в безвременье,
Проницая твердь небес,
В путешествие последнее
Отрешённый от телес.

В звёздной кану я обители,
Не успевший разглядеть,
Как исчезнет у Спасителя
От слезинки влажный след.

Вот и всё. Конец комедии,
Все там будем. Только где?
Пункт прописан мне последний,
Как вилами по воде.

Падать мне туда назначено
Неизвестно, сколько лет,
Мне б поплакать, но не плачется,
Застонать, но боли нет.

Только горечь сожаления
Будет душу мне томить,
Что у женщины прощения
Не успел я попросить.

Перед вечною разлукою
И двух слов я не сказал,
Не посмел пожать ей руку,
Заглянуть в её глаза,

Приобнять её повинно
И стоять, рука в руке,
Жизнь отдать ей, как слезинку,
Что у Бога на щеке...

Споём, Серёжа...

Давай, Серёжка, растяни гармошку,
А я тебя на балалайке поддержу,
Давай споём про Родину немножко
И про любовь споём для куражу.

Споём про клён, поникший за окошком,
Про облетевший яблоневый цвет,
Про луг, который осенью не скошен,
Про сад, в котором яблок уже нет.

Споём о том, что юность пролетела
И нам её не вспомнить, не догнать,
Что больше не ходить в рубахе белой
Нам на вечерки семечки лузгать.

Играй, Серёжка, жми на кнопки чинно,
Своё умение на деле покажи,
Певец от Бога и в отца мужчина,
Ты в песню душу русскую вложи.

Давай споём берёзкам и рябинам
Про беззаботно отшумевшие года,
О том, что юность кликом журавлиным
Простилась с нами с неба навсегда.

И пусть дуэт наш выйдет невесёлым,
И отзовутся нам с грустинкою поля,
Давай сюда с тобой приедем снова -
С гармошкой ты и с балалайкой я.

Здесь всё своё, домашнее, родное,
Над каждой крышей здесь звезда горит
И на восходе солнце золотое,
О вечной жизни с нами говорит.

Нам долго будет даль родная сниться,
Напоминать медком и молоком,
И этот край берёзового ситца
Ещё заманит шляться босиком.

Споём, Серёжка, обнявшись по-братски,
Найдём с тобой сердечные слова
Для края, что одаривал по-царски,
Для дома, где любовь всегда права.

В ресторане

Шампанское горчит и шоколад подтаял,
Миманс паде труа танцует мимо нот,
И чувств не бередит мелодия простая,
Которую тапёр нетрезвый выдаёт.

По клавишам его скользят привычно пальцы,
Доволен музыкант – он выпил, сколько мог,
Колдуют за стеклом над блюдами китайцы,
За ними шеф следит, как каменный божок.

Полночный ресторан – привычная картина,
И публика сидит обычная вполне:
В костюмах фирменных солидные мужчины
И дамы с вырезом на бронзовой спине.

Сюда, как за кордон, попасть совсем не просто:
Швейцар, секьюрити, изысканный дресс код,
Уютный ресторан, как в бурном море остров,
Со знаком качества четырёхзначный счёт.

Пусть умники твердят, что деньги - это мусор,
Пускай напишут, что любовь нельзя купить!
Я в прошлый раз купил любовь за бусы,
Такую жаркую, что не успел забыть.

Ах, молодость моя, далёкая такая!
Я при деньгах теперь, но, жаль, пора прошла,
Когда ты, меры и усталости не зная,
Хотела многого и многое могла.

Не радуют меня ни виски, ни трепанги,
Ни «золотые» карты в портмоне,
Сейчас бы понырять мне в море в акваланге
И полюбить мулатку при луне!

Оставил бы я блеск и гам шикарной фирмы
И всё меню с китайскою похлёбкой
За то, чтоб рядом был мой друг старинный
И разливал нам по стаканам водку...

Наказ от папы Карло

Не торопи судьбу, когда она промедлит,
И выводов простых не делай сгоряча,
Не дёргай впопыхах ты ниточки последней,
Не упрекай других и не руби с плеча.

Хоть изредка смотри, куда ведёт кривая,
И дверцу не ищи, обзаведясь ключом,
Всё это – суета никчёмная, пустая,
Как сказка без мечты и песня ни о чём.

И клада не ищи в валюте иностранной,
Не покупай в кредит и в цирк не заходи,
Не забывай, что ты – мальчишка деревянный,
Но сердце, как у всех, стучит в твоей груди.

В рот палец не клади, пока не откусили,
Не доверяй жлобам последних пятаков,
Опасны и смешны Алиса и Базилио
В краю, что нарекли страной дураков.

Не суй свой длинный нос в чужие заморочки,
А курточку одень, что сшил отец вчера,
И пусть там Карабас орёт, что было мочи,
Тропинки не теряй до школьного двора.

Настойчиво учись - и станешь человеком,
Работай и копи, считая каждый грош,
А, повзрослев, возьмишь в Сбербанке ипотеку
И в «двушке», как король, с Мальвиной заживёшь.

И берегись огня - он для тебя опасен!
От травмы родовой тебя я не сберёг,
Когда строгал чурбан с намереньем неясным,
И выточил тебя сгораемым, сынок.

Непросто будет жить тебе с таким наследством,
В спасателях не быть, у Шойгу не служить,
Нельзя тебе светить, как Данко, своим сердцем,
Идеей не гореть, гусарский пунш не пить.

Ты не такой, как все, местами сучковатый,
Занозистый порой, в опилках и щепе,
Не бойся ничего, и пусть на счастье дятел
Красивую тату надолбит на тебе.

Плата за палату

*«Поэт всегда душевно болен,
Живёт, судьбой не дорожа,
Горит кровавою мозолью
Его распятая душа.
Все боли века – прямо в сердце
Незащищённое его.
И нет ни снадобья, ни средства
Уйти от этого всего».*
(Е. Мартышев)

Поэт всегда душевно болен,
Его палата - № 6,
Он медсестрою недоволен,
Что колет так, аж больно сесть!

Влечёт болезного харизма
От здравомыслия в отрыв,
И даже экстренная клизма
Не остудит его порыв.

Он истоптал в мозоли душу,
Познав судьбу и боль сполна,
Настырно критики, как грушу,
Трясут его за рамена.

Лежит поэт, распят и брошен,
От муки творческой дрожа,
И в пятки спряталась тревожно
Кровоточащая душа...

Гребцы

*Анатолию Шалину, секретарю
Новосибирского отделения СП РФ*

Под скрип пера не слыша
Житейской чепухи,
Ты пишешь сайенс фикшн,
А я пишу стихи.

Талантливые в меру,
Вдвоём одним веслом,
Как негры на галере,
Без устали гребём.

Сверяем курс совместный
Мы в поисках земли,
Ты в сторону прогресса,
Я в сторону любви.

Я правлю через споры,
Исследую добро,
Вселенские просторы
Влекут твоё перо.

Но спорить нет охоты,
Куда грести и плыть -
В одной с тобою лодке
Нам нечего делить.

Вот только ноют руки
И в мыслях тяжело,

Что скоро от натуги
Сломается весло.

И ты, как кот учёный,
И я, как стихоплёт,
В беспомощной лодчонке
Исчезнем в бездне вод...

Песни подземелья

Евгению Иорданскому

А ты мне, словно оберег,
Как билет счастливый,
Ты – уютный человек,
Рыцарь доброй силы.

Ты готов всегда открыть
Нараспашку двери -
Невозможно добрым быть,
Не любя, не веря.

Как на службу, ты идёшь
На концерт в подземке,
Людам песенки поёшь
У гранитной стенки.

По делам спешит народ
Гулкою дорогой,
Помаленьку подаёт,
Слушает недолго.

Кто-то бросит четвертак,
Кто-то рупь положит -
От народа и пятак
Сотенной дорожке!

Только ты не ради мзды
Им поёшь канцоны,
Мало значат для «звезды»

В жизни миллионы.

Ты таланта не пропьёшь,
Не продашь гитару
И не раз ещё spoёшь,
Миннезингер старый.

Твои песни под землёй,
Словно свежий воздух,
Видно, что талант такой
Бог делиться создал.

Песни в радость нам твои -
Ведь не ради денег
О надежде и любви
Ты поёшь, Евгений!

Завет особый

Евгению Иорданскому

Ты через день идёшь на смену,
Чтоб серенады петь толпе,
В тоннеле метрополитена
Ты, как в архангельской трубе.

С подругой верною гитарой
Вполне имеешь бравый вид,
И голос твой, ещё не старый,
Легко по мрамору летит.

И даже в грохоте подземки
Ты слышен мне издавека,
Ещё крепки твои коленки
И не дрожит твоя рука.

Шагают граждане в заботах,
Течёт подземная река,
Как будто матушка-пехота
Идёт в атаку на врага.

Ну, а в атаке как без песни?
Как земляков не поддержать?
Поэт всегда с народом вместе,
Хоть победить, хоть убежать!

И ты пошёл служить народу
За символическую мзду,
Чтоб шёл народ по переходу
И слушал песни на ходу.

И чтоб подбросил мелочёвки
В чехол гитарный полгорсти,
И чтобы спел на столько ловко,
Чтоб и в руках не унести.

Но это всё мечты пустые,
Давно уже, сменивши власть,
Поёт на паперти Россия,
Но богатеть не задалась.

И ты в подземных катакомбах
Не ради денег связки рвёшь,
Неси, поэт, завет особый,
Пока всю душу не споёшь!

**Подземному артисту,
поэту и символисту**

Евгению Иорданскому

*«Быть можно без стихов поэтом
И со стихами идиотом».*

(Анатолий Маковский).

Вы, слава Богу, ещё живы,
Хоть и с печатью на устах,
У вас в мозгах одни порывы
И поиск нового в умах.

А вдруг вас люди не услышат
И сгинет в косности модерн?
Или вдруг критики напишут,
Что втуне ваш эксперимент?

И ты в исканьях безутешных
Не прячь за «измом» красоту,
И не размазывай поспешно
Картину мира по холсту.

Нам с символизмом не до жиру,
Когда в беде родная речь -
Нам сохранить бы душу живую
И слово русское сберечь.

Пойду у классиков ответы
Искать на пришлую беду,
Спрошу у Блока я совета

И с Белым к свету путь найду.

У Хармса визнаю интригу,
Спрошу про смысл у Бурлюка,
В кармане спрятанную фигу
Они не кажут мне пока.

Ах, не впервой всё это было,
Когда, пророча модернизм,
Над русским словом у могилы
Рыдал продажный журналист.

Он говорил на «новоязе»
И нёс такую лабуду,
Что дамы томные в экстазе
Стрелялись рядом на ходу.

Прошли года, сменилась мода,
Увял в России символизм,
Он был, как вывих, для народа
И для богемы, как каприз.

Окончен опыт, век суровый
Приоритеты дал свои,
Родное излечилось слово
В лучах надежды и любви.

Других людей призывало время,
Чтоб слово русское беречь,
Пора поставить ногу в стремя –
И в бой за грамотную речь!

А я, приверженец закона,
Местоблюститель красоты,
Лелеять буду неуклонно
Любви прекрасные черты.

Как этот мир вокруг прекрасен,
Как он глубок и многолик,
И должен быть кристально ясен
Наш поэтический язык.

А все словесные изыски
И чуть живой конструктивизм
Всего-лишь жалкие огрызки
От прежней веры в коммунизм.

Оставь утопию блаженным,
Ты слишком честен и умён,
Будь стихотворцем современным
В ряду классических имён.

Не подменяй аванс получкой,
Не наводи тень на плетень,
Пристало только недоучкам
В пустую верить дребедень.

Пусть миром правит состраданье
И в жизни царствует добро,
Не затупи в пустых исканьях
Ты Богом данное перо!

Между «я» и «мы»

Евгению Иорданскому

Учил меня ты, подлеца,
Писать от первого лица,
Всё «Я», да «Я» - и не иначе,
А «Мы» в стихах немного значит.

Ты излучал задор и пыл,
Да вот меня не убедил,
И мой лирический герой
За коллектив стоит горой.

Ясна позиция твоя,
Когда ты превозносишь «Я»
И воспаряешь над толпой,
На память зная стих любой.

Ты в этом дока и педант,
И твой недюжинный талант,
Как модерновый монолит,
Всегда особняком стоит.

А за худой спиной твоей
Я вижу сонм богатырей
И, понимая их едва,
Я слышу новые слова.

Я вижу Хармса, Гумилёва
И Блока в тифе чуть живого,
И за баракom Мандельштама,

Как падаль, сброшенного в яму.

Они – поэты! И за слово
Пошли на смерть в венце терновом,
И Муза скорбная твоя
Их помнит всех от «А» до «Я».

Ты помнишь каждого отдельно
И подаёшь совет мне дельный,
Во имя Сына и Отца
Писать от первого лица.

Я эту мысль воспринимаю,
Но довод твой не принимаю:
Поэт идёт, как пилигрим,
Но не один – Бог рядом с ним.

Ещё – взыскательный издатель,
А за издателем читатель,
И пусть поэт – творец идей,
Да вот творит он для людей.

И ты для них писал когда-то,
Когда из Гегеля цитату
Досужим критикам на страх
Пытался выразить в стихах.

Нет, ограничит меня «Я»,
Мы, как цыганская семья,
Как в лес, мы ходим по дрова
И ищем новые слова.

Не понимаю, как тут быть,
Как нас с тобою разделить,
Нам будет слишком больно, брат,
И близоруким станет взгляд.

Проста поэзия моя –
В ней равноправны «Мы» и «Я»,
И в прозе всякой кутерьмы
Мне равнозначны «Я» и «Мы».

САКУРА В СОКУРЕ

Е. Иорданскому

Прекрасна сакура, как в платье розовом,
Настала в Сокуре пора цветения,
Прильну к соцветиям щеками мокрыми
От слёз непрошенных и умиления.

Негромкой радостью душа наполнится,
Как ты, цветущая, стоишь счастливая,
Ах, ты, красавица моя японская,
Вот мы и встретились, ну, здравствуй, милая!

В сибирском Сокуре цветёшь ты бешено,
Под солнцем северным спешишь пожить.
Иду я к сакуре тропинкой вешнею,
Чтоб краткость сущего предощутить.

Жизнь эфемерна, зачем печалиться?
Цветки нападают, как снег в пруду,
И ты завянешь, моя красавица,
И лето кончится, и я уйду...

Собачья свадьба

*«Я люблю московский дворик,
Потому что алкоголик».
(Андрей Овчинников).*

Что-то в мыслях беспорядок,
В чувствах тоже кавардак,
Я слежу усталым взглядом
За женитьбой двух собак.

Неказистые дворняги
Цирк устроили такой,
Что поддатые бродяги
Их обходят стороной.

Подошли с ближайшей дачи
Пионеры-мальчиши
И над свадьбою собачьей
Посмеялись от души.

Две гуляющие дамы
Проходили мимо пса
И надвинули панамы
На смущённые глаза.

Проходивший мимо пристав
Из штанов свисток достал
И, два раза громко свистнув,
Никого не напугал.

Дворник с рыжей бородою,

Причитая «Твою мать!»,
Норовит своей метлою
Эту свадьбу разогнать.

Всем есть дело до лохматой
Новоявленной четы,
Будто пара виновата,
Что не спряталась в кусты.

Машут граждане руками,
Тычут пальцами в собак,
Раскалившись, с матерками
Обсуждают этот брак.

Говорят, что псы не правы,
И звенит в сужденьях сталь
Про распущенные нравы
И упавшую мораль.

Долго граждане судили,
Что тут делать, как тут быть,
Мужики в ларёк сходили,
Чтоб к банкету приступить.

Две бабули-активистки
Предложение внесли
Записаться, чтоб по списку
Молодым помочь могли.

Тут же вспомнили про мэра,
Дозвонились кое-как.

Тот ответил: «Знайте меру,
Нынче мне не до собак!»

За победу в добром деле
Встали женщины горой,
Мужики налить успели
Между делом по второй.

Вот нехитрую закуску
Принесли им, наконец,
Если пить, так пить по-русски,
Под солёный огурец!

Поостыл народ немножко,
И в медалях ветеран
Подошёл на шум с гармошкой,
Прихватив с собой стакан.

И пошла гулянка чином
С оливье и холодцом,
Пили водочку мужчины,
Бабы тешились винцом.

Обниматься лезет всякий,
Кто-то хочет в морду дать,
А на свадьбе как без драки,
Что потом нам вспоминать?

Посмеяться и поплакать
Люди нынче собрались.
А собаки... Что собаки?
У собак собачья жизнь!

Корыто

Несчастье случилось – деревня убита,
Изба развалилась, разбито корыто,
Кручинится бабка, и дед как взбесился,
Изохла собака, и кот обленился,
Не ловит в прогнившем амбаре мышей,
А дед гулеванит, хоть губы зашей!

Явилась беда – открывай ворота!
Дед горькую запил совсем неспроста,
Его с панталыка легко не собьёшь,
Не сманишь в загул за здорово живёшь.
Всю жизнь он в работе, в солёном поту,
Пустых болтунов обходил за версту.

А бабка шпыняет в сердцах старика,
Ей жизнь без корыта – сплошная тоска,
Ни тюль постирать, ни холсты замочить,
Ни ноги помыть и прилечь опочить.
Но было корыто в хозяйстве одно
И вот прохудилось внезапно оно.

А деду такое безделье невмочь,
Он рад бы старухе в несчастье помочь,
Но нету в деревне совсем никого,
Уехали в город соседи его.
Здесь век коротают на старости лет
Лишь вредная бабка и пьяненький дед,

Задумался дед и вздохнул тяжело –
Ему бы топорик, пилу и тесло,

Спилил бы сутунок, потом ошкурил,
Теслом сердцевину ему б раздолбил:
«Готово корыто, иди, принимай,
Хоть ноги помой, хоть исподни стирай!»

А бабка толкнула в плечо старика:
«Чего замолчал? Или песнь коротка?
Зачем это ты про корыто наплёл,
С какого стакана ты силу обрёл?
Исполнится вскорости ровно сто лет,
Как нет инструмента и плотника нет».

Старик стушевался, притихнул слегка,
Но бабка опять тормозит старика:
«Чего ты расселся и сопли жуёшь?
С корытом решай наболевший вопрос.
Я тут потрудилась чуток головой
И выход нашла в старой сказке одной.

Давай, пару удочек старых найдём
И утром на зорьке рыбачить пойдём.
В консервную банку наложим червей,
Наварим прикормки, подсыплем репей,
Царя водяного помочь нам прося,
Ловить золотого пойдём карася.

Поймаем – и сразу желанье в упор!
А если откажет - в уху на костёр...»
Тут выдохлась бабка, задумался дед,
И принял решение семейный совет -
Заросшей тропинкой пошли, обнявшись,
Путёвку ловить в настоящую жизнь...

У реки Яя

Я сижу у реки Яя
И стихи читаю вслух,
Красота вокруг такая,
Что захватывает дух.

И пока стихи читаю
Я под звон хрустальных струй,
Убегает речка Яя
И впадает в речку Уй.

На пенёчке и в тенёчке
Хорошо сидеть вот так,
Облегчённо сняв на кочку
Тесный импортный пиджак.

Из воды торчит осока,
Словно лезвие клинка,
И, как лебеди, высоко
Проплывают облака.

Здесь легко мне и уютно,
И в кильватерном строю
Пусть послушают хоть утки
Декламацию мою.

Камыши стоят, как свечи,
Выше - ягодный букет,
Кисло-сладкая поречка
Красит губы в алый цвет.

Рыбка плещется в протоке,
Над водой жужжат шмели,
И ложатся складно строки
О красе родной земли.

Как прекрасно, в самом деле,
Что в Сибири у меня
Кроме Ии, Яи, Еи
Есть Ояш, Тайлы, Иня.

Мне Сибирь, как тюркам Мекка,
Знаю я – в России всей
Нет богаче человека,
И счастливей нет людей!

Что мне годы и невзгоды,
Что болезнь и нищета,
Если есть ещё в Природе
Заповедные места?

Что мне быт полуголодный,
Что доплаты по рублю,
Если дышится свободно
Мне на Чёке и Ую?

И покуда край родимый
Терпит грешного меня,
Пусть течёт, как Яя, мимо
Жизнь по капельке моя...

Пора, мой друг, пора ...

Пора, мой друг, пора! Душа общенья просит,
А то меня с утра от «каликов» проносит.
Ну, что нам этот грипп, хотя бы и коронный?
От мата я охрип, безвинно заточённый.

На свете счастья нет, но есть друзья и воля,
В гробу я видел бред о вреде алкоголя,
И мне без разницы, что жизнь поставит в минус -
Таблетки, капельницы, клизмы или вирус.

Летят за днями дни, по телеку всё то же:
«Влачите жизнь одни, толпа вам не поможет,
А чтобы риску заразиться не поддаться,
Со всеми близкими вам нужно расплеваться».

Пора нам, мать ити, отставить эти байки,
За водкою идти и кочегарить баньку,
Отмыться до нутра, напариться на «пять»,
А после до утра бокалы поднимать.

Вопрос науки

Нынче истина забыта,
Красота поругана,
Наточил Оккама бритву
И зарезал Тьюринга.

Ходят Бойль и Мариотт,
Как жених с невестою,
Гей-Люссак уже не тот -
Гей он, но без дефиса.

Лёг под нож Жозеф Луи
С тайною надеждою
Скрыть тестикулы свои
Женскою одеждою.

Кавардак в мужских умах,
Пол на пол меняется,
А в науке этот шаг
Кризис называется.

Всё в Природе неспроста,
Всё по-настоящему:
Ищет Шредингер кота
В виртуальном ящике.

Что там с ним произойдёт,
Это дело случая -
Сам подойдет старый кот,
Или мы замучаем?

Удивляется народ,
Ищет дыры чёрные,
Жив пока что старый кот,
Бесятся учёные.

Как понять такой резон?
Что решать с наукою?
Плешь проел уже бостон
С древнею старухою.

Как им с этим дальше жить,
Физикам и химикам?
Трудно истину постичь,
Сквозь дымок хихикая?..

В Антарктиду

Наскучили обиды,
Зарубцевались раны –
Уеду в Антарктиду
С попутным караваном.

Чем хуже я артистов,
Спортсменов, депутатов?
Какая жизнь без риска,
И должность без зарплаты?

На Флоте ледокольном
Тарифы мне известны –
За литр алкоголя
Всегда найдётся место.

А там и до бараков
Рукой на вертолёте,
И нету во мне страха,
И понта не найдёте.

Здесь всё не понарошку,
В торосах не до жира,
Протоптаны дорожки
До кухни и сортира.

Мне, словно дети, рады
Встречающие лайки,
Им высшая награда
Кусок с руки хозяйской.

Присяду за сугробом
На паковую льдину,
Сразит меня особо
Ослиный крик пингвинов.

Смешные эти птицы,
И крик у них прикольный,
Не зря я к ним стремился
На Флоте ледокольном.

Зайду я в снежный домик,
Перекушу без водки,
Никто уже не помнит
Здесь стопку под селёдку.

Тут правит дисциплина,
И трезвость здесь в законе,
Не бреются мужчины,
И лирики в загоне.

В почёте здесь лопаты,
Синоптики, связисты,
И физик бородатый
Важнее тракториста.

Летят блестящим роем
Снежинки, как алмазы,
Здесь стану я героем
Или подохну сразу.

Но нет в душе испуга,

Спокойна моя совесть,
Примчусь я в гости к другу
На самый Южный полюс.

С недельку там пробуду
С туристскою бумажкой,
Пингвины тоже люди,
Беспечны и отважны.

Во фраках и в манишках,
Важнее всех на свете -
Мечтаю, как мальчишка,
О встрече с человеком этим.

Пусть ждёт меня с победой
Народец этот странный -
Я точно к ним приеду
С попутным караваном!

Про кита

Светит солнце в вышине,
Дремлет кошка в тишине,
Я листочками шуршу
И – пишу, пишу, пишу...

Начав с чистого листа,
Напишу-ка про кита -
Шкура у кита толста,
Миллиметров так с полста.

И киту не привыкать
Рот пошире открывать -
Как сачком громадным, он
Ловит кильку и планктон.

У кита большая пасть –
Можно «Лексуса» покласть,
Вот такую пастью он
Захлебнёт еды вагон.

Спустит воду сквозь усы
Без креветок и хамсы
И сглотнёт, что Бог послал,
И горбатый, и финвал.

А, насытись, запоёт
Кит во весь китовый рот,
И летят его романсы
По просторам океанским.

Слышат песни земляки,
И громадны, и легки,
В океане, словно дома,
В водной толще невесомы.

Ах, какая красота -
Песни синего кита,
Полюбил я их стихию -
Но «китовский» не осилил...

Тряпичная мышка

Тряпичная мышка – игрушка собачья
Смеётся неслышно, невидимо плачет,
Забывши про страхи, ночным переулком
В зубах у собаки идёт на прогулку.

Такая по праву досталась ей доля -
Играть с волкодавом, не чувствуя боли,
Геройского вида поделка из тряпок,
Не держит обиды она на собаку.

Усы поредели, кафтанчик прокушен,
Штанишки слетели и порваны уши,
Но держится гордо тряпичный комочек,
Собаке на морду нацелившись точно.

И падает метко, подброшенный грубо,
С полутора метров – и в острые зубы,
Такой вот коронный в игре этой номер,
Да будь я мышонком – от страха бы помер!

Вот так и живут, как сестра и братишка,
Тряпичная мышка и пёс-шалунишка.
Стареет собака, мышонок порвался,
Но любят, однако, чтоб с ними игрался...

Старый гриб

Я интересен лишь для бабок –
Неутешительный итог,
Был телом крепок, как обабок,
Но обносился и усох.

Всю жизнь упорно я трудился,
Был на подъём и сборы скор,
Но незаметно превратился
Я из обабка в мухомор.

Я не был лохом и дебилом,
Работал честно, сколько мог,
Был уважаем коллективом,
В работе – «спец» и «молоток»!

Не привлекаю нежных взоров
Я длинноногих кобылиц
И избегаю разговоров
В кругу накрашенных девиц.

Не обсуждаю понапрасну
Я с ними прошлые грешки -
Как бритвы острые, опасны
У этих фурий языки.

Они, как змеи, ядовиты,
Терзают нас исподтишка,
И к ним подкатывать открыто
Уже тонка моя кишка.

Ну, что мне юные девицы?
Как белый гриб, стою седой,
Отрезан напрочь от грибницы
Судьбы безжалостной рукой.

И мне на нищенские «бабки»
За жизнь, прошедшую не зря,
Лежать в «однушке», словно в банке,
И квасить ночью втихаря.

Насыплю соль себе на плечи,
Лаврушку в уши положу
И просмеюсь, что целый вечер
На гриб солёный похожу.

Книжка про коротышек

Слова ложатся на листок
В классическом порядке,
Я исписать за месяц смог
Две толстые тетрадки.

Стучу по клавишам с утра
До ночи еле слышно,
Концом гусяного пера
Давно уже не пишут.

А так хотелось бы макнуть
Перо в «непроливайку»,
И нацарапать что-нибудь
Про Кнопочку с Незнайкой.

Хоть ненадолго в детство впасть
Над сказочною книжкой,
Насочинять историй всласть
Про Гуслию с Торопыжкой.

Занять денюжат у Ворчуна
И с Пончиком откусать,
Попить с Сиропчиком вина
И Молчуна послушать.

С народцем этим я знаком
Давно не понаслышке,
Но доверяют мне с трудом
Смешные коротышки.

Серьёзен маленький народ
И строг со мной особо,
Считает, что меня ведёт
Такая жизнь до гроба.

И ставят курево на вид
Снежинка с Медуницей,
Ружьишком Гунька мне грозит,
Пилюлькин тычет шприцем.

Ах, как строги они со мной
С недетскою заботой,
Сижу над книжкой сам не свой,
Не пишется мне что-то!

Смотрю, как бесится в окне
Застрявшая там муха,
А не сменить ли тему мне
И про футбол настукать?

Там все интриги на виду
И люди, словно дети,
Там можно выпить на ходу
И стулом в морду съездить.

Там можно даже в тридцать пять
Считать, что жизнь в порядке,
И по газону мяч гонять
За бешеные «бабки».

Простите грешного меня

Небоська с Растеряйкой,
Овёс сегодня не в коня
И «недоступен» Знайка.

А я без вас не обойдусь,
Смешные маломерки,
И к книжке Носова вернусь
Ещё не раз, наверно.

Сын и Хэллоуин

Обратился как-то сын
К папе в час досужий:
«Что такое Хэллоуин
И зачем он нужен?

Что за танцы на костях,
Дурость без причины?
Объясни мне, нахрена
Эта бесовщина?»

Папа «репу» почесал,
Затянулся «Примой»:
«В Википедии читал
Я о Хэллоуине.

Если вкратце – это фрик,
Игрища придурков.
Ты прости меня, старик,
Дальше – нецензурно...»

Призадумался отец,
Принял «сотку» смачно:
«С Хэллоуином нам пипец –
Это однозначно!

Это жуткое г...но
Прёт из-за границы,
Русской кровушки давно
Целится напиток.

Расплодились, словно вши,
Трупы и вампиры
И загубленной души
Не уступят мирно.

Так что этот Хэллоуин –
Вовсе не игрушка.
Осторожнее будь, сын,
Мертвецов не слушай!»

Папа водочку допил,
Затушил окурок.
Ты отца послушай, сын,
Если не придурок...

Новогодние вакации

Какой нам, блин, Хэллоуин?
Какие тыквы и скелет?
В России праздник есть один
И он хорош под винегрет.

Грядёт в России в бухабре
Священный праздник Драбадан,
Вновь в оливье и мишуре
Народ в дымину будет пьян.

Обычай новый на Руси:
Не верь, не бойся, не проси
И не смотри на календарь,
И не отыскивай январь!

За декабрём идёт бухабрь,
И ты в священный Драбадан
Частушки под гармошку шпарь,
Все десять дней и сыт, и пьян.

Забудь заботы и дела,
Зови знакомых и родных,
Тебе родная власть дала
Бесплатно десять выходных.

И мы нальём и повторим,
Из жизни десять дней сотрём,
Ну, что нам их Хэллоуин
Перед российским бухабрём!

Соседка

Ах, Лена, Лена, Леночка,
Ты горячей огня,
Зовут твои коленочки
На подвиги меня.
Внимания ответного
В глазах твоих ищу,
С такой, как ты, соседкою
Мне возраст по плечу.

Ах, Лена, Лена, Леночка,
Соседочка моя,
Ты далеко не девочка
И не мальчишка я.
Желание заветное
Сказать тебе хочу,
Зову тебя конфеткою
И проглотить хочу.

Ах, Лена, Лена, Леночка,
С улыбкой на губах
Связала меня ленточкой
На рыжих волосах.
Не думаем о возрасте
На жизненном пути -
Тебе за сорок с хвостиком,
Мне семьдесят почти.

Ах, Лена, Лена, Леночка,
У дома я кружу,

На лавочку у стеночки
Букетик положу.
Уверен, что понравиться
Смогу я, наконец,
Ведь двадцать лет не разница
Для молодых сердец.

Жестокий романс

Сижу, не сплю, тобою брежу,
Стихи в полголоса пою
И на полоски кожу режу,
Что удивительно – свою.

Стекает кровь из-под рубашки
На руку, белую, как мел,
А мне не больно и не страшно –
Я всё уже перетерпел.

Я слишком долго собирался
И, наконец, набрался сил -
Я сам себе во всём признался
И сам себя приговорил.

Поникли розы на балконе,
И в спальне замер женский плач,
Сижу я в красном балахоне,
В душе и жертва, и палач.

Финита ля... Свершились сроки,
Подведена судьбой черта,
Твои я выучил уроки,
Душа моя теперь пуста.

Не сотвори кумиров ложных
И в моё сердце загляни -
Я со спины сдираю кожу
И разрезаю на ремни.

Светлой памяти Эдички

С сестрой моей в весенний день
Мы вышли со двора.
«Смотри, какая хренотень!» -
Сказала мне сестра.

«Пока глаза ты разлеплял
И полоскал свой рот,
Меня заразою стращал
Из телека урод.

Вещал всё утро напролёт,
Ужасный приняв вид,
Что нас под корень изведёт
Какой-то там КОВИД.

Что нет таблеток от него,
Вакцины тоже нет,
И что надёжнее всего
Мытьё и туалет.

Ещё - за двери под засов
И маску на лицо,
А если выйти ты готов,
То только на крыльцо».

Тут я прервал свою сестру,
Чуть не согласный с ней:
«Ты б не смотрела поутру
По телеку «Вестей».

Какой там грипп, какой нам мор?
Господь с тобой, сестра!

Ходил я вечером на хор
И на хоккей вчера.

Ты посмотри вокруг, сестра, -
Битком забит перрон:
Для нас не значат ни хера
Страшилки из ООН.

Гудят «толкучка» и «привоз»,
Да, разве, их закрыть?
А потому что не вопрос
На рынок нам сходить.

Зажав на счастье кулаки
И плюнув на беду,
Идут без масок мужики
И курят на ходу.

Бродяга катит свой возок,
Сейчас он тару сдаст
И, поделившись на глазок,
С товарищем поддаст.

Нет, я, сестрёнка, не могу
По-западному жить,
И мне о гриппе ни гу-гу
Не стоит говорить.

Китайским опытом в лицо
Не тычь в азарте мне,
И там продажных подлецов
Достаточно вполне.

А я – другой, других кровей,

Иного чертежа,
И тела грешного сильней
Болит моя душа...»

Дышал теплом весенний день,
Вступал в права апрель,
С сестрой мне спорить стало лень
Под звонкую капель.

Шагал я, сердцем сокрушён
И солнышку не рад, -
Сегодня Эдичка ушёл,
Лимонов Эдуард.

Ушла бунтарская душа,
Огарок догорел,
Свободой тайною дыша
И погрузнев от дел.

Ему в России нипочём
Не встать на пьедестал -
Я «Книгу мёртвых» перечёл,
Но «Палача» не стал.

Он начинал свой путь никем,
Но главный знал секрет:
Нет человека – нет проблем,
И денег тоже нет!

Он жил по принципу «Держись!
Не бойся, не проси!»
Поэт в нахлебниках ни в жизнь
Не будет на Руси.

Новичок не дурачок!

Сегодня в первый раз Андрюхе
Пишу посланье на Фейсбуке,
Волнуюсь, тычу неумело,
Куда не надо, то и дело!

Андрей, конечно, дока в сайтах,
Я на него гляжу печально,
Кондовой завистью томим,
Что не угнаться мне за ним.

Ему что Мир, что Телеграмм,
Ему и Твиттер пополам,
Друзьям с открытою душой
В Фейсбуке шлёт привет большой.

Есть много разных прибабасов
На телефоне у него,
Мне эти гаджеты ужасны,
Я в них не петрю ничего.

Бывало, выйдешь за ограду,
И чтобы новость сообщить,
Орёшь, как дурень, до упаду,
Пока ответ не прилетит.

И связь в то время не от битов
Была надёжно далека,
А сколько раз в стакан налито,
И как кишка твоя крепка.

А нынче что? Дави не кнопки,
Но помни логин и пароль
И выставлять смешные фотки
В Фейсбуке для друзей изволь!

Рукой махнув, пошёл я к людям
На форум, в чаты, по друзьям,
Андрей меня не позабудет
Всё объяснит, что знает сам.

Хвала Фейсбуку и Андрею,
И сайту новому, виват!
Я здесь освоиться сумею,
Здесь клёво всё. Спасибо, брат!

Мы шутим

Собаку съев в литературе
И острослов по мере сил,
С тобой я день пробалагурил,
Тоску улыбкою прикрыв.

Слова без зауми кружатся,
Непритязательно легки,
На шутку могут обижаться
Лишь записные дураки.

А мы с тобою не невежды,
Мы понимаем, что почём,
И, если надо, то поддержим
Друг дружку шуткой, как плечом.

И пусть бывает не до смеха,
Но рвём мы шуткою сердца,
Нам жизнь – весёлая потеха,
И ей не видится конца...

На родном Западном

* * *

«Дюкашка»

На городской окраине
Дымит завод комбайновый,
Его по воле Сталина
Из Тулы привезли,
И работяги вольные,
И «зеки» подконвойные
Цеха в мороз отстроили,
Под крыши завели.

И месяца не минуло,
Как заревел турбинами
И загудел машинами
Военный «Сибкомбайн»,
А над слепыми окнами
Написано с подтёками:
«Даёшь снаряды с бомбами,
Взрыватели давай!»

А жизнь была не сладкая -
С тюремными порядками,
С шакальими повадками,
С порукою блатной.
В бараке время движется
Не так, как в книжках пишется,
И мат там чаще слышится,
И воздух в нём дурной.

На улице Дюканова
Бараки с уркаганами,
Из окон песни пьяные
Про зону и конвой.
Бараки шлакоблочные,
Убогие, но прочные,
Заселены рабочими
Минувшею войной.

На городской окраине
Свои устав и правила,
И жизнь задачи ставила
Мне трудные порой,
Когда дорогой близкою,
С нешуточными рисками
Я улицей бандитскою
Из школы шёл домой.

Слова забыты бранные,
И время в бездну кануло,
На улице Дюканова
Бараки все снесли.
Окраина забытая,
Ты кузница великая -
Здесь мой характер выкован
Уже годам к восьми.

Под зонтом

Идём мы рядом под зонтом,
Не тесно нам под ним вдвоём,
Пусть на нас под дальний гром
Прольётся целый водоём!

Идём под ручку мы с тобой,
Степенно лужи обходя,
Шумит над нами, как прибой,
Стена осеннего дождя.

Не убоимся мы воды,
Что барабанит по зонту
И наши общие следы
Уносит с плеском в темноту.

А мы шагаем под дождём,
Вполне довольные судьбой,
И просветления не ждём
В нависших тучах над собой.

Залит водою тротуар,
Плывут по улицам такси,
А в супермаркете «базар»,
Хоть со святыми выноси!

Ведь покупателям под дождь
Идти не хочется пешком,
Им вынь и солнечный положь
Прогноз хотя бы на потом!

У них терпения ничуть
И пониманья ни на грош,
Что время им не обмануть,
Не отменить осенний дождь.

А я под струй журчащий бег
И в зонт ритмичное битьё
Храню тебя, как оберег
И как сокровище своё.

Осенний дождь пришёл в Сибирь,
В воде ДК, в воде «Заря»,
Веду тебя, как поводырь,
Я через реки и моря.

Сквозь изобилие воды
И под одним зонтом вдвоём
Домой до Чистой Слободы
Мы, как две лодочки, плывём.

От Халтурина до Порядковой

Ходил я вдоль Порядковой
К Дюкашке от Халтурина,
Чтобы попасть в «Покрышкине»
На новое кино,
С друзьями в зал прокуренный
Мы шли балдеть над Шуриком,
Миронова с Папановым
Признали мы давно.

Эх, времечко застойное,
Весёлое, запойное,
Со Съездом в телевизоре
И с песнями про БАМ!
Не мучились вопросами
Мы над делами взрослыми
И марки с этикетками
Делили пополам.

Гуляли, не печалились
Надёжные товарищи,
Старинные приятели,
Заветные друзья –
Руками неумелыми
Оружие мы делали,
Чтоб пулями и стрелами
Добыть хоть воробья.

Мы на посёлке Западном
Тогда общались запросто,

О жизни не тревожился
Подвыпивший народ -
Еда была задёшево,
Но, в общем-то, хорошая,
И одежонка сносная,
И туфли «Скороход».

А тут и возлияние
Пришло без опоздания,
От трезвости и мудрости
Мы были далеки.
Традицией приучены,
С друзьями неразлучными
И с первой получкою
Мы шли «на погребки».

Но, слава Богу, минули
Забавы эти винные,
Я понял, что с «разливами»
Завязывать пора.
Чтоб от грехов отмыться
И с веничком взбодриться,
Шли в баню за больницей
Мы парится с утра.

А банька была славная,
Она считалась главной
На всём посёлке Западном
По качеству парной,
И шли мы к поликлинике
С рассвета на помытие,

Чтоб первыми с открытия
Попасть на пар «сухой».

А после бани – к женщинам
С манерами беспечными
И с тягой вековой
К вниманью и любви,
Тогда числом не маленьким
И в окруженье пьяненьком
В мечтах о счастье маялись
И старились они.

Встаёт картиной прошлое
Про наши дни хорошие,
Которые не кончатся,
Казалось, никогда.
Ах, золотое времечко!
Под рюмочки и венички
Прощёлкали, как семечки,
Мы лучшие года...

Новая «восьмёрка»

*Рядом с моим домом
реконструировали
старейший трамвайный
маршрут №8*

С сияющими окнами,
Как будто из слюды,
Бежит трамвайчик новенький
До Чистой слободы.
Как лодочка, качается
Вагончик на ходу,
И рельсы не кончаются,
Пока я не сойду.

Под звонкими колёсами
Недальний путь лежит,
И весело «восьмёрочка»
На Западный бежит.
Минуя рынок Ленинский,
На новый жилмассив
С «ТЭЦ – 2» качу я с песнею,
Условности забыв.

Я радуюсь, как маленький,
И чувства через край -
Уж очень комфортабельный
Мне подали трамвай.
Сажу на коже хромовой
И на табло дивлюсь,
До интерьера нового

Дотронуться боюсь.

Поездку эту быструю
Мне долго не забыть,
А вот и моя «Бийская»,
Пора мне выходить.
Поездка мне понравилась,
Маршрут узнал с трудом,
Вот так бы жизнь поправилась
У нас и в остальном!

Оглавление

На службе у дружбы	5
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	81
Глава 12	88
Глава 13	95
Глава 14	102
Глава 15	110
Глава 16	117
Глава 17	124
«Кадетка» - родина моя	131
Уже скоро!	131
Встреча памяти	134
«Кадетка» - Родина моя	136
Вновь я посетил	138
Приезжайте, друзья!	141
Отпускник	142
Быль о кадетском клёше	144
Моим друзьям из Спецназа ГРУ	145

Остановившему мгновенье	146
С Юбилеем, дорогая М. В.	147
Петя Петрович	149
Старый альбом	150
За шляпой	152
С Днём защитника Отечества	154
Моё второе «Я»	155
Письмо в столицу	157
Ушёл Женя Романов	159
Визит кадета	161
Прощай, Праздник	164
Марш Единства	167
Марш ветеранов СВУ	168
Марш Содружества	169
Наш Союз	170
Когда мы едины	171
Мы идём!	171
Работайте, братья!	173
Родичи	174
У братской могилы	176
Десант	178
Победитель	180
Русский Спецназ	181
Вызываю огонь на себя	183
Вы с нами!	184
Камни Бадабера	185
Не добьются!	187
Он вернётся!	188
Сборы не впору	190
Письмо Наташе	194

Отличник СА	196
Дети Донбасса	199
Ангелы не вернутся	201
Чёрный человек	203
Один за всех	205
Уходит эпоха	207
На горных тропах и в лугах	207
Не западаем мы на Запад	209
Я с народом!	213
Я спросил у политиков	216
Иди ты!	219
Ну, что, сходил?	221
Диалектика	224
Рыжий, рыжий, конопатый	226
С ЕГЭ по жизни	228
На паперти	231
Хотелки и терпелка	234
У либералов	237
Эх, эхо!	239
Ответ либералу	241
Рубля не дам на Нотр Дам	243
Останусь дома	245
Чем можем, поможем	247
Кто ты, Россия?	248
Россия, ты ли это?	249
Сибирь моя	252
Я устал	255
Лесоповал	256
Уходит эпоха	258
Психи	260

Ода Крымскому мосту	262
Надежды лучик золотой	263
Из жизни стихотворного метра	263
Заветный томик	264
Комета	269
Без обиды	270
Поэтом я не назовусь	273
Священные тексты	276
Запретный город в Пекине	278
Гололёд с утра	279
Уйду в башкиры	280
Башкирским братьям	281
Мужик обыкновенный	283
Последняя скрепа России	285
Ехать некуда	287
Роща отговорила	289
Русское небо	291
Странник	293
Град на болотах	294
Всё вернётся	296
Ре мажор	299
Райские кущи	300
День пожилого человека	302
Весна-злодейка	303
Во дворе	306
Грамотей	309
Пока светит звезда	311
Конфетка	314
Ещё не всё	316
Жизнь сначала	317

Монах	318
Мельник	320
К цыганам в табор	322
Калиф	324
Приоритеты	328
 Всё бы хихоньки да хаханьки	 329
Я к вам пишу	329
Велик из детства	331
Ясный свет	338
Зимний байк	342
Полёты и просчёты	344
Оленька и воины	347
В тот день	349
Кати на «Ниве» мимо»	351
Чашка чая	353
Жду тебя	355
Хорошие руки	357
Ошибка вышла	359
Глаза осени	361
Гость дорогой	363
Старая мама	365
Первый день весны	367
Песня на двоих	369
Сахалинов сын	358
Слезинка Божья	371
Споём, Серёжа...	373
В ресторане	375
Наказ от папы Карло	377
Плата за палату	379
Гребцы	380

Песни подземелья	382
Завет особый	384
Подземному артисту...	386
Между «Я» и «Мы»	389
Сакура в Сокуре	392
Собачья свадьба	393
Корыто	396
У реки Яя	398
Пора, мой друг, пора...	400
Вопрос науки	401
В Антарктиду	403
Про кита	406
Тряпичная мышка	408
Старый гриб	409
Книжка про коротышек	411
Сын и хэллоуин	414
Новогодние вакации	416
Соседка	417
Жестокий романс	419
Светлой памяти Эдички	420
Новичок не дурачок!	423
Мы шутим	425
 На родном «Западном»	 426
«Дюкашка»	426
Под зонтом	428
От Халтурина до Порядковой	430
Новая «восьмёрка»	433
 Оглавление	 435

